

СКАЗОЧНИК
КИВАГМЭ

К. СЕРГЕЕВА * СКАЗОЧНИК КИВАГМЭ *

Магаданское книжное издательство * 1968 *

К. СЕРГЕЕВА

СКАЗОЧНИК КИВАГМЭ

Второе дополненное издание

...Год 1933. Небольшое судно вошло в тихую бухту Эмма. Серая тундра, несколько яранг в селении Урелик... Такой предстала для Катерины Семеновны Сергеевой Чукотка, где надо было начинать новую жизнь — учить детей эскимосской грамоте, открывать глаза взрослым — тем, кто не имел представления о карандаше, ручке, а само слово «ликбез» было загадочным и сравнить его в этих условиях было не с чем...

Урелик был как на ладони — несколько яранг. Обитатели его с любопытством наблюдали с берега за пассажирами, тоже собравшимися кучкой.

Нет, ее не пугала новая обстановка, не страшила ее и суровость природы. Она учительница, а это ко многому обязывает.

Катерину Семеновну мучил вопрос: с чего начинать? Где начало начал обучения эскимосов? Об учебниках говорить не приходится — их вообще нет, нет даже письменности...

Так началась работа учительницы эскимосов Катерины Семеновны Сергеевой — ныне ученого-эскимолога.

В течение многих лет, за исключением тех, когда Катерине Семеновне приходилось продолжать в Ленинграде работу по созданию и введению эскимосской письменности, она записывала устные рассказы, сказки и легенды эскимоса Кивагмэ.

Книга о жизни этого мужественного человека, его сказки, была издана Магаданским книжным издательством в 1962 году под названием «Сказочник Кивагмэ». Книга получила высокую оценку. Илья Сельвинский писал в «Литературной России»:

«Тяжела была жизнь Кивагмэ, но ему улыбнулась удача: в бухте Провидения он встретился с эскимологом Сергеевой. Она стенографически записала сказки и рассказы, которые Кивагмэ ей диктовал, а затем подвергла их литературной обработке. С этой задачей Сергеева справилась с удивительным тактом, проявив прекрасный вкус и глубокое чувство слова».

В ноябре 1963 года К. С. Сергеева получила письмо от известного американского художника Рокуэлла Кента.

«Дорогая мадам Сергеева! — писал художник. — Я восхищен Вашей книгой эскимосских сказок... Мистер Болотников написал мне о Вашем большом достижении — о составлении дальневосточного эскимосского алфавита и введении письменности этого языка... Я завидую Вашему тесному контакту с этим народом на протяжении многих лет, плодом чего и явилась Ваша работа».

С совершенным почтением, Ваш Рокуэлл Кент».

Катерина Семеновна не перестает работать над эскимосским фольклором. В эту книгу включены сказки, обработанные автором для нового издания.

Художник Д. А. БРЮХАНОВ

*Сыну моему и лучшему другу Дориану Андреевичу Сергееву
книгу эту посвящаю*

Автор

Не часто к эскимосскому мальчику приходит большая удача. Она предвещает богатую охоту, достаток, семейные радости. Это — в дальнейшей жизни, когда он вырастет. Сейчас будущему счастливцу идет всего восьмой год.

Вот он с ватагой сверстников готовится сломать радугу. Она повисла разноцветным ребром на небе, где замешкался долгожданный солнечный луч. Теперь только от ловкости ребятишек зависит, останется ли ясная погода или снова густой туман окутает сопки. Тогда поселок будет мскнуть под мелкой сеткой непрерывного дождя.

На берег высыпали все односельчане. Особенно хотят удержать солнце старики. Их натруженные кости просят тепла. Взрослые подбадривают малышей и взволнованно кричат им:

- Бросайте, бросайте что-нибудь, чтоб сломать радугу!
- Разгоните туман!
- Удержите солнце!

Мальчики выстроились в ряд. Кто-то подбрасывает над толпой лопаточную кость, и один из ребятишек пытается попасть в нее камнем. Размахнулся... Мимо!

Вот подготовился другой мальчик. Снова костяная мишень над головами. Второй промах!.. А окружающие настойчиво повторяют, уже не просят, а требуют:

- Ломайте! Ломайте же радугу, не то будет поздно!

Подошла очередь маленького Кивагмэ. Нерпичья лопатка взметнулась вверх, и в тот же миг раздался сухой звонкий щелчок: ловко брошенный камень разбил хрупкую кость. Послышался радостный смех, возгласы:

- Ынмесс тагитугым тулима айимтахпут!
- Наконец-то мы сломали туманово ребро!

Женщины окружили мать счастливца:

- Этхеун, твоего сына ждет большая удача: он сломал радугу! У тебя будет спокойная старость.

Среди мужчин степенно говорили о том, что у Пагныхака сын станет прекрасным охотником. Победа над радугой предвещает ему во всем удачу.

Навсегда запомнился мальчику Кивагмэ этот светлый день — день, когда он для всего селения «делал хорошую погоду».

Шло время. Небо то синело, то снова украшалось солнечным светом. А жизнь в поселке текла без особых событий. Как и все охотники, Пагныхак только в ненастье оставался в яранге. Зверобой, не теряя погожих дней, по целым суткам находились в море, готовили запасы на долгую холодную зиму. На Севере суровая зима не редкость.

Кивагмэ проводил все светлое время на воздухе: короток зимний день. Зато ночь тянется бесконечно. Этой зимой особенно часто лаяли и выли собаки. Они всегда тревожатся, когда вокруг человеческих жилищ в темноте бродят черти-тугныгаки¹. Почти каждую ночь отцу Кивагмэ приходилось отгонять непрощенных гостей. В наттыке² для этого всегда висит готовый мешок-аватахпак³, привязанный на длинный ремень. Пагныхак, как и его отец, и дед, обегал вокруг своего дома два-три раза, высоко над головой размахивал мешком, и аватахпак охранял ярангу от злых пришельцев, отпугивая недобрых духов. А в пологах ребятишки жались к матерям и со страхом шептали:

— Тугныгегакут... Черти бродят вокруг...

Затихала пурга, замолкали собаки. Водворялся покой в жилище человека.

Приходила весна. Она приносила с собой яркое солнце, тепло. Наступала пора щебетанья птиц и веселого смеха ребятишек. Маленькие человечки стайками бегали по протоптанным в снегу дорожкам.

Вот кто-то предложил поиграть с «веслом». Из ближайшей яранги притащили небольшую продолговатую пластинку. В плотный снежный холмик воткнули «весло» — акута так, что наконечник с головкой торчал прямо кверху. К костяному колечку на головке привязали веревочку-ремешок. Теперь можно начинать «акутагвак». Ребятишки выстроились в ряд. Подбежал первый, схватил веревочку, быстро и резко дернул, — пластинка взвилась высоко в воздух. Раздался друж-

¹ Тугныгак — злой дух, черт.

² Наттык — холодная часть яранги.

³ Аватахпак — мешок из нерпичьей шкуры, надутый воздухом. Для изготовления аватахпака шкура снималась целиком.

ный возглас одобрения. Следующий участник игры ставит весло опять, глубоко воткнув его в снег, рывком выхватывает за веревочку и... пластинка звонко хлопает одного из игроков по спине. Громким смехом награждается неловкий мальчуган. А следующий уже приготовился к броску. Еще и еще...

— А ну, кто закинет выше меня?

Наконец победитель в игре признан, весло отнесено на место. Надо придумывать еще что-нибудь интересное. Вся ватага мчится на маленькую сопочку. Там солнце давно растопило снег, прошлогодний мох заманчиво темнеет.

— Айда, посмотрим, что там есть! — предлагает один. Ребятишки гурьбой несутся к облюбованному пригорку и с разбегу валятся на теплую землю.

Однако и весна имеет свои неприятности. Из ближайшей яранги выходит почтенный старец и отчитывает малышей:

— Нельзя ходить по месту, где только что стоял снег! Нельзя сидеть на проталинке: это ухудшает загробную жизнь тех, кто плохо умер! Идите играть в другое место.

Ребятишки понуро покидают запретный холмик. Веселье их померкло. А вечером, в пологе, каждый непременно спросит отца или мать, почему им не позволили играть на согретом солнцем бугорке? Им расскажут, что под землей, по которой они бегают, есть еще одна земля. Там всегда темно, сыро, капает вода. Каждый, кто умер от болезни — «плохой смертью», — попадает туда. Только весной, когда прогреет солнце и с пригорков и холмиков сходит снег, в тех местах на подземных жителей перестает капать. Поэтому нельзя ни сидеть, ни играть на проталинах — отнимать солнечное тепло у умерших.

Кивагмэ слушает, широко раскрыв глаза. Ему до слез жаль людей, на которых всегда капает холодная вода.

— А наш дедушка? — задает он вопрос отцу. — Ему тоже так плохо?

— Нет, малыш, — успокаивает его Пагныхак, — ему хорошо. Старики, принявшие смерть от ремня¹, сидят на облаках. Им оттуда видно, как люди живут на земле.

А в поселке уже настает лето. Девятое лето для Кивагмэ. Отец подарил ему настоящее мелкокалиберное ружье и обещал брать с собой на охоту за нерпой. Ждать недолго: быстро придет осень, и еще скорее заменит ее зима.

— Помни, что ружье — не игрушечный лук и не закидушка, — сказал Пагныхак сыну:

¹ У эскимосов было следующее представление о загробном мире: а) умершие «плохой смертью» — от болезни — попадали в ад, находящийся под землей, там вечная темнота, сырость, холод, сверху капает вода; б) удушенный ремнем по своему желанию — сидит на облаках; в) умерший «хорошей смертью» — от старости, в пути, на охоте — попадает на небо: там прекрасная охота, много зверя, сытно, тепло и радостно.

— Его надо беречь, держать в чехле. Попроси маму, пусть сошьет тебе. Из такого ружья можно даже лахтака добыть. Надо только упражняться в стрельбе.

Когда появился ледок, Пагныхак начал учить сына охоте на нерпу с берега. Мальчику приходилось внимательно присматриваться к движениям опытного зверобоя.

Между тем морозы крепчали, а с ними утолщался лед. И теперь по прочному льду Пагныхак часто брал с собою сына. Однажды, в ясный безветренный день зашли они очень далеко. Вдруг у полыньи увидели двух лежащих нерп. Охотник прицелился — одну убил сразу.

— Ну, — обратился он к сыну, — вторая наверняка ушла.

Заглянули они за небольшой торосик, а оттуда смотрит нерпочка. Любопытного зверька заинтересовал звук выстрела. Нерпа решила узнать, что это там шумит?

— Видно, не встречала еще она охотников, непуганая, — объяснил Пагныхак и прицелился. Бах!.. Мимо. Приложился вторично — снова промазал. А нерпочка приподнялась на передних лапах и смотрит на странные существа, которых еще не видывала.

«После третьего промаха — с охоты уходи!» — требует старое поверье. Пагныхак взял из рук сына мелкокалиберку, отложил ее чуть подальше, дал ему свое ружье, наладил, прикинул расстояние и скомандовал:

— Стреляй ты!

Тот выстрелил — мимо. Прицелился второй раз и опять не понал. А зверюшка как ни в чем не бывало лежит, с людей глаз не сводит и — ни с места. Глупенькая, должно быть, еще была.

Загорелся маленький охотник. Отложил ружье отца, дотянулся до своего, прицелился и выстрелил. Распласталась нерпочка и окрасила лед вокруг. Кивагмэ не верил своим глазам. Его первая добыча! Еще минуту тому назад он готов был плакать от горя: скверная примета, если мальчик свою первую нерпу не убьет с третьего выстрела. А больше трех раз по одному зверю стрелять запрещалось.

Охотники прихватили обеих нерп и повезли их, каждый по одной, к берегу. Весть о том, что мальчик впервые добыл зверя, сразу же облетела поселок.

Кивагмэ, гордый своей победой, не обратил внимания на то, что его добычу не разделявают, что в ярангу пришла какая-то незнакомая ему старуха. Он очнулся от своих дум только тогда, когда в наттык набралось много народу. С удивлением увидел мальчик, что эта женщина держит в руках небольшой чистенький тазик, а взрослые кладут в него сахар, табак, чай... Совсем непонятно. Еще более странным показалось Кивагмэ, что чужая женщина уверенно распоряжалась в их яранге. Опустив на пол посуду, она установила только что убитую нерпу вертикально в углу. Затем долго мыла руки принесенной кем-то свежей пресной водой.

Взрослые и дети внимательно следили за действиями седой женщины: всем было интересно, как паренька из их поселка будут в охот-

ники посвящать. Старуха кончила омовение, насухо вытерла руки куском белой некрашеной ровдуги¹, которую каждая мать бережет для такого обряда. Затем она подошла к виновнику торжественного события и негромко приказала мальчику:

— Падай на пол! Живо! На пол падай!

Однако Кивагмэ не сдвинулся с места. Он не понимал, что он должен делать. Почему эта женщина требует, чтобы он упал на пол? Он озирается вокруг, а народу набралось — не протолкнешься к выходу! И все кричат ему:

— Держись! Не падай!

— Стой, не поддавайся!

Мальчик не только никогда не присутствовал, но даже ничего не слышал о таком обряде. Он не знал, что именно так и полагается по ходу действия кричать окружающим. Не догадывался и о том, что эти шутливые крики не подсказывают правильного поведения. Согласно обычаю, зрители могут подстрекать его, но юноша, посвящающийся в охотники, не должен по-настоящему бороться с пожилой женщиной².

Сверстникам посвящаемого было весело и интересно, они изо всех сил кричали:

— Не падай! Не поддавайся! Замучай старуху!

Взрослые охотники смотрят на смущенного мальчугана, не знаящего, чего от него хотят, и от всего сердца смеются. Некоторые легонько подталкивают Пагныхака:

— Давно ли ты испытывал сам такой страх? Или ты забыл, как мы тебе кричали: «Стыдно, если старуха тебя победит».

— Да, время идет, — улыбаясь, но с грустью отвечает своим однокласскам отец нового охотника.

А действие перед убитой нерпой разыгрывается по давно установленному порядку. Старуха подошла вплотную к мальчику, тянет его, чтобы «бросить» на пол: ей положено «убить» убившего. Но тот, подстрекаемый криками, упирается, не дается... Старая женщина устала, замучилась, она тихонько шепчет на ухо мальчику:

— Упади, ну! Слышишь, падай!

Только теперь догадался юный зверобой, что это такой обряд, что ему давно следовало выполнить приказание женщины. И он изображает убитого перед своей первой добычей³. В тот же день мальчику к поясу пришили амулет — «косатку», она будет его защитницей на

¹ Ровдуга — кожа оленя или нерпы, выделанная особым способом наподобие замши.

² У эскимосов существовал старинный обычай, особой игрой-представлением утверждавший молодого человека в звании охотника. Самая уважаемая и престарелая в поселке женщина перед добытым животным разыгрывала сценку, имевшую целью убедить убитого зверя, что обидчик «убит» ею. «Душа» нерпы скажет об этом другим животным, и они не будут избегать этого охотника — ему будет сопутствовать удача.

³ Такая обрядовая инсценировка делается только для нерпы и лахтака, добытых охотником впервые в его жизни.

море. Перед уходом домой старуха «покормила» ее — смазала рот жертвенной кровью и жиром. Добытую нерпу и тазик со всем содержимым она взяла с собой: это ей подарок за ее «победу» над новым членом семьи охотников. Такой подарок имеет особое значение и носит специальное название — ваяхкисхак — «отобранное», «отнятое». После посвящения окружающие или приехавшие из другого поселка, чтобы выказать уважение юному охотнику, говорят:

— Ваяматын? («отобрали зверя у тебя?») — подтверждая, что он уже охотник!

На следующий же день приехавшие в Кивак из соседнего селения задали этот желанный вопрос, и мальчик скромно, но с достоинством ответил кивком головы.

Прошло не более года с того памятного дня, когда Кивагмэ боролся за право называться охотником своего селения. Отец много раз брал с собою мальчика, и тот добыл еще четыре нерпы. И семья Пагныхака и односельчане верили, что удача заслуженно сопутствует мальчику, сломавшему в свое время «туманово ребро». Однако счастье, принесенное разбитой радугой, оказалось коротким: Кивагмэ остался сиротой.

Тяжела доля яйвали¹. Он — будущий охотник. Ему необходимо постоянно тренироваться, чтобы стать сильным, быстрым, ловким, выносливым... Воспитать охотника может только мужчина...

Началась у Кивагмэ трудная жизнь. Одни сутки он проводил в первой яранге поселка, другие — во второй, потом — в следующей... В каждом жилище его кормили, как своего, приводили в порядок одежду и обувь, а он выполнял мужскую работу по дому, помогал на охоте. Ему никто не делал ничего плохого — грех обижать сироту, — но жизнь его проходила безрадостно. Сутки казались непомерно длинными, а зима бесконечной.

...Крадучись, как коварный зверь, подошло и общее горе. К концу зимы погода ухудшилась, снежные пурги сменились жестокими штормами. Весна не приходила. Запасы еды истощились. Охотиться не было никакой возможности. В пищу пошли старые покрышки от яранг. Начался голод.

Вспомнилось мальчику, как дружил его отец с кочующими, как те, приезжая в гости, подолгу жили в родительской яранге. Чукчи привозили оленину, теплые шкуры, отец давал им ремни, лахтачьи подошвы, моржатины. И Кивагмэ решил идти в пастухи, в тундру... С тяжелым сердцем покидал он родной поселок.

Трудна жизнь берегового охотника. Он должен умением и силой взять все, что дает морской зверь: еду и жир, покрышки и пол для жилища, непромокаемую одежду и обтяжку для лодок-байдар. Для питания семьи и на прокорм собакам требуется много мяса. Вот и бьются прибрежные жители за богатый промысел, забывая подчас о сне и об отдыхе.

¹ Яйвали — сирота (эским.).

Зато детей берегут и лелеют родители-эскимосы. Малыши, не зная забот, резвятся и играют, пока не возмужают. Постепенно, от игр переходят они к упражнениям, далее — к тренировкам, а там наступает и пора соревнований.

С утра ребятишки бегут на берег моря. Оно всегда приносит им какие-нибудь радостные неожиданности. То посчастливится найти красивую глубоководную звезду или круглых ежей с яркоокрашенной сердцевинкой. Или прибоем выбросит сочную солончатую морскую капусту, так аппетитно хрустящую на зубах. Отдав женщинам собранные двусторчатые раковины (если их сварить, они напоминают вкусные хрящики), малыши затевают множество игр. Движения их стремительны, маленькие человечки все делают бегом. За день их ловкие ножки протопчут такое расстояние, какое подчас и взрослому трудно одолеть.

...Бегать за оленями, помогать взрослым, набрасывать на ветвистые рога тонкий свистящий в воздухе аркан — все это рисовалось маленькому Кивагмэ увлекательным и нетрудным. Но жизнь кочевых людей — не игра. Это понял береговой мальчик в первый же день своей работы. Бегать! Бегать днем и ночью, догонять и опережать разбредавшихся по тундре оленей. В дождь и ветер, в снег и пургу стремительно мчаться, выполняя приказание взрослого пастуха. Быть все время на воздухе, где так быстро растет аппетит, подавлять в себе острое желание есть. Один раз в сутки получить немного пищи, не утоляющей голода...

Так начался самостоятельный жизненный путь Кивагмэ, длившийся много дней.

Он приучил себя превозмогать голод и усталость. Оставался внешне спокойным, когда от трудности и тоски хотелось плакать. Наловчился безупречно набрасывать чаат на рога любого оленя. Чукотскую речь он усвоил настолько, что никто бы не поверил, что его родной язык так же отличается от чукотского, как морж от белого медведя. Но мысли его всегда были на родном берегу. Кивагмэ думал о море, мечтал о нем, видел его во сне.

«Если очень сильно чего-то хотеть, то желаемое непременно сбывается», — говорит народная мудрость. На этот раз случилось именно так. Приехавшие в стойбище береговые охотники предложили Кивагмэ отправиться с ними в селение Урелик, где его решил взять во внуки почитаемый старейшина — Апыкак. Радости мальчика не было границ.

Апыкак, взявший на воспитание сироту, быстро к нему привязался. Старик требовательно развивал в своем ученике качества, необходимые для хорошего зверобоя. Тот отвечал своему учителю безусловным повиновением.

Кивагмэ был честолюбив, и это помогло ему постепенно завоевывать первенство среди юношей в беге и метании камней из пращи. Постоянные тренировки развили остроту глаза, меткость. Настал и такой день, когда Кивагмэ был признан лучшим стрелком из ружья.

...Издавна люди умели отсчитывать дни. Отправляясь в дальний путь, охотники брали с собой острую палку — аявек¹. На ней они зарубкой отмечали каждую ночевку. Сколько ночей, столько зарубок. Многие помнили — «сколько», какое количество зим прожили они на земле.

Но не дано было людям знать «когда». Ни один из жителей побежья не мог бы точно сказать: «Я родился в таком-то году», — так как его народ не обладал мерилom времени. Счет зимам велся от какого-нибудь крупного события. Так, например, говорили: «Это произошло в первую зиму после того, как Ивакак убил гренландского кита».

В тот год, когда Кивагмэ посчастливилось убить первого белого медведя, юноша уже знал, что где-то на Большой земле имеются календари. Но на Чукотке никто не видел такого бумажного аявека, и в Урелике теперь говорили: «Это случилось в ту зиму, когда Кивагмэ добыл медведя».

А когда в сердце Кивагмэ вошла любовь? Кого мог бы он спросить об этом? И кто бы сумел ответить на такой вопрос?

В какой-то день открылись глаза у юноши, и он увидел ту, лучше и дороже которой не было и никогда не будет. По-иному засияло для него солнце, ярче зацвел мох на сопках, стремительнее побежал ручей. Кивагмэ почувствовал себя на голову выше — ему теперь надо было издали видеть избранницу. Его плечи раздавались вширь, ему хотелось раскинуть руки, чтоб удержать любимую.

Человек может превозмочь голод и усталость, может победить сильнейшего врага. Но любовь неодолима. И когда завершалась дневная работа, эти двое подолгу ходили, взявшись за руки, вдоль берега, где прибой шептал им что-то свое, а их речи делал недостижимыми для постороннего слуха. «Китов узнают по фонтанам, влюбленных — по глазам». Чего недоглядел Апыкак, то подсказали ему окружающие. Старик и мысли не допускал, что его воспитанник осмелится сам сделать выбор. Про себя он давно решил женить Кивагмэ на одной из дочерей Анкауна. «Придется, видно, с этим поторопиться», — подумал старик, когда узнал обо всем.

В ближайший вечер в полог старика пришел Таглянь, брат предполагаемой невесты, и решение было принято.

Суровы были древние обычаи. Слово старшего — закон. Младший не смел заговорить первым. Прервать речь старшего считалось грехом. Нарушение приказания было таким преступлением, на которое не решился бы в те времена смелый охотник.

Незыблемо передавался жизненный опыт от поколения к поколению. Люди умирали, нарождались новые, а обычаи охраняли старину, хотя многие ее законы становились людям тесными, как прошлогодняя кухлянка, из которой ребенок давно вырос...

¹ Аявек — длинная палка, служившая для охотников календарем, на ней зарубками отмечали они количество суток, проведенных в пути.

Прошло много лет с того дня, когда Кивагмэ в последний раз виделся с любимой девушкой. Куда и как она исчезла? Может быть, ее увезли в далекое стойбище?.. Что для этого сделал Апыкак — кто знает?

Кивагмэ выполнил его волю — женился на сестре Тагल्या. Имел трех сыновей. Жена оказалась хорошей, трудолюбивой хозяйкой и чутким человеком. Но памяти своей первой любви Кивагмэ остался верен до конца жизни.

Есть хорошее слово в эскимосском языке — пагитак — памятный подарок от умершего или уехавшего далеко и надолго. Таким подарком была для Кивагмэ легенда, которую услышал он из уст любимой девушки. В этой печальной повести, как лунный блик в росинке, отражалась безрадостная доля женщины Севера. Рассказывая ее, Кивагмэ сам уронил на колени запоздавшую слезу.

ТИЛЬМА¹ И АМИКЛЮХАК²

В Сиренике на берегу стоят китовые ребра. Им уже очень много лет. Однако самое древнее ребро когда-то было юношей. Жил он еще тогда, когда никто не слышал о железе, не знал металлического ножа и даже во сне не думал о ружье. Звали этого человека Тильма. Тот, кто дал мальчику это имя, приносил клятву воспитать человека, достойного имени горного орла.

Приемный отец передал своему воспитаннику все знания, которые приобрел за долгую мудрую жизнь. Тильма вырос мужественным, сильным, выносливым. Тело его было словно из кости, так плотно прилегали одна к другой мышцы; движения стремительны, как у волка, догоняющего оленя; взгляд светел, походка легка. Старик и юноша любили друг друга, как любят смелые воины или бесстрашные охотники, вместе радовались удачам, делили сообща горе.

Когда пришло время и старик переступил порог той жизни, где не переводятся тучные стада оленей, огромными стаями летают лебеди и прекрасная охота не оскудевает, юноша с глубокой болью переносил тяжелую утрату. Он выполнил все обязанности, возложенные на остающегося в живых. Теперь его отцу не угрожали страдания и неудачи в прекрасной стране, куда старый охотник ушел навсегда. Но покоя и радости Тильма найти не мог. Часто приходил он на берег, подолгу смотрел на море, приносившее к его ногам неземные дары: раковины, медуз, морские звезды.

Однажды ему послышались чьи-то шаги. Он обернулся и увидел девушку. Ее яранга находилась на самом краю поселка.

¹ Тильма — орел (эским.).

² Амиклюк — горноста́й. Ласкательное — Амиклюхак — горностаюшка (эским.).

С детских лет привык юноша видеть у входа меховые комбинезоны ребятишек, игравших своими незатейливыми игрушками. Среди этой шумливой ватаги ничем не выделялась худенькая девочка. Тильма смотрел на нее и удивлялся: когда она успела вырасти?.. Еще совсем недавно она взапуски бегала с самыми шустрыми ребятишками! Эх, да ведь и я уже стал охотником.

Юноша глаз не мог отвести от прелестного лица. Амиклюхак! Лучшего имени для такой стройной и гибкой, какую стала эта девушка, и придумать было трудно.

Девушка заговорила первая:

— Много дней прошло с тех пор, когда твою ярангу посетило горе. Я часто вижу тебя здесь. Ты тоскуешь. Твое лицо пасмурно, глаза, как месяц, затененный туманом. Позволь мне взять часть твоей боли и погрузить вместе с тобою: горе на двоих — половина горя. Когда же к тебе придет счастье, оно удвоится: одна радость на двоих — две радости.

Девушка говорила ласковые слова, голос ее звучал нежно, и на сердце юноши становилось светлее. Он долго смотрел в ее ясные смелые глаза, гладил длинные черные косы и не находил слов, чтобы передать ей свои чувства. Они решили завтра встретиться снова.

Завтра я скажу ей, как мне тепло и радостно рядом с нею, подумал юноша.

Много долгих вечеров провели рядом Тильма и Амиклюхак на морском берегу. Здесь они поверяли друг другу свои мысли и желания. Когда юноша задерживался на охоте, девушка с тревогой ждала его на заветном месте. Если она была занята работой в пологе и не приходила к обещанному сроку, Тильма с волнением смотрел на окраину селения, откуда легкими шагами должна была прийти к нему его будущая жена.

...Это случилось, когда Тильма на несколько дней ушел охотиться в горы. В селение приехали незнакомые люди. Их нарты были нагружены убитыми оленями, теплыми постелями, пыжиками. Прибывшие привезли жилые нити, соболей и росомах для обшивки праздничной одежды. Все эти подарки они оставили родителям девушки. Взяли же из яранги только одну Горностаюшку. Они силой поволокли несчастную, не обращая внимания на ее рыдания.

Не хотела девушка покидать родной поселок, не могла расстаться с тем, кого любила. Прижалась она к основному столбу яранги, умоляя хранителя домашнего очага¹ защитить ее. Крепко привязала себя косами к атаныку² в надежде на спасение.

¹ По религиозным представлениям эскимосов, каждая яранга имела своего духа-охранителя, деревянное или костяное скульптурное изображение которого чаще всего прикреплялось к основному столбу внутри яранги.

² Атанык — центральный столб, служивший основой каркаса эскимосской яранги.

Не тронули приезжих жгучие слезы девушки, не пожалели они ее девичьих кос. Обрезав волосы острыми каменными ножами, они увезли невесту Тильмы навсегда.

Радостный вернулся с удачной охоты юноша. Не сразу узнал он о случившемся несчастье. Никто не торопился с худой вестью: всем известно, что увезенную в тундру до глубокой старости ищи — не найдешь.

Услышав о безвозвратной потере, погас охотник, как светильник, опустошенный жестокой рукой.

Долго не мог смириться юноша с мыслью, что любимая Горностаюшка потеряна навсегда. Все, что было в силах человеческих, сделал Тильма, чтоб найти хоть след... Необъятно велика тундра, не счесть в ней звериных троп. Затерялись полосы, подчерченные нартами умчавшихся людей. Равнодушная пурга одинаково надежно спрятала все под белым покрывалом...

Вернулся Тильма в родное селение, но на охоту больше не ходил. Он лишился сна, не принимал пищи. С трудом добравшись до берега, подолгу стоял он на заветном месте, не сводя глаз с дорожки, по которой никогда больше не придет его счастье.

Однажды, когда наступил большой прилив, юноша обратился к Хозяйке моря¹ с мольбою:

— Верни мне Амиклюхак! Если это не в твоих силах, возьми меня к себе. Мне невозможно больше жить на земле без любимой!

Пожалела Хозяйка моря верного юношу, согласилась ему помочь:

— Уверен ли ты в своих словах, твердо ли твое решение?

— Да, желание мое непоколебимо! — уверенно сказал Тильма. — Помоги мне, любое твое повеление я выполняю, как бы трудно оно ни было!

— Не дано мне права отбирать у земли удачливого охотника, — произнесла Мыгым Агна задумчиво, — но и оставить тебя в беде не хочется. Взять тебя под воду я не смею. Останешься на берегу, обратившись в китовое ребро. Юноши и девушки придут к тебе поверять свои сердечные тайны. Вселяй в них бодрость, надежду — и память о тебе сохранится надолго.

С радостью поднял юноша руки, соединив их над головой в знак подчинения воле Мыгым Агна. Волны все ближе и ближе подкатывались к его ногам, соленая пена белыми брызгами оседала на одежде. Тильма не шевелился...

Когда окончательно отхлынул прилив, на берегу осталось высокое стройное китовое ребро. Стоит оно там и по сей день. На нем висит множество приношений — шкурки горностаю, бусы, ленты. Тайком от всех привязывают свои дары влюбленные

¹ Хозяйка моря — Мыгым Агна — по древним представлениям эскимосов, главное морское божество.

девушки и юноши, прося помощи у Тильмы и Хозяйки моря. Летит мимо ветер, гладит белые шкурки, постукивает о кость бусинами, шевелит цветные ленты. И кажется любящим, что принята их жертва, легче у них на сердце, веселее улыбка.

От времени выветривается кость, дробится скалистый берег, стачивается острое ножа. С годами притупилась и душевная боль. Жизнь несла на своих волнах горести и радости. Удачи в какой-то своей, никому не ведомой последовательности чередовались с трудностями. В яранге подрастали дети.

Кивагмэ словно утерял часть своего «я» и томился, не умея самому себе объяснить, что его тяготит. Особенно трудно бывало в ночной тишине: лежит он с открытыми глазами и ждет утренней зари. Кажется ему, что все происходящее — сон... Ни жены, ни семьи, ни этого душевного полога не существует. С рассветом наступит пробуждение и принесет настоящую явь...

Неожиданный приход американской зверобойной шхуны нарушил привычное течение жизни поселка. Когда переводчик сообщил, что капитану нужен стрелок-матрос, Кивагмэ без колебаний завербовался на весь сезон.

Нелегко работать с людьми, языка которых не знаешь. Еще труднее жить в обстановке, законы и обычаи которой человеку вовсе непонятны и чужды. Нужно было приноровиться спать в узкой койке, о жесткие борта которой то и дело ударяешься локтями и коленями. Очень неудобно было есть, сидя на возвышении со свисающими до полу ногами: не то верхом на олене, не то на плохо нагруженной нарте. Пришлось снять привычное меховое и одеться так, как вся команда. Попробовал было кто-то из матросов испытать крепость своих кулаков, однако новичок так сжал запястье драчуна своей железной хваткой, что у всех отпала охота меряться силами с новым матросом.

Постепенно члены экипажа маленького судна освоились друг с другом. Резко пролегла грань между командующими и исполнителями. Кивагмэ завоевал расположение последних силой, сноровкой, неподкупной честностью и готовностью бескорыстно в любую минуту помочь товарищу. Хорошая память помогла Кивагмэ усвоить несколько десятков часто встречающихся выражений. Скоро он довольно свободно объяснялся по-английски.

За несколько месяцев плавания на шхуне Кивагмэ узнал много необыкновенного. Впервые в жизни попал в город. Сошли на берег, где каждая улица заполнена твердостенными жилищами, как пасть акулы зубами. Бывалые матросы взяли под свою опеку новичков, в число которых попал и Кивагмэ. Всей командой зашли в дом, где можно купить себе за несколько монет жену на короткое время или на ночь. Побывали в баре. Здесь, семеня ногами, неслышно бегали мужчины. Они быстро разносили обжигающие напитки, а посетители отдавали за одурманивающую жидкость часть трудно заработанных денег. В баре толпилось много женщин. Они подходили к пьющим и предла-

гали себя на время. Кивагмэ не мог понять, почему так много хозяек в одном помещении? Почему голодные женщины едят и пьют с посторонними мужчинами? Неужели в городе так бедны мужья, что не в состоянии прокормить своих жен? Все это было непостижимо, чуждо и скверно. Нет, на родном берегу все было проще, понятнее и лучше.

В такие дни, когда матросы пропивали в порту все заработанное и становились должниками капитана, Кивагмэ явственнее чувствовал свою обособленность, тосковал по привычной жизни. Когда же шхуна выходила на промысел, он полной грудьюпил соленый воздух и жадно набрасывался на работу, как голодный на пищу. Капитан не мог нахвалиться своим стрелком.

За охотничий сезон капитан несколько раз заходил в ближайший порт, чтобы пополнить запасы пресной воды, купить продуктов. И всегда повторялось одно и то же. Матросы брали временных женщин, пили спиртное, оставляли в барах заработок. Выходя в море, они проклинали судьбу, ругали капитана, которому всегда были должны больше того, что стоило их скудное питание.

Кивагмэ в попойках не участвовал, городских женщин остерегался. Бродя от одной портовой лавчонки к другой, он покупал недорогие вещицы, о которых мечтали все его землячки. В его непромокаемой сумке хранились граненые металлические иголки, несколько круглых зеркалец, оклеенных бумагой, чудесный разноцветный бисер, два куса туалетного мыла и увесистые плитки сладкого жевательного табака, прочно обернутого в блестящую бумагу. Мысль о том, что он привезет домой такие богатые подарки, наполняла душу Кивагмэ радостным удовлетворением.

...В необычных условиях, вдали от родных берегов, привычная боль ушла куда-то в глубину сердца, уступая место новым впечатлениям. Появилось чувство товарищеской близости с совершенно чужими людьми, готовыми, как и он, в любую минуту, плечом к плечу отражать смертельную опасность. Океан коварен, судно ненадежно. Судьба матросов полностью зависела от них самих. Это сближало моряков. Жизнь становилась дороже, заманчивее, желаннее. В мозгу возникали новые мысли: как определить цену жизни? Чем измерить силу товарищества? Ответ на эти вопросы дал тот же первый рейс на чужеземном судне.

Случилось это так. Однажды на крючок поймалась акула. Это была гигантская хищница, какие попадаются в жизни один раз, и то счастливым.

Зуб акулы — драгоценный амулет, с которым, по поверью моряков, зверобой никогда нигде не утонет. Акулу вытащили на палубу. Здесь она билась и извивалась, пытаясь порвать трос. Один из матросов не остерегся, подошел слишком близко, и рыба-великан задела его хвостом. Раздался вопль непереносимой боли, и человек упал с переломанной ногой. Капитан велел унести стонущего матроса. Неумелыми руками из каких-то дощечек соорудили ему лубки. Вла-

делец шхуны рвал и метал,—приходилось делать непредвиденный заход. Списывали на берег ставшего ненужным члена команды.

Бзволнованный происшествием, Кивагмэ выспрашивал у матросов, что будет дальше с пострадавшим. Ему спокойно отвечали:

— Что будет? Спишут на берег.

— А потом? — допытывался Кивагмэ.

— Потом он останется, а мы пойдем в море. Владельцу шхуны и канитану нужны рабочие руки, а не сломанные ноги!

Кивагмэ никак не мог понять: как можно бросить больного человека одного на чужом берегу? Он погибнет без близких, без друзей! — мысленно восклицал Кивагмэ. И тут же спохватился: как без друзей... а мы? Столько дней проплавали вместе, из одной кружки чай пили... Разве мы чужие! Или он нам не товарищ!

Дождавшись рассвета, Кивагмэ открыл свою заветную сумку и, не глядя на окружающих, отделил от подарков две плитки табаку, кусок туалетного мыла, завернул это в теплую фуфайку, купленную для Апыкака. Потом взял из жиденькой пачки четыре денежные бумажки и положил сверху. Матросы смотрели непонимающе.

— Что это? К чему?

— У береговых охотников такой обычай,—спокойно сказал Кивагмэ.— Каждый дает по своим силам. Нельзя товарища в беде без помощи оставить. Мы уйдем на промысел — на подарки родным я снова заработаю. А он среди чужих, один, больной...

На пустой койке лежал маленький сверток. Люди напряженно молчали. Казалось, они чего-то ждут. Кто-то шевельнулся первым. Он достал матросский деревянный сундучок, вынул из него пару теплых, домашней вязки носков и пачку сигарет, больше там, кроме пошеного белья, ничего не оказалось. Помедлив немного, моряк снял с пальца тоненькое желтого металла колечко и все положил рядом с первым пакетиком. Команда вздохнула с облегчением. Каждый теперь торопился сделать свой вклад... Через несколько минут возле койки больного стоял новый сундучок с аккуратно уложенными в него вещами. Здесь было зеркальце, бритва, две хорошие рубашки — словом, все, что могло найтись ценного у этих бездомных морских бродяг. Сверху лежал добротный, хотя не новый кошелек. В нем было немного металлических и еще меньше бумажных денег. Все, что не было пропито в последнем баре.

Прибыли в порт. Команда на руках перенесла товарища в лачугу немолодого грузчика. Бывший моряк, он согласился приютить матроса до выздоровления. Простились коротко, без лишних слов, без грусти. Возвращались моряки на шхуну молча, неторопливым шагом. Старались идти в ногу. Уже ступив на палубу, один из команды нарушил молчание:

— А я ему зуб акулы все-таки оставил... Может, поправится парень, выйдет снова в море...

Мужчины одобрительно кивнули, а кто-то потрепал его по плечу:

— Молодец, что догадался!

Зверобойный сезон подходил к концу. Близилось время возвращения команды по домам. Кивагмэ не раз мысленно входил в знакомую бухту. Вдали он видел облитые нetaющим снегом белые вершины сопок. Слева высятся отвесные темные скалы. Против них справа пологий берег — Урелик, — где он, сирота, нашел свою вторую родину.

— Ты неплохо поработал, — сказал капитан на прощанье. — Хочешь опять ко мне на шхуну на следующий сезон? Если согласен, жди нас через год...

Так закончилось первое плавание Кивагмэ на иностранном судне. Тогда же был заключен договор на второй сезон. Не один раз после этого поднимался стрелок-эскимос на борт зверобойных и китобойных шхун.

На уреликском берегу жизнь шла своим обычным путем. Кивагмэ сразу, по прибытии из Пловера, включился в бригаду, занял привычное место стрелка. За повседневными заботами привезенные впечатления блекли, меркли. Рассказывая по вечерам о виденном, Кивагмэ иногда ловил себя на мысли: говорю обо всем, словно не сам пережил, а только во сне видел. А на самом-то деле все это было, да подчас еще как трудно было...

Земляки сочувственно, иногда недоверчиво качали головами:

— О таком ни в каких сказках не слыхивали... И понять нельзя, и верить приходится: не станет такой человек обманывать. Слушатели распадались на два лагеря. Молодежь охотно бы поглядела на чужую непонятную жизнь в городах. Женщин волновали богатства, хранящиеся в портовых лавчонках, возможность просто взять в руки, потрогать, выбрать и купить облюбованную вещь.

Старики внимательно слушали, напряженно курили. Свое неодобрение они выражали полным молчанием. Особенно свирепым было в такие часы лицо шаманки, насылающей смерть. Жена Апыкака пользовалась страшной славой знахарки, могущей на расстоянии умертвить человека. Она чутьем угадывала опасность, которую несли ее «злым чудесам» вести о новой жизни. В повеселевшем Кивагмэ она видела признаки неповиновения. Боялась, что за ним потянутся другие, помоложе...

— Надо, чтобы все здоровые мужчины, а с ними и Кивагмэ, начали снова готовиться к старинным нашим состязаниям. Будут тренироваться, упражняться, некогда будет слушать рассказы о чужом, — так решили между собою старики.

Молодежь простодушна. Ей посоветовали, она сразу откликнулась. Сам Кивагмэ с большим желанием принялся за игры и подготовку к состязаниям. Теперь все свободное от охоты время мужчины проводили на площадке¹. Бегали, прыгали, поднимали тяжести. Бросали

¹ Возле каждого поселка имелаась беговая дорожка — акфакутвик, на которой тренировались эскимосы-мужчины.

камни из пращи, стреляли из ружья. Первым по стрельбе в Урелике снова стал Кивагмэ. Он этим гордился. Когда кто-нибудь из приезжих интересовался:

— Кто в вашем поселке лучший стрелок? — он полушутя, полу-серьезно отвечал:

— Ратхугье, конечно. Но на состязаниях приз всегда достается мне.

Не любил Кивагмэ только поднятия тяжестей. Для этого имелись специальные камни. В подобных состязаниях он никогда не принимал участия. Как-то однажды его спросили:

— Почему ты избегаешь померяться силами? Ведь ты уже в летах, по всему видно, что ты не из слабеньких. Почему же ты не поднимаешь камни?

Кивагмэ с усмешкой отвечал:

— Хотя я еще и не старик, но сил у меня так же мало, как и в то время, когда я был молодым.

— Откуда же ты можешь знать, сколько у тебя сил, если ни с кем не единоборствовал ни разу, — с раздражением возразил кто-то из собравшихся вокруг.

— Это проще простого, — уже открыто смеясь, сказал Кивагмэ. — У нас в бухте есть камень. Подходящий. Я не мог его поднять, когда был молодым, не могу и теперь.

И он указал на черную скалу противоположного берега.

Если бы в те годы задать Кивагмэ вопрос: как ты думаешь, что такое жизнь? Какая она? — он, пожалуй, ответил бы:

— Жизнь — это очень старая женщина. Она, как Апайипайек¹, никогда не рождалась. У нее не было ни отца, ни матери. Она идет, не останавливаясь, по длинной дороге. Над головой держит двуликий шар, похожий на анкак². Когда этот мяч повернет светлой стороной к людям, у них наступает день. Темная сторона делает на земле ночь. Холодно зимой, мерзнут руки. Спрячет их женщина в меховые рукава, чтобы согреть. Шар к груди прижмет крепко — не уронить бы — и идет дальше. Тогда-то настает долгая темная ночь...

Верил этому Кивагмэ. Раньше верил. Посещение городов, смена впечатлений, встречи с разными людьми развеяли древнюю легенду, но внутренний мир охотника не сделали богаче... На шхуне Кивагмэ жил и трудился, как все моряки, но заработок привозил домой. В селении ничем не отличался от земляков. Охотился с бригадой, делал запасы на зиму, приучал к мужскому делу ребятшек. Из Урелика он переехал в Кивак, где родился и провел детство. Поставил новую ярангу.

¹ Апайипайек — паук. По древним представлениям эскимосов, главное божество, сотворившее мир.

² Анкак — мяч, сшитый из кожи и заполненный оленьей шерстью.

Шли годы. Бурный поток революционных событий прокатился по стране. В Анадыре был создан ревком. Но окончательно Советская власть на побережье и в тундре установилась только в начале двадцатых годов.

Кивак с его привычными порядками по-прежнему был в стороне. По издавна заведенному обычаю нанулихтак — хозяин земли получал значительную часть добычи. Он указывал место морской и пушной охоты.

Большая доля шла на приношения шаману, постоянному заступнику людей перед страшными силами духов. Он знал заклинания против злых обитателей гор и рек. Мог призвать или отогнать любого тугныака.

То, чего не могло дать людям море, доставляли торговые шхуны. Купцы акционерного общества «Гудзон-бэй» привозили на Чукотку мануфактуру, галеты, муку. Не умея лукавить, эскимосы отдавали ценные меха, а взамен брали без денег приглянувшиеся товары — металлические ножи, винчестеры, бисер, табак. Получалось всегда так, что купцы совершали благодеяние, якобы доверяя местным жителям. Следующим летом они приезжали собирать «прошлогодную задолженность» и снова давали эскимосам ставшие уже необходимыми привозные товары в кредит. Потребности людей не уменьшались, а долги росли. Свободные добытчики в своих собственных жилищах чувствовали себя пленниками. Владельцы шхун и купцы с каждым приездом больше нагнали, повышали требования, меньше давали.

Кивагмэ оказался счастливее многих. Зная цену деньгам, заработанным тяжелым трудом и лишениями, матрос-охотник не закабалял себя долгами. Плавая на шхунах, он во время стоянок сам покупал на берегу ставшие привычными муку, сахар, чай. Добытую же пушнину продавал. Неутомимый зверобой, он успевал сделать большой запас мяса, жира, собачьего корма. Поэтому его отлучки во время плавания на шхунах не отражались на благополучии домашних. Семья жила в достатке. В пологе всегда горело три жирника.

«У теплого жирника путнику с дальней дороги уютно сидится; между двух нанеков¹ крепко спится; возле трех светильников веселье родится». Мудро сказал народ.

Кивагмэ обрел равновесие, начал, как в юности, смеяться, сдобривал речь шуткой. Теперь в поселке его знали не только как верного товарища, мастера на все руки. Он заслужил славу весельчака, шутника и балагура. Удача ему сопутствовала, когда он вместе с земляками бил с байдар моржей. Счастье помогло ему в борьбе с белыми медведями. На его счету к этому времени было уже четыре зверя. И каждая победа могла стоить ему жизни...

¹ Нанек — жирник, светильник (эским.).

...Зима в 1925 году была на редкость долгая, пуржливая. Ветром оторвало и унесло лед от берега. Над водой остался снежный карниз. Его подмывало и подтачивало море. В любую минуту можно было ждать, что ненадежный навес обрушится. Однако выйти на охоту было нельзя: по проливу целыми полями носились льды. Они то вплотную подходили к берегу, то отодвигались, закрывая выход в море. Запасы свежего мяса кончились. Было съедено все, что оставалось в ямах¹.

Где-то люди охотились на моржей, буксировали добытых лахтаков, подстерегали нерп. Ели мясо. Возле кивакских берегов весна задержала свой приход. Затянувшаяся зима отрезала поселок от всего живого. Целый участок берега был обречен на жестокий голод. В полах уже начали есть танпык... Старые покрывки от яранг, прокопченные насквозь дымом костров, высушенные ветром и солнцем, — вот что такое танпык. Это давно отслужившие свой век моржовые шкуры. Имелись они в каждом поселке и хранились хозяевами на всякий случай, уложенные высоко на столбах для сушки мяса, в недостижимом для собак месте. Там обычно находятся и байдары.

Хозяйка делила танпык на порции. На каждого едока приходилась доля величиной в две мужские ладони. Чтобы размягчить, каждый кусок били молотком на гладком камне. Звуки ударов разносились далеко — пищу готовили во всех ярангах, — и старики, сокрушенно качая головами, говорили:

— Голод стучит!

Расплющенные от многих ударов порции очень долго варили, пока кожа не становилась белой и пористой. Теперь танпык напоминал плотное тесто. Его резали на лапшу, сдабривали остатками прогоркшего нерпичьего жира. Это служило единственной пищей для взрослых и детей. Всегда предприимчивый и деятельный, Кивагмэ не находил себе места: люди голодают, здоровые сильные мужчины с каждым днем становятся слабее.

— Сидя на берегу, сыт не будешь, — не раз говаривал он в хорошие времена...

Наконец выдалось ясное утро. Еще накануне вечером стих ветер. Море было совсем спокойно. Байдарная группа, во главе с опытным охотником Пинлином, по предложению Кивагмэ, решила выйти на промысел.

Шестеро гребцов налегли на весла. Трудно было ослабевшим от недоедания людям. Поселок не так скоро, как бы хотелось, скрылся из виду. Но мысль о том, что они уже в море, которое несколько месяцев закрыто льдами, ободрила гребцов.

Байдара шла, обходя небольшие встречные льдины. Вдруг какое-то движение одной из них привлекло внимание стрелка; он сделал короткий жест рукой, и рулевой развернул байдару по указанному

¹ Условия вечной мерзлоты позволяли жителям Чукотского побережья хранить мясо в ямах, выложенных и прикрытых камнями.

направлению. За небольшим торосом, метрах в восьмидесяти, Кивагмэ увидел первую нерпу. Животное заметило байдару и, повернув голову, слегка приподняло переднюю часть туловища. Расстояние сокращалось, любопытство нерпы сменилось беспокойством. Она начала продвигаться к кромке льда. Медлить было нельзя. Кивагмэ вскинул винчестер. Бригада, как один человек, затаила дыхание. Выстрел Кивагмэ — это пища, жизнь. Стрелок слился в одно целое с оружием. От волнения он не почувствовал привычного толчка в плечо. На мгновение цель была закрыта облачком белого дыма. Но вот ветерок отнес легкую завесу, и все увидели на льду большую нерпу. Она уткнулась головой в неровную поверхность тороса, не добравшись каких-нибудь двух метров до края. Общими усилиями добычу втащили внутрь, ближе к корме. Охотники, обрадованные удачей, хотели тут же на льдине вскипятить чай: голод основательно давал о себе знать. Один из гребцов приготовился было щипать лучины, но его остановила команда Пинлина:

— Быстрее к веслам! Надо возвращаться!

Стихнувший было ветер изменил направление и стал полегоньку дуть с берега навстречу байдаре. Поверхность моря, вначале гладкая, чуть подернутая рябью, начала покрываться крутыми волнами. Бороться с ними ослабевшим людям становилось все труднее.

Кивагмэ сидел на носу, спиной к корме, и внимательно смотрел вперед. Где-то там он давно уже разглядел линию береговых скал. Они вели себя как-то странно. Стрелок мысленно задавал себе вопрос: почему они не приближаются? Ведь шестеро гребцов, хоть они и ослабели, но работают бесперебойно... А байдара медленно удалялась от берега: они попали в полосу сильного течения в самое опасное время — начался отлив. Байдару относил в открытое море.

Бригадир решил высадиться на льдину.

Трудно пришлось гребцам, пока, наконец, не приблизился громаднейший торос, на просторную площадь которого можно было спокойно высаживаться.

Бригадир отдает распоряжение:

— Байдару на лед! Подкрепимся едой и подождем до утра. С рассветом определится и погода.

Через полчаса люди оказались на твердой поверхности огромной льдины.

Прошла ночь. Шторм не утихал. Море, насколько охватывал глаз, было забито крупными и мелкими льдами. Они продолжали дрейфовать в сторону острова Святого Лаврентия. Пока позволял свет, охотники с тревогой наблюдали, как обкалывалось по краям их временное пристанище. Льдины сталкивались, скрежетали, крошились.

Так прошло два дня...

Третий день принес некоторое облегчение — немного стих ветер и улучшилась погода. Охотники сварили чай, истратив весь запас топлива. Горячая вода, обжигавшая руки через алюминиевые кружки, согрела измученных людей. Правда, она была солоновата: снег,

собранный на льдине, уже успел пропитаться солью, — но принесла блаженное тепло. Ели мясо. Оно замерзло, но было сытным, а главное, его было много.

После еды людей стало неудержимо клонить ко сну. С наступлением темноты еще больше усилился мороз. Прикрывшись байдарой, люди сжались в один комок, расположив свои тела так, чтобы удерживать как можно больше тепла. Кивагмэ тоже прислонился спиной к товарищу. Под голову он подложил сумку, лицо прикрыл рукавицами. Нерпичья влажная шерсть холодила. Тогда он вывернул рукавицы наизнанку, суконной подкладкой наружу, и снова лег. Нагретое ладонями сукно приятно согревало лицо. Сон принес людям заслуженный отдых. Третья ночь на льдине проходила спокойно. Охотники, смертельно уставшие за двое суток, спали почти не шевелясь. Надежно укрепленная байдара оберегала их от изредка набегавшего ветра. Люди дышали тяжело. От каждого лица из-под байдара выплывала струйка пара, и над кожаной лодкой подолгу висело неподвижное белое облачко.

Вдруг раздался нечеловеческий вопль. Проснулись все разом. Даже неробкие, выдававшие виды зверобои были ошеломлены тем, что увидели. На льдине во весь рост стоял Кивагмэ. Он дрожал всем телом. Лицо было окровавлено и искажено нестерпимой мукой. По подбородку стекала кровь и, застывая на лету, падала сгустками на лед. Минутой спустя Кивагмэ рухнул навзничь. Он потерял сознание. Взмолнованные люди окружили товарища, стараясь чем-нибудь помочь. Все недоумевали:

— Что стряслось?

Стрелка подняли и положили поудобнее. Когда сняли рукавицы, выяснилась причина несчастья: предельно уставший человек не почувствовал, как во время сна лицо примерзло к влажному от дыхания сукну. Сделав во сне резкое движение, Кивагмэ отдернул руки от лица и сорвал обмороженную ткань. Рукавицы оказали хозяину страшную услугу, обезобразив его лицо непоправимо и навсегда...

Охотники молча стояли, глядя на кровоточащие раны товарища, и были бессильны чем-нибудь облегчить его страдания.

Первым очнулся Пинлин. Из убитой нерпы он вырезал большой кусок шкуры со слоем жира и мяса. Мясо он аккуратно отделил. Затем во льду сделал углубление, а со шкуры соскоблил весь жир. В ямку он положил шкуру шерстью ко льду, расправил так, чтоб получилось нечто вроде сосуда, на дно которого сложил все соскобленное сало. Взяв из охотничьей сумки пучок высушенной травы, предназначенной для запасных стелек, Пинлин обмакнул этот пучок в жир, обложил его кусочками соскобленного сала и поджег. Огонь, охвативший сено, постепенно распространился по мелко наскобленному жиру. Горящее сало стекало по стенкам этого необычного котла в углубленную часть. Когда Кивагмэ пришел в себя, бригадир велел ему взять на ладони слегка остуженный растопленный жир и густо обмазать всю обмороженную поверхность лица.

Пока Кивагмэ занимался лечением, бригадир ловко измельчил нерпичье мясо и бросил его в уже кипящее сало. Когда куски нерпятины потемнели, горящий жир был погашен и охотники принялись за еду. ...Ветер ослабел. Всем известно, что ветер пропадает при большом холоде. Морозом скрепило льды в одно поле. Пинлин решил попытаться дойти до берега.

— Если встретятся полыньи, разводья, — говорил Пинлин, — переправимся на байдаре.

Молчание охотников означало, что они приняли слова своего бригадира как приказ.

Начался двадцатидневный переход по льдам. Люди шли и шли. Через день ели горячее мясо с растопленным жиром: бригадир сэкономил убитую в первый день нерпу. Счастье еще, что не промокли спички. Так и шли, отмечая зарубкой на длинном весле каждый пройденный день.

Самой трудной оказалась последняя ночь. Льдина, на которой расположились охотники, раскололась. Бушевала пурга. В темноте, в вихре снега, сбиваемые с ног рывками ветра, зверобой облепили байдару. Они скользили, падали, снова поднимались, но удерживали ее на месте: потеря лодки означала неминуемую гибель. Стихла буря к утру. В полном изнеможении люди повалились прямо на снег. Они спали.

Никто не знает, сколько длился сон охотников. Никто не помнит, кто первый очнулся. Было совсем светло, далеко на горизонте угадывались вершины скал. Они искрились снегом. Немного ближе, но все еще очень далеко от дрейфующего поля темнела полоса свободного ото льда моря. Чистая вода!

И полуживые люди снова выстроились вдоль бортов байдары. С неимоверными усилиями повлекли они ее к кромке ледяного поля. Теперь их было только шестеро: один погиб во время сильной пурги, другой, оступившись, провалился в трещину между льдами.

А эти шестеро все-таки шли и достигли кромки. С невероятным трудом спустили байдару. И вот кожаное суденышко на воде.

— Отсюда недалеко до Пloverа, — километров восемь или десять, — подбадривал бригаду Пинлин.

Был поздний вечер, когда кто-то из пloverчан вышел, чтоб перед сном еще раз поправить ремни, при помощи которых укрепляют покрывку яранги. Скользнув привычным взглядом по воде, охотник вдруг в недоумении остановился: в такую пору из открытого моря шла лодка. Она явно направлялась к берегу. По тому, как неестественно медленно отрывались весла от воды, наблюдавший понял, что это охотники, весть о гибели которых давно докатилась до Пloverа.

Волнующая новость быстро облетела все яранги. Жители начали спешно готовиться к принятию гостей. Мужчины собрались на бере-

гу, чтобы помочь вытащить байдару. Женщины подвесили чайники, начали варить мясо. В спальные помещения внесли запасные постели.

К моменту, когда байдара, уткнувшись носом в прибрежную гальку, очутилась в надежных руках пловерчан, женщины в ярангах были готовы принять гостей. Однако гребцы некоторое время неподвижно и молча сидели в лодке. Встречавшие подхватили байдару и общими усилиями вытащили ее вместе с людьми на берег. Бережно, как тяжелораненых, вынесли на руках полумертвых от усталости и лишений охотников...

После нескольких часов, проведенных в тепле, у прибывших начали сильно болеть обмороженные и распухшие ноги. Особенно плох был Кивагмэ. Пловерчан устрашала мысль, что несчастный умрет у них в пологе, так и не увидев перед кончиной своих близких. Как только забрезжил рассвет, жители Пловера собрали со всего поселка самых лучших собак. Составив сильную упряжку, они удобно уложили Кивагмэ на нарты и отправили в родной поселок, из которого двадцать четыре дня тому назад он ушел в море, надеясь на удачную охоту.

Поздно вечером безжалостно подгоняемые собаки влетели в Кивак и с разбегу упали, зарывшись в снег, прямо перед входом в ярангу. Местные псы переполошились и рвались с привязи. На поднятый ими шум сбежались люди, и скоро вокруг нарт собрался весь поселок. Кивагмэ перенесли в ярангу, где сняли с него камлейку, кухлянку и торбаса. В пологе народу набралось — не повернуться! Кто-то, желая помочь, начал стягивать меховые чулки-чижи, и Кивагмэ лишился чувств. Ступни ног были сильно обморожены — оголились кости восьми фаланг... Страшно смотреть людям, когда у живого человека из тела кости видны... А помочь? Чем уж тут поможешь! И полог быстро опустел.

Тяжело далась эта ночь Кивагмэ. Он то бредил, то приходил в себя, то снова впадал в забытие. К утру как будто ему стало немного легче. Жена накормила его крепким мясным отваром с мелко наскобленной моржатиной, и он уснул.

Стараясь не потревожить сон мужа, женщина вышла из яранги. Посадив на плечи маленького сына — Анкатагина, — она направилась просить помощи у шамана. За свою долгую практику шаман знал много случаев обморожения и решил, что Кивагмэ не жилец. Остановившись на этой мысли, он впустил женщину. Та, конечно, пришла не с пустыми руками: друзья собрали для нее кто что мог, чтобы было чем умиловить духов и просить их о помощи. Но шаман даже не посмотрел на приношения:

— Хозяйка моря — Мыгым Агна — разгневалась на охотников. Они нарушили издревле установленный закон — покинули ее владения и вернулись на берег. Ей нужны работники, и, когда она их призывает, никто не смеет портиться ее воле! — Голос шамана был суров. Подождав столько, чтобы женщина могла преодолеть волнение, он продолжал:

— Возможно, если бы твой муж имел богатых родственников, дары которых были бы очень ценны... кто знает, может, она соблазнилась бы подарками и отступилась от него. Мужчин на побережье много. Но в нашем селении нет очень обеспеченных людей. Бряд ли шаман сможет тут чем-нибудь помочь.

Так была безжалостно разбита единственная надежда несчастной женщины. Никогда еще так медленно не возвращалась она домой, где лежал сейчас отец ее детей, обреченный на смерть...

Кивагмэ проснулся, позвал жену, — никто не откликнулся на его зов.

Где жена? Где малыши? — Тупая ноющая боль мешала сосредоточиться. Мысли путались.

Что-то случилось?! Но что?..

Воспоминания, как клочья облаков, проплывали, не оставляя следа. С трудом, медленно начинали приходить в порядок мысли. Преодолевая слабость, охотник дотянулся рукой до жирника, поправил фитиль. Стало светлее. На темной оленьей постели резко белели ступни, обмотанные вафельными полотенцами. Ээ! Вот откуда боль: у меня ж ноги обморожены!

— Пить! — тихо попросил Кивагмэ. В пологе никого не было. Он превозмог головокружение, сел и потянулся за чайником, стоявшим в ногах. Прямо из носика напился холодной воды. Собрался было поставить чайник на прежнее место, но тут увидел, что повязка на левой ноге сползла. Должно быть, я во сне ее сдвинул, подумал охотник.

Осторожно опустил он чайник в сторону и внимательно посмотрел на свою «медвежью лапу». Из развернувшегося полотенца виднелось что-то похожее на кончики мелких нерпичьих ребер. Кивагмэ медленно, как спящего ребенка, обеими руками поднял левую ногу и бережно положил пятку на правое колено. Он видел отливающие перламутром концы суставов. С трудом разбинтовал всю ступню, из продолговатой раны выступали кости.

Это было так страшно, что человек не мог не потерять сознания.

Охотник собрал всю свою волю, внутренне сжался, как дикий зверь перед последним прыжком. С неимоверным трудом, на руках, ползком выбрался Кивагмэ из полога в наттык.

Яркий солнечный свет, проникавший через отверстие в куполе яранги, заливал чисто подметенный пол. Кивагмэ сел в центре солнечного пятна, опершись спиной о главный столб — атанык. Он спокойно и внимательно осмотрел рану. Сейчас, при свете дня, искалеченная ступня уже не пугала его.

Надо что-то предпринимать, твердо решил человек, жить с костями, выступающими из тела, нельзя.

За все годы охоты он не встречал ни одного животного с обнаженными костями. Отгрызенную лапу, оставленную в капкане, Кивагмэ видел не раз. Волк, песец, лисица — сами отгрызают себе лапу и уходят.

А я ведь тоже попал в капкан — в капкан смерти. Все те звери, что уходили живыми из ловушки, живут, — хоть и без ноги, но живут!.. Я стрелок, мне ходить много не приходится: мое место на передней скамье в байдаре... Я хочу жить... Ого! Я могу жить. Я должен жить. Я буду и жить, и охотиться! И Кивагмэ, вытащив одну за другой четыре кости, сомкнул края раны.

Чем бы перевязать ногу? — подумал Кивагмэ, поднял голову, обводя глазами наттык, и увидел стоявшую в дверях жену. Она отправила мальчиков к соседям, а сама не шевелилась, чтоб не потревожить мужа. Женщина еле держалась на ногах, прислонившись к косяку входа. Она давно следила за операцией, но все виденное не укладывалось в ее сознании. Она была как в бреду. Спокойный голос Кивагмэ заставил ее очнуться:

— Найди что-нибудь и помоги забинтовать ногу, — обратился он к ней. Женщина повиновалась. Ее заботливые руки не причиняли лишней боли.

Спустя некоторое время она принесла нож, и неразлучный друг охотника помог удалить суставы на правой ноге легче и быстрее.

Все страшное было позади. Но силы человека иссякли. Соседи на руках внесли в полог впавшего в беспамятство хозяина, где ему суждено было провести много мучительных дней и ночей.

Шли дни, тянулись ночи. Крепкий мороз сменялся оттепелью, ветры боролись с туманами, рвали облака. На скалах стало шумно от множества птиц.

Все это за стенами яранги. Там жизнь, борьба, радость.

В пологе Кивагмэ царила тишина, подавленность, безнадежность. Жена охотника смирилась с мыслью, что ей никогда больше не встречать своего кормильца, не разделявать его добычу, не приглашать земляков в праздничные дни к семейному очагу. Ее удел — вдовство, детей — сиротство, безотцовщина, всей семьи — положение «велинкакун»¹, пока не станут охотниками дети.

Кивагмэ бредил. Разгоряченная фантазия то носила его по бурному морю, то заставляла бороться с пургой. Он отдавал приказания, командовал, кричал. Сжимая воображаемое ружье, его руки обретали силу, под кожей напрягались крепкие мускулы. Организм напряженно боролся с недугом. За подъемом приходил спад. Лицо становилось пепельно-серым, не хватало сил поднять веки.

— Пить... Пить...

Шел час, другой. Незаметно наступала действительность. И снова в помутневшем сознании сплеталось причудливым клубком виденное и слышанное, факты приближались вплотную. Легенды становились явью, сказки — действительностью. Но ничто не могло заглушить боли

¹ Велинкакун — в переводе «спасибо», древний обычай эскимосов, заключающийся в том, что человек, будь то охотник или член его семьи, лишенный возможности ответить добром за добро, вернуть добровольно данное ему или оказать такую же услугу, говорит «велинкакун», чем подтверждает факт своей материальной или полной физической несостоятельности.

в ногах. Смертельный холод проникает в колени и острыми иглами вонзается в пальцы — это охотник снова повторяет бесконечный страшный путь по ледяным полям. То ему опять жарко — молодого Кивагмэ вместе с другими участниками игр подбрасывают на большой моржовой шкуре... Они взлетают высоко в воздух, стремительно несутся вниз, упругими мышцами обеих ног чуть касаются туго натянутого полотнища, чтобы еще и еще взметнуться над головами веселых зрителей. Падать нельзя, упадешь — проиграешь... Руки охотника, как крылья, уравнивают тело, а ноги... его неутомимые ноги... И Кивагмэ видит себя уже среди высоких скал, на маленьком озерце, он — журавль — Сятыльгак...

Здесь он живет давно, здесь он имел друга — ворона. Этот ворон по имени Мытыхлюк когда-то часто прилетал к нему, Сятыльгаку, в гости. Хозяин рассказывал ему о своем, Мытыхлюк говорил о том, что видел в долине.

Однажды во время беседы они заметили человека, шедшего по тропинке к озерцу. Стоял жаркий день. Путник устал. Он выбрал место у одинокого камня и лег под ним. В тени было прохладно. Человек уснул. Пока он спал, солнце переместилось и начало светить в глаза спящему. Сятыльгак пожалел пожилого человека: длинноногая птица передвинулась со своего места в сторону, распахнула крылья и заслонила ими лицо путника. Так журавль охранял сон прохожего.

Ворону стало завидно, что не он догадался, как полезным быть. Перья черные, мысли черные. Нагадил Мытыхлюк спящему на голову и улетел прочь.

Сятыльгак стоял, раскинув крылья. Ему было радостно: он знал, что ничего плохого человеку не сделал.

Проснулся путник, увидел над своей головой журавля, решил, что это он напакостил, схватил лук и сбил птицу.

Побежала струйка крови по длинному клюву, забрызгала стройные ноги.

Вот с той поры у всех журавлей клюв и ноги красные, а ворон, чтоб этого не видеть, всегда голову вниз держит.

—... а ворон, чтоб этого не видеть, всегда голову вниз держит,— повторяет вслух Кивагмэ последние слова когда-то давно слышанной сказки¹.

Его щеки влажны от слез: человеку до боли жаль себя, своей незаслуженно загубленной жизни. Его участь схожа с судьбой птицы, нелепо погибшей от стрелы...

Сознание возвращает больного в полог. Кивагмэ протягивает руку к воде: чайник заботливо поставлен так, чтобы до него легко было дотянуться.

А теперь спать. Забыться бы, заснуть по-настоящему, крепко, без видений.

Кивагмэ закрывает глаза. Приходит сон, но он не приносит необходимого отдыха. В возбужденном мозгу память воскрешает картины детства, встречи с людьми, имена которых давно уже забыты. Как гагачьи перья из разоренного гнезда, подхваченные ветром, проносятся события юности, детства, дальних скитаний. Его снова знобит. Больной пытается крепче вжаться в теплую постель, чтоб не стыли ноги. Но зубы стучат неукладчиво... Холодно, словно в тундре во время пурги... И снова мерещится что-то страшное...

...Вот он идет по тундре, проверяет капканы. Пурга налетела внезапно, ослепила, закружила его, засыпала снегом. А когда он дремать начал, взяла его за руку и повела к себе в дом.

Большое жилище у Пурги, высокое, светлое, все из снеговых плиток сделано. Внутри, как у людей, мех постлан — белого медведя, полярного волка. Над самым куполом луна блестит, светло так, что не понять, день или ночь.

Привела хозяйка гостя и говорит:

— Теперь ты — мой пленник. Выполнишь мой приказ, отпущу тебя живым домой, не выполнишь — останутся у тебя в яранге вдова и двое сирот.

— Что ты хочешь, чтоб я сделал? — спрашивает человек.

— Скажи сперва, — говорит Пурга, — ты меня боишься?

— Конечно, боюсь, — отвечает тот.

— А посмотреть на меня хочешь? — снова задает вопрос хозяйка.

— На Пургу никто не смотрит, — возражает охотник, — Пурги все боятся, от нее все прячутся.

— Все-таки ты на меня внимательно погляди, запомни, какая я. Пока смотреть будешь, я из тебя страх выну. Когда нагладись, страх твой тебе обратно отдам.

Согласился охотник.

— Вглядывайся и запоминай! — приказала Пурга и взяла от него страх.

Осталось у человека одно бесстрашие, смотрит на хозяйку — стоит перед ним огромная старуха. На ней косматая шуба, словно снег на весеннем солнце сверкает. Вместо глаз — два месяца.

— Хорошо разглядел? Запомнил меня? — спрашивает Пурга.

— Запомнил, — отвечает тот, не отводя пристального взгляда от помрачающего разум нечеловеческого лица.

— Тогда получай свой страх обратно, — сказала она, и охотником овладел страх.

Съежился человек, застучал зубами, глаз поднять не смеет.

— Теперь слушай мое приказание, — обращается к нему Пурга. — Знаю я, что ты отменный рисовальщик. Получишь от меня клык, нарисуешь на нем свою ярангу.

Ну, думает про себя человек, это нетрудно, а вслух отвечает:

— Ладно.

— Не торопись, это не все. У входа в ярангу должен стоять ты сам, а в руках держать песка, только что из капкана вынутого.

Покачал с сомнением головой охотник, про себя думает: пожалуй, не выполнить мне такого задания.

А хозяйка продолжает:

— И это еще не все. Нарисуешь рядом с ярангой меня, такую, как я есть, как ты меня — единственный из людей — видел. Теперь все. Нарисуешь, отпущу тебя живого и невредимого, не выполнишь моего приказа — останутся в яранге вдова и двое сирот. Будет так, как я сказала.

Дала Пурга своему пленнику клык, гравировальные инструменты и ушла.

Как быть? — соображает охотник. — Пурга хитра! Ее я рассмотрел, запомнил, свою ярангу до последнего ремешка знаю. А как себя нарисовать? Ни разу в жизни самого себя я не видел...

Долго думал человек — нашел выход.

Хоть и хочет старуха моих детей сиротами оставить, да только у меня на шее не пустая голова. Пожалуй, перехитрю я ее.

Взял мастер клык — белый, гладкий, никогда такого в руках не держал. Проверил инструменты — не плохи — и принялся за работу. Вот появилась яранга, как настоящая: вход в наттык открыт, перед самой дверью лежит капкан, над ним его собственные руки — руки Кивагмэ — добытого песка держат. Лица охотника не видно: за тушкой зверя притаился, зато ноги в высоких торбасах по-хозяйски на порог опираются. Неподалеку, как живая, стоит Пурга: огромная, косматая шуба на ней белая, словно снег на весеннем солнце сверкает. Вместо глаз у Пурги два месяца небесные, рот, как четверть радуги после летнего дождя, вместо волос полярное сияние волнами переливается. Долго трудился мастер. Когда закончил, Пурга пришла. Стала сзади, смотрит: хороший рисунок на клыке — и яранга есть, и добытый песок тут же, и сама она, как живая. Только с охотником не совсем ладно — лица не видно, нельзя точно сказать, кто это...

Куда человеку до меня, — усмехается про себя старуха, а вслух строгим голосом отчеканивает:

— Не выполнил ты моего приказа, себя не нарисовал. Сам виноват, не вернешься больше домой, останутся в яранге вдова и двое сирот.

— Неправда твоя, — осмелился охотник, — виновата ты: зачем ты мне страх обратно вернула? Ты хорошо знаешь, что Пурги все боятся, что от тебя все живое прячется. Испугался и я, за добытым песком укрылся. А что это я, сразу видно: торбаса мои — только моя жена такой узор вышивает; колени мои — ви-

дишь, на старых брюках новая заплата напшта; руки тоже мои — на левой мизинца нет, еще ребенком невзначай отрубил.

Поняла Пурга, что человек умней ее оказался. Пришлось отпустить его домой. А клык она на снег бросила и давай топтать его: рассердилась на свою неудачу. Глубоко в снег ушел клык, да так там и остался.

Рассказывали, что, бывало, в сильную непогоду заблудится охотник, бродит по тундре день-другой, да вдруг наступит ногой на этот клык. Подумает, что камень или — на счастье — еда, нагнется. Как увидит изображение Пурги на рисунке, сразу разум теряет. Тут же человек диким становится¹.

Время неуклонно двигалось вперед. Состояние Кивагмэ почти не улучшалось. Все так же часто озноб сменялся высокой температурой, а вслед за потерей сил начинался буйный бред. По-прежнему особенно трудно было больному в непогоду.

Вторые сутки бушует шторм. Его верные спутницы — волны с грохотом набрасываются на высокий берег и, угрожающе рыча, откатываются назад. Защищаясь от пронизывающего ветра, у своих привязей туго свернулись собаки. Те, что послабей, дрожали от стужи и тонко поскуливали.

Берег пустовал, не видно было играющих ребятишек, возней, беготней и криком оживляющих воздух. Только несколько охотников направляются к больному Кивагмэ — проведать, рассказать о последних событиях в поселке.

Разоблачившись в наттыке, они располагаются поудобней:

— Хорошо в пологе, тепло.

Кивагмэ не спит. Жар явно пошел на убыль, и больного не раздражает изрядное количество посторонних в пологе. Ему даже хочется сделать приятное гостям: он просит жену приготовить всем чай.

Это первое чаепитие в яранге бывшего смертника. Проходит оно стесненно: неподвижность хозяина сдерживает словоохотливость праздных людей. А поговорить есть о чем: с крайней яранги ветром снесло часть покрытия, у кого-то сорвало с ременных петель входную дверь. А собаки! Они так были прошлой ночью, что ребятишки из ближайших жилищ проснулись и плакали.

Кивагмэ слушает новости, смотрит на односельчан. Они оживленны, но говорят, понизив голос, полупшепотом, чтоб не тревожить больного. И тому непреодолимо захотелось ответить этим заботливым людям чем-то хорошим, порадовать своих земляков, всячески оберегающих его, помогающих его семье. Как он понимает состояние этих вечных тружеников: вторые сутки они ждут нештормовой погоды.

Услышанное сообщение о том, что дети были разбужены воем собак, как яркой вспышкой костра осенней ночью, осветило в памяти с годами угасшую сказку.

¹ Сказка «Как охотник Пургу перехитрил».

Восстанавливая звено за звеном цепочку событий из всплывающих воспоминаний, Кивагмэ ждал конца чаепития.

Когда гости закурили, он спросил присутствующих:

— А почему собаки воют?

Гости вынули трубки изо рта:

— Ся-а! Кто их знает. Ты-то сам знаешь?

— Почему собака воет, я не знаю, но от стариков когда-то слышал. Говорили об этом так.

Сказка эта¹ про очень давние времена. Захотелось однажды Киягныку² проверить, что делают люди на земле. Спустился он на нижнее небо, сел, смотрит: хорошо на земле, лето выдалось теплое, солнце глаз свой надолго не закрывает даже ночью. Для удачной охоты самое время. Мужчины далеко в море уходят, обратно каждая байдара по одному, а иная и по два зверя буксирует. Только успевай разделявать. Женщины перед ярангами хозяйничают: моржатину варят, из лахтачьих ластов студень делают, жирную нерпчатку готовят, сладкие коренья для приправы квасят.

Видит Киягнык — плотно едят зверобои перед выходом в море. Оно и правильно: сытый охотник, как тугой лук, — бьет наверняка. Да и день летом долгий, раньше солнца спать никто не ложится.

Слышит Киягнык, как поздно вечером добытчики возвращаются, песни поют, про удачу рассказывают, мясной отвар пьют, долго трапезничают: мяса-то вдоволь.

— Хорошо, — сам себе говорит Киягнык, — хорошо, что сытно живут охотники. Однако так они все море скоро опустошат. Людей множество. Если каждый день есть будут — ни на земле, ни в воде никакого зверья не останется!

Сердитый вернулся к себе Киягнык на седьмое небо. Заслонками из моржовых лопаток все отверстия закрыл, чтоб ночью людям звезд не показывать.

Накажу этих прожорливых человечешек, думает, даже смотреть на поселки этих мясоглотателей не стану.

Кликнул Киягнык большую собаку — Сяглигак³ и сказал ей:

— Иди к людям, скажи им мое повеление: пусть мясо едят не каждый день, а только раз в два дня. Лаешь ты сердито, громко, ты им строгим голосом передай: «Хозяин семи небес приказал есть только в два дня один раз».

Не хотелось собаке идти так далеко, да нельзя Киягныка слушаться. Спускается Сяглигак на землю, а про себя думает: мне теперь хорошо бы поменьше бегать: я скоро матерью многих щенят буду.

¹ Сказка «Почему собака воет».

² Киягнык — Хозяин семи небес, высшее божество у эскимосов.

³ Сяглигак — самка всякого четвероногого животного.

Долго шла Сяглигак по тундре, прыгала по кочкам, перескакивала через ручьи, брела по мхам и болотам. Пока до людей добралась, из сил выбилась, глаза помутнели, лапы дрожат, язык отвис, горло пересохло, вместо голоса хрип остался.

Легла собака, тяжело дышит, от усталости память затуманилась. Закрыла Сяглигак глаза, старается вспомнить, что ей Киягнык велел людям сказать. Но не слушается ее память. В голове шум, в ушах Киягныковы слова, как сухие кости, стучат:

«Каждый день... тук... тук.
велел есть... тук... тук...
раз в два... тук... тук...
в два раз... тук... тук...»

Хотела громко залаять, а заговорила человеческим голосом. Удивились люди: появился в селении невиданный зверь, человеческими словами говорит. Быстро новость все яранги облетела, собрались жители, слушают, как собака волю Киягныка им передает. Стоит перед людьми Сяглигак, глазами в памяти ищет, ушами слова Хозяина семи небес ловит, не своим голосом те слова пересказывает:

— Послал меня Киягнык к вам со строгим приказом, чтоб отныне все охотники-зверобой ели два раза в день, в день два раза.

Слушают люди, мудро старый Киягнык решил.

— Ладно, — отвечают, — будем все стараться выполнять этот приказ.

Пошла Сяглигак назад. Обратный путь ей еще длиннее показался. Совсем из сил выбилась, пока до неба добралась. Полежала, отдышалась немного и пошла к Киягныку:

— Выполнила я твой приказ, — говорит она ему.

— Что ж ты сказала этим прожорливым существам?

— Я передала им твое повеление, чтоб ели они только два раза в один день. Они обещали всегда выполнять твою волю.

Рассвирепел Хозяин семи небес, да что поделаешь? Не идти же ему самому отменять то, что неразумный посланец напутал. Однако на собаку разгневался так, что совсем прогнал ее с неба.

— Убирайся отсюда прочь! Живи теперь всегда на земле с прожорливыми охотниками. Так будет.

Поплелась снова Сяглигак на землю. Длиннее двух первых ей эта дорога показалась. С трудом плетется, едва на ногах держится, разбухшее тело по траве тащит. Доползла до первой яранги, легла в холодок, глаза закрыла, только бока, как прибой, поднимаются.

Увидела ее хозяйка жилища, пожалела, напоила водой, накормила, как старуху, жеваным мясом.

Еще раз заговорила Сяглигак по-человечески: рассказала женщине, как перепутала приказание Киягныка, как разгневался творец и прогнал ее с неба к людям. Сказала и навсегда лиши-

лась дара речи. Приняла у нее женщина щенят, помогла ей, положила с малышами на подстилку.

Так и осталась собака на земле. Зимой нарты возит, в сильную пургу хозяина из беды выручает; летом лодку на лямках тащит, с детьми играет, за малышами досматривает. Печаль, удачу, холод и голод — все делит собака со своим хозяином. Не обманывает, не лукавит, никогда в беде не оставит. Вот потому-то у настоящего охотника собака всегда гладкая-сытая: хороший человек за добро непременно добром платит.

Посмотрит собаке в лицо: по глазам видно, все она понимает, силится сказать что-то, да не может вспомнить. Вот тогда ночью она на небо смотрит и воет.

От обиды, может быть?

Однако всему приходит конец. Наступил долгожданный день, когда на одной ноге рана полностью затянулась. Вместе с членами своей бригады Кивагмэ соорудил костыль и удобную палку. Начался период обучения ходьбе «на трех».

Прошло немало времени, пока больной одолел головокружение и начал делать первые неуверенные шаги. Конечно, положение с костылем ненадежное. Охотник чувствовал слабость. Ему следовало еще лежать и лежать. Но это было несомненное преодоление недуга, так сказать, первая лыжня на пути возвращения к трудовой жизни. И это понимали все жители поселка.

Теперь в ярангу Кивагмэ шли размашистым шагом, неся свои горести и неудачи. Земляки знали, что бывалый охотник даст толковый совет, да и в домашних делах поможет найти выход из трудного положения.

Постепенно мнение Одноногого (так теперь звали его за глаза) стало авторитетным для односельчан. Иногда было достаточно сказать: «Кивагмэ этого не советовал», — чтобы люди отказались от задуманного.

Кивагмэ повеселел, посветлел. Он мог уже час-полтора в день сидеть над каким-нибудь ремонтом, плел сети из расщепленного китового уса или ремней.

Непредвиденным оборотом событий — неожиданным выздоровлением заинтересовался шаман. Он несколько раз подсылал своих подручных к охотнику, приговоренному им же самим к смерти. Те робко советовали:

— Хорошо бы все-таки, чтобы опытный знахарь полечил твою вторую ногу. Как знать, может, и она заживет. Камлание многим помогает.

Кивагмэ отмалчивался, словно бы не слышал намеков. Но однажды отшутился от докучливых советчиков так, что они больше к нему никогда не подступали:

— Ничего, — сказал он, — я не жадный: одна-то нога у меня осталась. Значит, из единоборства с несчастьем я уже вышел победителем.

А с шаманом-знахарем я никогда не ладил. Он меня постоянно укорял, что живу я «не как все» и охочусь «не как все». Так я решил и после смерти быть «не как все»: понесут меня на кладбище не двумя, как всех, а одной ногой вперед...

...После того как обоим мальчуганам разрешили вернуться в родной дом, они осмелели и в ненастные дни сидели в своем пологе, играя подвижными человечками, которых мастерил для них отец. Еще в дни плавания на иностранных шхунах Кивагмэ видел заграничные игрушки — деревянных клоунов на проволочных трапециях. Когда ему стало немного легче, он восстановил в памяти конструкцию этой немудреной забавы и сделал сыновьям веселых гимнастов.

Дети везде и всегда дети: они фантазировали вслух, разговаривая с предметами, как с живыми товарищами своих игр. Кивагмэ часто прислушивался к их лепету, шуткам и спорам. Совсем не таким было его детство, и то, что сыновья растут счастливыми, защищенными от голода и нужды, согревало его и умиротворяло.

Как-то раз, в чудесный солнечный день, набегавшись по свежему живительному воздуху, малыши явились домой в сопровождении целой ватаги сверстников. Они горячо спорили, жестикулировали и пытались отнять друг у друга какой-то предмет.

Младший сынишка оказался победителем, он подошел к отцу и сказал:

— Смотри, папа, какая красивая рыбка. Пусть она живет с нами, мы ей сделаем отдельную маленькую постель. — На пухлой ладошке мальчика лежала небольшая рыбка. Она чуть шевелила плавниками. Когда прекратились и эти движения, ребятишки в недоумении притихли.

Момент замешательства длился недолго. Как-то само собой получилось, что Кивагмэ пообещал малышам рассказать, как что-то похожее произошло с такой же рыбкой. Только это было давно и не здесь.

— А где?

— А когда расскажешь?

— А сейчас ты можешь рассказать? — посыпались вопросы.

— Что ж, — ответил охотник, — начнем хоть сейчас.

Жил когда-то в прибрежном селении опытный рыбак¹, много зим встретил и проводил он, но был еще силен и крепок. Если погода позволяла, он вместе с другими выходил на байдаре в море. Во время путины с утра до ночи работал, делая запасы на зиму.

Однажды, в самый разгар лова, ему в сети попалась редкостная, невиданная рыба. Наскоро сделал он у самого берега водоем, укрепил его камнями так, чтоб морская жительница не ушла, и пустил ее туда плавать. Старшему внуку велел караулить, чтоб ночью песец или какой-нибудь иной зверь ее не съел.

— Береги мою добычу, — сказал рыбак внуку. — Кончится лов, освобожусь от работы, рассмотрю то, чего в жизни еще никогда не видел.

Молча кивнул мальчик в ответ, принес к водоему камень, сел на него и принялся сторожить. День медленными шагами двигался к вечеру. Паренек устал. Когда совсем стемнело, ему захотелось спать. Но ослушаться деда он не смел. Всю ночь до утра просидел на камне. Дед не возвращался. Стал думать мальчик, как ему и поручение выполнить и ночью в тепле поспать...

Прошел второй день, за ним — вторая ночь. На третий день старик освободился, убрал снасти, поел, отдохнул немного и пошел к водоему. Там на камне сидел его внук и караулил диковинную рыбу. Еще издали увидел он деда и бросился к нему навстречу. Рыбак, приветливо улыбаясь, спросил:

— Ну, караульщик, уберег мой улов? Никто его у тебя не украл? Устал небось, выполняя дедушкин наказ?

— Нет, дедушка, — с важностью ответил сторож, — я и рыбу тебе сберег и сам не устал.

— Вот и молодец, — обрадованно сказал рыбак и погладил внука по голове. — Как же тебе это удалось?

— А я днем ее здесь стерег, а на ночь в ярангу брал, чтоб и во сне с ней не расставаться. Вон она — кверху брюшком плавает, живот на солнышке греет.

Нет благодарнее аудитории, чем дети. Они слушают, не сводя глаз с рассказчика, не моргнув, затаив дыхание, всем существом.

Гибель рыбки, которая «кверху брюшком плавает», вернула малышей от сказки к сегодняшнему происшествию, и они табунком побежали к берегу проверять, будет ли и их рыбка живот на солнышке греть. Кивагмэ ласковым взглядом проводил ребятшек.

Он все внимание сосредоточил на внезапно пришедшей в голову мысли. Сколько дней ходил, плавал, ездил он по земле! Какое множество встречал людей! Каждый человек был по-особому свой, не походил на других. И многие говорили ему, Кивагмэ, что-то интересное. Кто передавал случаи из действительной жизни, кто знал древние сказания. Одни вспоминали веселые сказки, другие — печальные легенды. У него, Кивагмэ, так много наслышанного скопилось в памяти, что рассказывать ребятishкам всего поселка на целую зиму бы хватило. А и вправду, что мешает? Пусть бы приходили мальчики и девочки в те дни, когда из-за непогоды приходится отсиживаться в яранге. Вести рассказывание можно и лежа, с больными ногами.

...Дул сильный ветер. Накатная волна прибоя была так высока, что не могло возникнуть и мысли о промысле в такой день.

Как всегда в непогоду, незажившая рана ныла, и Кивагмэ то и дело тянул из чайника холодную воду. Боль от этого не утихала, а против-

ный привкус меди в воде вызывал тошноту. Шемящая тоска жгла грудь: как мучительно лежать неподвижно! Это, пожалуй, не менее трудно, чем преодолевать приступы физической боли. Охотник стонал, скрипел от досады зубами и перекачивал голову по специально сделанному мягкому изголовью.

— Позволь мне пойти за шаманом,— снова стала просить жена, измученная бессонными ночами, жалостью и бессилием чем-нибудь облегчить страдания мужа.

Кивагмэ умолкал, отворачивался и отрицательно качал головой. Так повторялось несколько раз.

Резкий порыв ветра настойчиво напомнил о себе, это кто-то вошел в наттык. Через несколько минут еще кому-то захотелось взглянуть на больного: люди изыскивали всякую лазейку, чтоб скоротать долгий день.

Вскоре в пологе стало тесно и жарко.

Жена Кивагмэ пожаловалась на то, что муж продолжает отказываться от помощи шамана:

— Пусть бы хоть немного полечил. Может быть, рана скорее бы затянулась...

Женщина ждала, что односельчане ее поддержат. И она не ошиблась. Пришедшие заговорили громче, обращаясь непосредственно к хозяину. Каждый старался привести наиболее убедительный довод в пользу шамана.

— Он сильный, его духи слушаются,— говорил один.

— Никто из нас не поскупится, чтобы плата за лечение не показалась ему ничтожной,— заверял другой.

— Поправишься, станешь на ноги, снова удача будет сопутствовать тебе на охоте.

Больной долго молчал, ничем не выдавая своих мыслей. И вдруг, совершенно неожиданно для всех, рассмеялся. Да-да, он лежал, крихтел от боли и продолжал смеяться.

Присутствующие растерянно переглядывались: последнее дело, если человек от боли смеется!

А виновник общей тревоги и недоумения, подозвав кивком головы жену, с ее помощью подложил за спину туго скатанную постель, устроился полусидя и просто, словно это происходило в его пологе каждый день, сказал:

— Послушайте-ка, что мне на память пришло... не помню только, кто это рассказывал...

Кивагмэ сделал движение рукой, и все, послушные этому жесту, сели полукругом, чтоб хозяин мог видеть их лица.

В одном селении было два шамана¹. У первого в яранге жил ручной горноста́й. Второй откармливал небольшую жертвенную собачку.

Одного звали Авав, другого Оой. Авав был ленив, горностай прожорлив, и его хозяин частенько крал у Ооя мясо, предназначенное для жертвенной собачки.

Оой догадывался, что мясо у него таскает Авав, но поймать вора с поличным ему не удавалось. Как ни старался Оой, похититель мяса всегда оказывался хитрей его.

Понял Оой, что не осилить ему противника, и стал просить Киягныка, чтобы тот умертвил горностая:

— Для тебя ведь стараюсь, тебе же хочу жирную собачку в дар принести. Убьешь обжору — не для кого будет Ававу корм у меня красть.

Восемь раз принимался молиться Оой, восемь раз просил владыку небес о смерти горностая. Но издохла жирная собачка, а тощий горностай остался жив.

Рассердился Оой, поднял глаза к небу и сказал с укоризною:

— Совсем одряхлел ты, Киягнык: не смог отличить горностая от собаки!

Положение незадачливого шамана было до того нелепым, а упрек обманутого в своих надеждах произнесен таким уморительным тоном, что слушатели дружно рассмеялись. Правда, тут же кое-кто почувствовал, что поступил непочтительно по отношению к уважаемому лицу: шаман ведь! Но Кивагмэ после короткого молчания снова заговорил. Голос его окреп, и чувство юмора, смелого, заразительного своим боевым духом, постепенно снова передалось всей аудитории.

Так был решен вопрос о помощи шамана.

Наблюдая, как охотники воспринимали разыгранные им картинки из жизни лукавых и завистливых шаманов, Кивагмэ сделал открытие: взрослые получили от сказки не меньше удовольствия, чем дети. Хороший рассказчик может направить мысли и желания людей на тот путь, который только что казался им неверным.

Пожалуй, неплохо бы и для взрослых иногда рассказать что-нибудь из того, чем переполнена моя память, подумал Кивагмэ. Долгими зимними вечерами, когда еще не наступило время для сна, когда в пологе плавают облака дыма от выкуренных трубок, стоит, пожалуй, поделиться накопленным добром.

Не у всякого хватает умения передать сказку сочно и живо, да и не каждому само рассказывание приносит такую огромную радость, как ему. Бывало, когда-то матросы на шхунах до слез смеялись над тем, как Кивагмэ копировал нелюбимых капитанов или назойливых торговцев в чужеземных портах. Сейчас этот дар ему очень пригодится. Наедине с самим собой Кивагмэ почти решил: пока ему необходимо подолгу лежать, всякий раз в удобное время он станет рассказывать и взрослым. Им будет забавно, а ему легче ждать окончания болезни.

Но как сделать первый шаг? Бывалый охотник, уважаемый гарпунер и стрелок вдруг, как старик или старуха, займется сказками...

Скажут про него, что-де был настоящим мужчиной, а от болезни размяк...

Между тем погода установилась. Яркое светило солнце. Все живое радовалось ясным дням. Кивагмэ выбирался на воздух, устраивал на большом плоском камне больную ногу поудобней и грелся под благодатными лучами.

Сегодня, как и все предшествующие дни, взрослые мужчины и подростки были на охоте, женщины занимались хозяйством. Кивагмэ следил, как ребятишки с увлечением возились у ручейка, который после таяния дальних снегов разлился и теперь кипел и бурлил, как настоящая река.

Вдруг раздался вопль, потом крики перепуганных детей. Спокойствие разом оборвалось. Кивагмэ, готовый прийти на помощь, сделал попытку быстро встать, попал костылем в выбоинку и потерял равновесие. Падая, он сильно ударил больную ногу, но успел позвать женщин из ближних яранг.

Когда утихла первая боль от ушиба, Кивагмэ увидел необычную картину. Чей-то мальчуган барахтался в воде, стараясь побороть течение и выбраться на берег. Женщина, видимо его мать, зашла по щиколотку в речушку и полным голосом отчитывала непоседу-сына. Она обещала строжайше наказать его за единоборство с волнами. Ребенок продрог и явно устал. Он все чаще скользил по гладким камням и глотал холодную воду. В тот момент, когда мальчик, оступившись, очутился на спине и попал в положение тонущего, из ближайшей яранги успела подбежать пожилая женщина. Она бросилась в воду, схватила захлебнувшегося ребенка и вынесла его на берег. Крикливая родительница продолжала громко выражать свое недовольство, но на мальчика это не производило должного впечатления: его животик старался избавиться от излишка проникшей внутрь воды. Последствия вынужденного купания малышу давались нелегко.

Кивагмэ кипел от негодования: до чего неразумными бывают люди! Ребенок мог погибнуть, а мать так и не поняла бы, что сама погубила своего сына.

Нет, сегодня же он попытается поговорить с землячками. Правильно гласит пословица: «Если человек уверен в том, что может сделать что-то полезное людям, и не делает этого, он совершает плохой поступок».

И Кивагмэ, выбывший из числа охотников-зверобоев, переключился на работу по своей новой необычной специальности — становился рассказчиком. Ему думалось, что инсценирование сказок для взрослых — такой же труд, как ремонт, плетение сетей или обработка морзверя. Кивагмэ отдавал теперь всю живость характера, силу темперамента, скованного неподвижностью, людям, которым был безгранично благодарен за поддержку в самую безотрадную пору его жизни.

45 Сознание своей полезности, полноценности сыграло огромную роль в ходе выздоровления. Человек начал поправляться буквально на

глазах. И наконец пришел день, когда для него, одноногого, понадобились два торбаса. Их по особой выкройке смастерила жена, сделала специальную многослойную прокладку, чтобы предохранить слабые ступни.

Все так же, с костылем и палкой, но теперь уже один, без поддержки, Кивагмэ начал свою новую жизнь. Он мог ходить по поселку, сам навещал односельчан. Добирался до берега и, не спускаясь на гальку, по которой трудно ходить и здоровым, смотрел, как бригады отправляются на промысел. Было обидно и горько только наблюдать. Но сейчас охотник твердо знал, что выходить в море будет и займет свое место, законное место стрелка и гарпунера. Надо терпеть и ждать, а этому его хорошо научила суровая жизнь. Научила она его и еще одной мудрости: ждать надо умеючи, разумно, чтоб счастливый час не застал человека врасплох.

Жители поселка стали свидетелями, как человек с костылем и палкой упражняется в ходьбе. Неторопливо, стараясь распределять тяжесть тела равномерно на каждую ступню, Кивагмэ шагал по поселку. Сперва он добирался только до группы китовых позвонков, побелевших от времени и похожих на древесные пни. С незапамятных времен служили они местом отдыха стариков. Устроившись на одном из этих костяных чурбаков, Кивагмэ набирался сил, а затем направлялся в обратный путь. Ежедневные тренировки укрепляли мышцы ног. Охотник увеличивал количество рейсов, уменьшал число минут, предназначенных для отдыха. Постепенно прогулки удлинялись. Увеличивался и счет неделям, быстро сменявшим одна другую.

Этот день надолго врезался в память Кивагмэ. Сегодня он решил оставить костыль и начать ходить только при помощи одной палки. Чувствовал он себя вполне здоровым, крепким. Не по-осеннему теплая погода бодрила и радовала. Притихшее море спокойно грело свою зеленовато-синюю гладь под лучами еще горячего солнца. Издали было видно, как охотники собирались у сушил. Там, высоко на помосте, укрепленном между четырьмя китовыми челюстями, хранились байдары. Вот сняли одну, за ней вторую. Пока третья совершала свой путь по воздуху, первую байдару уже столкнули в воду. Кивагмэ не спеша направился к берегу.

— Эгэй! — раздался чей-то мальчишеский голос. — Не с нами ли в море собрался? Так поторапливайся!

Кивагмэ вздрогнул, словно на льду поскользнулся. От гнева и возбуждения сердце забилося так, что хотелось удержать его руками. Кровь прилила к голове. Тяжело дыша, он впервые ступил на гальку. Шаг, еще один. Палка — плохая опора, когда изувеченные ноги по щиколотку погружаются в отшлифованные волной камешки. Сжав зубы, Кивагмэ отсчитывает пройденные шаги — десять, двадцать... Неподалеку от спущенной байдары, у самого прибоя, куча камней. Изнеможенный, добирается до них Кивагмэ. Но усталость не гасит гнева, он словно откусывает каждое слово, и оно со свистом летит по воздуху.

— Так это тебе захотелось поглядеть, как человек без пальцев на ногах будет бегать по гальке? — обратился Кивагмэ к молодому человеку. — Я решил, что ты пошутил, и пришел спросить об этом. Есть у меня к тебе еще вопрос: давно ли право приглашать на охоту перешло к стрелку? Я долго болел, видно, многое изменилось за это время... Или бригадир поручил тебе это?

Оскорбленного обступили охотники.

Юноша смущенно молчал: что может сделать человек, незаслуженно обиженный старшего по возрасту? За него ответил бригадир:

— Я не поручал своему стрелку приглашать тебя на эту охоту, потому что не знал твоих сил: ты был болен. Но если ты уже дошел до воды, то садись на мое место. Думаю, что руль, послушный опытным рукам, принесет тебе спокойствие, а море порадует удачей, и ты забудешь обиду.

— Нет, — возразил Кивагмэ, — заменять бригадира я не стану. Это — твоя обязанность. Если же мне занять мое обычное место, то молодому стрелку придется взять весло.

— Садись, непременно садись! — воскликнул паренек, обрадованный тем, что положение исправляется. — Я быстро сбегаю за твоим ружьем и принесу сумку с патронами.

Он был готов выполнить любое задание, лишь бы загладить свою необдуманную шутку.

Кивагмэ это понял. Гнев его улегся, брови распрямились. Он взял принесенное ружье, занял свое место, остальные последовали его примеру. Байдара отошла от берега.

Поглаживая рукой ствол ружья, Кивагмэ неотрывно глядел на море. Вот он, давно жданный час! Даже не верилось, что наконец он, Кивагмэ, на охоте, на своем привычном месте.

Море словно радо этому — так оно спокойно, неподвижно. Байдара скользит вперед, как по необъятной чаше, наполненной густым тюленьим жиром.

Вдруг какое-то незначительное изменение привлекло внимание стрелка. Метрах в двадцати от носа байдары появилась легкая рябь. Не сводя глаз с залитой солнцем поверхности, Кивагмэ сделал неуловимый жест, и приклад винчестера уперся в плечо. Еще секунда — поднялся ствол, щелкнул взведенный курок: в тот момент, когда из воды показалась круглая усатая лахтакья голова, она уже была на одной линии с мушкой, прорезью прицела и зрачком охотника. Раздался выстрел. Лахтак до половины выскочил из воды... Каким-то жонглерским движением отложив винчестер, Кивагмэ молниеносно метнул гарпун в лоснящуюся спину, и животное забилося в розовой пене. Все произошло стремительно быстро. Бригадир только успел привстать, стараясь против солнца разглядеть, что послужило мишенью, а Кивагмэ уже подтягивал на лине тушу морского зайца. Убитое животное слегка вздрагивало лапами. Гребцы быстро втащили лахтака и положили на дно байдары.

Так вот какой он, этот первый, до конца дней незабываемый выстрел! Только сейчас полностью осознал Кивагмэ, что он действительно добытчик, равноправный член бригады.

Дальнейшая охота была не менее удачной. Подходя к поселку под вечер, глубоко осевшая байдара вела на буксире моржа. Туша крупного зверя плыла, чуть покачиваясь, поддерживаемая на плаву двумя воздушными мешками — пых-пыхами.

Как всегда, на берегу с нетерпением ждали возвращения зверобоев. Небольшими группками стояли женщины, сушили ребятишки, важно, по-взрослому, что-то подготавливали подростки.

Светлой радостью сияли глаза жены Кивагмэ. Так трепетало ее сердце, когда она с гордостью показывала своего первенца. Сейчас в удачной охоте мужа есть и ее доля: это она выходила его долгими бессонными ночами.

— Ну, землячки! Хорошо ли наточены ваши уляки? ¹ Им сегодня придется немало поработать! Да и мешков для мяса придется еще принести. Ребятишки, готовьте свои гарпунчики, хватит и для вас моржовой печени.

В голосе Кивагмэ звучала радость и гордость, но чуткое ухо женщин уловило в нем и сильнейшую усталость. Они глазами показали подросткам, что надо делать. Те взяли ружье и снаряжение Кивагмэ, чтобы донести до яранги. Охотники помогли своему стрелку выйти на берег, и он, поддерживаемый женой, грузно опираясь на палку, пошел домой...

Шел 1933 год. На остров Врангеля направлялся пароход «Челюскин», на палубе которого находились эскимосы, завербовавшиеся для того, чтобы помочь наладить пушное и зверобойное дело. Среди охотников был и Кивагмэ с семьей.

Однако льды не позволили «Челюскину» добраться до острова. Пароход, вынужденный идти прямо во Владивосток без заходов, высадил всех зверобоев в поселке Дежнево.

Зазимовали в полупоходных условиях в чужом селении. Отсюда Кивагмэ пришлось много раз пешком преодолевать восемнадцатикилометровый путь до Наукана.

В Наукане он — отличный стрелок — был желанным членом бригады, а как опытный гарпунер, ходил с науканцами на китовую охоту. Пожив несколько суток в Наукане, Кивагмэ возвращался в Дежнево, где его ожидала семья.

Науканцы издавна славились мастерами рассказа и песни. Здесь, впервые на побережье, создавалась традиция устраивать соревнования, где каждый старался блеснуть яркой сказкой, меткой шуткой, остроумным экспромтом. В этих своеобразных словесных турнирах Кивагмэ был неоднократным победителем.

¹ Уляк — женский нож для разделки мяса.

Почти весь 1934 год семья Кивагмэ провела в перекочевках: сперва из Дежнева в Авань, затем отсюда в Бухту Провидения, где обитаемым был только уреликский берег.

Здесь к тому времени возникла необходимость в выпечке своего хлеба. До этой поры жители района питались пресными лепешками, жареными на нерпичьем жире. Под пекарню оборудовали домик, «бывший Быкова», выделили топливо. Не нашлось только человека, знакомого с ремеслом пекаря. Единственным из эскимосов Бухты Провидения, знавшим, как изготавливается хлеб, был Кивагмэ. Ему и доверили эту работу.

Пекарем Кивагмэ оказался неплохим, но его тяготила необходимость сидеть в четырех стенах, в то время, как его земляки выходили в море на промысел... Бесстрашному зверобою казалось невозможным привыкнуть к укладу жизни служащего, каким он теперь стал. Мечты о морских просторах не покидали Кивагмэ.

Когда в Бухте Провидения организовалась секция Комитета нового алфавита (а это произошло в октябре 1935 года), первый пекарь-эскимос с готовностью принял участие в его работе. Он деятельно помогал выпуску комсомольской стенгазеты на эскимосском языке и переводу на родной язык популярных тогда песен для взрослых и детей.

В это время Кивагмэ очень добросовестно занимался в ликбезе — охотно учился по детскому школьному букварю. Русский текст он разбирал с трудом, но чтение на родном языке освоил легко и быстро.

Работа в пекарне имела одно неоспоримое достоинство. Тесто поднималось довольно долго, выпечка длилась около двух часов. Присутствие человека в помещении было обязательно. Это давало возможность регулярно диктовать свои сказки¹.

Весной 1936 года при нацсовете Бухты Провидения была организована ячейка краеведов-любителей. Произошло это событие при личном участии председателя Чукотского райисполкома товарища Апальхука. Кивагмэ и здесь не остался безучастным. Его большой опыт и знания помогали определять непосредственное назначение и названия старинных орудий зверобойного промысла. Особенно интересными оказались предметы, найденные в развалинах древних жилищ селения Авань (Эстигет). Со многими из них молодежь уже тогда не была знакома, и Кивагмэ давал первоначальные определения, которые несколько позднее были проверены у сиреникских и чаплинских стариков.

В июле 1936 года с севера приехал эскимос Атанына, которому была передана пекарня. Кивагмэ снова с радостью вернулся в ряды охотников и больше не изменял любимому делу до конца своих дней.

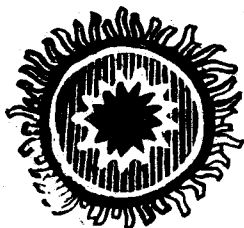
¹ Эскимосы называли свои устные передачи сказками, шел ли разговор о действительных событиях и лицах или содержание их было сказочным. Повествования Кивагмэ правильнее всего называть «устными рассказами». (Прим. автора).

Остался верным он и второй своей специальности: в свободное от охоты время любил повеселить своих земляков веселой шуткой и сказкой.

И иной раз затевал с приезжими настоящие состязания в рассказывании всевозможных выдумок, и тут уж по яркости и увлекательности рассказа Кивагмэ не имел себе равных.

Имя сказочника — Кивагмэ — в переводе на русский язык означает «кивакчанин». Дано оно было новорожденному в 1891 году в честь поселка, где жили его прадеды, отец и мать. Берег, где был расположен Кивак, постепенно смывается морским прибоем. Недалек тот час, когда последние пяди земли, по которой ходил сказочник, полностью очутятся в глубинах пролива.

Сказки же Кивагмэ еще долгие годы будут радовать слушателей и читателей любовью к жизни, остроумием и глубиной народной мудрости.

СКАЗКИ

ВОРОН-КАРАУЛЬЩИК

Белые куропатки в тундре издавна в ладу жили, друг друга не обижали. Ворон тогда тоже белый был. Он у них помощником работал: гнезда с птенцами оберегал. Беда только, что стар он стал. Бывало, стережет-стережет, да и заснет, во сне клювом о кочку — стук!.. Открывает глаза, оглянется вокруг: не видел ли кто, — и говорит сам себе:

— Эх, я оплошал, задремал! Спасибо, никто не заметил!

Проведал о том песец. Тихонько к спящему ворону подобрался и над самой головой громко тявкнул:

— Ввяк! А вот я тебя и поймал! Теперь всем расскажу, какой ты сторож.

Взмолился ворон Мытыхлюк:

— Не говори, ну прошу тебя, не говори!

— Ладно, — согласился песец, — жалко мне тебя, потому что старый ты. Вот я лучше буду помогать тебе караулить. Только ты никому о нашем уговоре не проболтайся, а то ославят тебя по всей тундре.

Обрадовался, успокоился Мытыхлюк. Теперь так и пошло: днем песец у себя в норе — ворон птенцов сторожит. Наступит ночь, заснет старик — песец начинает хозяйничать. Так и «сторожили» двое — дурной и хитрый.

Стали замечать куропатки, что птенцов с каждой ночью все меньше и меньше, но додуматься, куда девается их потомство, не могли. Наступил наконец день, когда ни в одном гнезде ни единого птенчика не осталось: сожрал песец всех малюток и удрал.

Сбежались куропатки ворона судить. Ноги его петлями обхватили, в разные стороны растянули и давай плохого караульщика колотить. Бьют ворона кто чем может, приговаривают:

— Вот тебе! Вот тебе! Не разорь наших гнезд, не ешь наших птенцов!

Мытыхлюк крылья растопырил, глаза зажмурил, шею вытянул, почернел весь от боли, а вырваться не может.

С той поры и стал ворон черным. А когда он на земле стоит, опускает вниз голову, расставляет врозь ноги: все еще ему кажется, что на них петли.

ПОЧЕМУ КУРОПАТКИ СМЕЮТСЯ

Очень давно это было. Весна стояла теплая, по тундре множество маленьких куропаток бегало. Они гонялись друг за другом и пищали:

— Пи-пи-пи! — и опять: — Пи-пи-пи!

Пролетал мимо орел, своей тенью половину тундры закрыл. Не заметил он с высоты куропаток: кочки серые, птенцы серые, разве их распознаешь! Ничего не поймал великан и умчался прочь. Однако клекот орлиный всех жителей распугал. Его охотничий клич как гром: и пернатые и волосатые — все попрятались. Миновала опасность. Один из летних птенцов распетушился перед другими, выскочил из укрытия и давай хвастаться:

— Вот я эту зиму перезимую, окрепну, а на другое лето тоже по-орлиному кричать начну. Будут и меня все в тундре бояться!

Прошла зима. Сменили куропатки белое одеяние на серое, а про хвастунишку позабыли совсем. Да только он сам свое обещание крепко

помнил. Как только наступили теплые дни, напыжился петушок, хвост распустил, стал ходить важно, вразвалку, кого ни встретит, всем хвалится:

— Вот теперь-то и я начну громким голосом кричать. Теперь и моего клекота, как орлиного, все в тундре бояться будут! Эй вы, мелкота, берегитесь!

Взобрался он на кочку, крылья растопырил, клюв раскрыл да как запищит.

— Пи-пи-пи! Пи-пи-пи!

Захохотали, засмеялись над ним земляки-куропатки, да с той поры и хохочут в тундре всегда:

— Кха-кха-кха! Кха-кха-кха!

ВОЛОСАТЫЙ И ПЕРНАТЫЙ

Увидел однажды куличок, как человек поставил капкан, и стал это место далеко обходить, да угодил прямо в когти горностаю. Тот схватил птицу и говорит:

— Вот я тебя сейчас съем.

— Не ешь меня, горностай, я тебе за это услугу окажу.

— Какую же ты мне можешь услугу оказать? — спрашивает горностай.

— Не ходи по этой тропинке прямо, там человек капкан на тебя поставил!

— Фу, — скривился горностай. — Что же это за услуга? Я и сам бы увидел, я умный и хитрый, много знаю: я на самую высокую сопку бегом взбираюсь, любую речку весной переплываю, вот я какой!

— А летать ты умеешь? — пропищал зажатый зубами куличок.

— Летать? Нет, летать не умею. Вот, если хочешь, окажи мне услугу, научи меня летать, я тебя отпущу и есть не стану.

— Не хочу обманывать, — пищит куличок. — Научить летать — дело нелегкое, да и горностаев я еще никогда не учил... Боюсь, что ты рассердишься, тогда мне совсем несдобровать!

— А ты попробуй, — говорит горностай, — только начни, увидишь, какой я понятливый. Сразу все перейму и еще тебя перелетаю.

— Ладно, — говорит птичка, еле переводя дух от боли и страха, —

разожми зубы, наостри уши, глаза широко раскрой, чтоб хорошо видеть, как летать надо. Ну, ты готов?

— Готов,— отвечает горноста́й, разжимая зубы.— Показывай же скорей!

Выбрался из пасти куличок, расправил примятые перышки, пискнул от радости и взвился вверх. Кружится над горностаем, крыльями быстро работает и кричит своему ученику:

— Ну, смотри, учись! Да взлетай поскорее, видишь, как птица должна на воздухе держаться. Старайся делать так же!

Прыгал-прыгал горноста́й на одном месте, да так там и остался.

— Эх ты, четверолапка волосатая! — крикнул ему сверху куличок и улетел прочь.

НАДОГОНЯЛСЯ

Однажды летом молодая лягушка увидела журавля. Тот стоял на одной ноге, дремал.

«Какая длинноногая птица,— подумала лягушка.— Я такую впервые в жизни вижу».

Лягушку звали Вамынгу. Она была очень любопытна: вприпрыжку добралась до журавля, чтоб хорошенько его разглядеть. Тот дремал, ни на кого и ни на что не обращая внимания.

— Тебе надоело стоять на двух ногах или у тебя одна болит? — спросила Вамынгу, потому что ей очень захотелось узнать, зачем эта птица одну ногу в кулаке держит.

— Нет, ничего у меня не болит,— нехотя ответил журавль.— Мне хочется дремать.

— А как тебя зовут? — не унималась Вамынгу.

— Сятыльгак.

— Ты на кого-нибудь сердишься?

— Нет, ни на кого не сержусь.

— Тогда давай поиграем, а то мне одной скучно.

— Нет, я уже наигрался.

— Тогда давай попрыгаем вместе.

— Нет, я уже напрыгался.

— Ну так давай в догонялки играть! Я буду удирать, а ты лови.

— Нет, я уже надогонялся.

— Кого же ты догонял? — спросила лягушка, озираясь по сторонам. — Никого вокруг не видно!

— Догонял я таких же болтунишек, как ты. Надогонялся так, что живот у меня полон. Отложим догонялки на завтра, — сказал и снова задремал. Хлопала-хлопала лягушка глазами, да так ничего и не поняла.

А ты понял?

ВОЛК И ЛОСЕНОК

Увидел волк на замерзшей реке лосенка. Тот от матери отстал. У малыша ножки на льду разъезжаются. Не только убежать, но и уйти от опасности ему нельзя.

Волк подошел ближе и говорит:

— Я съем тебя.

— Не ешь меня, — просит лосенок, — я тощий, маленький, мяса во мне почти нет... Подожди до следующего лета, тогда и съешь.

Согласился волк до следующего лета ждать. Вырос лосенок, большим, сильным стал.

Нашел его волк и говорит:

— Ну, теперь я тебя уж наверное съем.

— Подожди, — говорит молодой лось, а сам вокруг волка обошел, внимательно его рассматривает, словно не узнает. — Подожди! Я согласен, чтоб ты меня съел, только как бы нам с тобой старшего волка не обидеть. Не помню, которому из вас я в прошлом году обещание дал! Тот мне старше тебя показался, а старика обидеть, сам знаешь, грех большой. Что же теперь делать?

Опешил волк, а сохатый ему говорит:

— Погляди-ка на мое копыто, чья на нем метка имеется: если там твое тавро, значит, я твой, ты и ешь меня.

Поднял лось ногу, чтоб волк свою метку найти смог, да так «отметил» волка по лбу, что тот сразу на землю покатился.

«Ну, — думает лось, — крепкое тавро на моем копыте, не для чего мне его волку отдавать, самому пригодится».

И пошел своим путем.

ПОЧЕМУ ВОЛК С ГОРНОСТАЕМ ДОБЫЧЕЙ ДЕЛИТСЯ

Бегал как-то горноста́й по тундре и повстречался ему волк Ама.

— Знаешь ли ты, — спрашивает горноста́й Амиклюк, — кого больше всех зверей олени боятся?

— Меня, вероятно, — отвечает Ама.

— А вот и неверно, — смеется Амиклюк. — Они только увидят меня, сразу пугаются.

— Впервые слышу, — проворчал волк. — Думаю, однако, что едва ли. Кажется мне, Амиклюк, что ты просто болтун. Через ручей не перескочил, а уже хвастаешь.

— Вот как! — обиделся Амиклюк. — Давай проверим.

— Ладно, — говорит волк, — проверить можно. Только как ты докажешь, что олени тебя боятся?

— Пойдем вместе на ягельник, сам своими глазами увидишь, — говорит горноста́й.

Отправились Ама с горностаем на оленью пастбище. По дороге Амиклюк волку говорит:

— Я пойду первым, ты вперед меня не забегай, следом за мной поспевай и смотри, что будет.

— Ладно, — отвечает волк, — иди ты вперед.

Тундра большая, тут трава, там мох, а на ягельнике рогатых множество.

Бежит впереди горноста́й: лапки короткие, тело длинное, верткое, как ручеек в траве пробирается, никто его не замечает. За горностаем следом трусит волк: лапы большие, уши торчком, спина выше, чем у самой крупной собаки.

Как увидели олени волка, переполошились. Самцы сбились плечом к плечу: важенок с малышами защищают.

— Видишь, — говорит горноста́й волку, — как они меня испугались? Теперь ты убедился, что олени меня боятся?

— Правда твоя, — отвечает Ама, — сам своими глазами видел, как олени тебя испугались. Выходит, что и первый удар по добыче и лучший кусок по праву принадлежат тебе.

— Нет, — лукавит Амиклюк, — ты старше меня, тебе первому нападать, а лучший кусок будем по-братски делить пополам.

С той поры так повелось: волк охотится, добывает, а горноста́й с ним по-братски делится. Глаз волку, второй — горностаю, кусок языка волку, второй — горностаю, печень, сердце, словом, все лакомства — пополам, а остальное — кто сколько сможет. От сегодняшней трапезы останется, завтра доедают.

Горноста́й хоть мал — с половину волчьего хвоста величиной, да прожорлив.

Так-то.

ХРАБРАЯ МЫШЬ

Дело было летом. После сытного обеда собрались мыши на лужайке отдохнуть, поболтать. Каждый зверек какую-нибудь новость знает. А мышка, Вувильту¹, расхвасталась, что песца одолела.

— Подошла я к нему тихонько, он лежит, все четыре лапы раскинул.

— Ну, а ты?

— Я — кусь-кусь! — правую переднюю отгрызла.

— Ну, а потом?

— Кусь-кусь! — левую переднюю откусила.

— Ну, а потом?

— Кусь-кусь! — правую заднюю отгрызла.

— Ну, а потом?

— Кусь-кусь! — левую заднюю откусила.

— Ну и храбрая же ты! Даже волки и те добычу с головы начинают. Как же ты не побоялась песца по частям грызть?

— А у него головы не было.

НЕ ЖАДНИЧАЙ — УТОНЕШЬ

Увидела Афсынак² под берегом мертвого кита. Целая гора на отливной волне колышется. Прыгнула мышка на камень, с него на другой, а оттуда на кита взобралась. Огляделась и говорит сама себе:

¹ Вувильту — бесхвостая мышка (эским.).

² Афсынак — мышшь (эским.).

— Ну и запасище мяса! Мне на всю жизнь хватит. Ни о чем больше и заботиться не придется.

Только сказала, глядь — родственники мышинные прибежали.

— Уходите прочь! — прогнала их Афсынак. — Моя находка — и запасы мои. Вам здесь делать нечего. Можете идти по домам. И без вас справлюсь.

Обиделись мыши и ушли.

Начался большой прилив. Поднял китовую тушу, покачал на волне. Набежал ветер, подул с берега, отогнал мышиную добычу в море.

Плывет Афсынак, радуется. С родным берегом расставаться ей не жаль.

— С таким богатством мне всюду хорошо.

Перевернулся вдруг мертвый кит. Смыло водой мышку. Та и утонула.

Так жадность мышинная оказалась не длиннее ее жизни.

ПОЧЕМУ ЛОСЬ НА МЫШКУ НЕ СМОТРИТ

Весной было дело. Забежала мышка Вувильту на сопку, где еще снег не успел стаять. Увидел ее лось рогатый и спрашивает:

— Скажи, быстроногая, как у вас там, у шустрых, выросла уже трава? Стоит ли мне спускаться вниз: хочется молодой травкой полакомиться.

— Да, конечно, — отвечает мышка, — трава в тундре уже по колено.

Спустился сохатый в тундру, а там травка только-только зеленые копыта из земли показала. Рассердился лось. Пошел к пауку жаловаться. Выслушал его Апайпайек и стал журить:

— Эх ты, тугодум. Вувильту сказала свою правду: ей трава по колено. А ты не сообразил, что спрашиваемый меньше одного твоего глаза. Не сравнил ты ее величину со своим богатырским ростом!

Стыдно стало сохатому, отвернулся он и даже глаза зажмурил.

Вот с той поры и повелось: когда лось траву щиплет, иногда, будто невзначай, живьем Вувильту съест. А сам прикидывается, что в траве мышки не заметил!

Хитрущий!

КАК В ТУНДРЕ БЕСХВОСТАЯ МЫШЬ ПОЯВИЛАСЬ

Подслушала мышка Афсынак, как лиса волка учила рыбу в проруби ловить.

«Попробую-ка и я, — думает малышка, — и мне охота рыбкой полакомиться».

Нашла она лужицу, по ее росту — озеро. Прорубила в лужице дырочку, по ее хвосту — прорубь. Села, хвостик в прорубь опустила и ждет. Долго сидела. Вода ледком покрылась, хвостишко примерз. Наконец надоело ей без дела сидеть. Совсем замерзла.

«Что это за работа! — думает она. — То ли дело корешки собирать!»

Потянула хвост из лужи, а он не вынимается. Дернула раз, дернула второй — ни с места.

— Ой, как много рыбы наловилось! — обрадовалась мышка. — Только мне самой такую тяжесть не осилить.

— Эгей! — закричала она. — Кто мне поможет добычу из воды вытащить? Половину улова за помощь отдам!

Прискакал ворон Мытыхлюк, увидел, что хвост примерз, и давай над рыболовом смеяться:

— Кук! Кук! Какая глупая! Вот я сейчас горностаю скажу: он тебе поможет «рыбу вытащить». Он тебя целиком всю съест. Кук! Кук!

— Не зови горностая, пожалей меня! — взмолилась мышка. — Лучше сам отключи меня от проруби!

Но Мытыхлюк и слушать не захотел. Отправился за горностаем. Пока за ним летал, мышка изловчилась да сама себе хвостик откусила. Примчались приятели, а из лужицы только отгрызенный хвостик торчит. Так ни с чем и отбыли. А мышка и сейчас в тундре живет, зовут ее Вувильту.

КТО — КАК

Один охотник частенько играл со своим сынишкой. Однажды смастерил отец сухопутный манан без крючков: связал вместе две короткие лески, к длинной жилке прикрепил. К концу каждой по сладкому

корешку привязал. Положил он эту приманку возле евражкиной норки, где они с сыном не раз зверьков наблюдали. Спрятались оба неподалеку, чтоб и видно хорошо было и чтоб евражек не спугнуть.

Сидят старый и малый, наблюдают. Вот выскочила одна зверюшка, за ней вторая. Постояли столбиком, пошевелили усами. Учужали запах приманки и бросились к корешкам. Каждый схватил по корешку и давай уплетать. От жадности приманку с леской проглотили. Сразу оба поймались. Тянут в разные стороны, а оторваться от съеденного не могут.

Взял отец-охотник обоих зверьков без труда, понес домой.

— Видишь, какая легкая добыча у нас сегодня,— говорит сыну.

На другой день собрались охотники в тундру. На этот раз отец к концам лески по кусочку мяса привязал. Пошли они к горностаю. Нашли тропинку, которую зверек протоптал, положили свое угощение, а сами притаились. Долго сидели. Наконец показался первый зверек — покрупнее, а за ним второй — поменьше. Подошли к мясу, обнюхали.

Свежее, пахнет вкусно. Посторонился большой горностай, уступил своей жене место, и та съела оба кусочка. Потянулась за ней леска. Перегрыз жилу горностай, выручил подружку, и оба благополучно убежали.

— Видишь,— сказал отец сыну,— не уступи ей горностай своей доли, поймались бы они оба, как те евражки, что вчера пожадничали, а сегодня свои шкурки на распялке сушат.

КАМБАЛА ИВИСЯ

Раньше камбала настоящей рыбой была. Только ни с кем не уживалась. Ко всем придиралась, сама первая в драку ввязывалась, однако никогда своей вины за собой не признавала.

Однажды отдыхала треска Укак после сытного обеда. Камбала напала на нее, на сонную, и давай бить.

Рассердилась треска, отогнала прочь камбалу и говорит ей:

— Смотри, если только ты еще раз на меня первая нападешь, я тебе голову на сторону сверну!

А Ивися оправилась после первой трепки и говорит:

— А ну, попробуй! Может быть, я первая тебе голову на сторону сверну!

И опять набросилась камбала на треску.

Крепко рассердилась Укак. Бросила она камбалу на мелкую гальку и давай ее топтать. Рот и глаза ей на сторону свернула, скособочила.

С той поры камбала плоская, кособокая.

ЗАЯЦ ЕВРАЖКУ ОТКОРМИЛ

В давние времена песец за зайцем каждый день охотился. Как белолобый бежит, так заяц дрожит. Но вот объявился в тундре хитрый Указек. Вырос он так, что длиной с песцом почти сравнялся.

Лежит косой однажды, припав за кочкой, наблюдает, как лиса с евражкой расправляется: всего зверька съела, только хвост да когти оставила. Задумался Указек:

«Что лиса евражку ест, это понятно: она впятеро своей добычи больше. А вот почему песец зайчатиной питается, непонятно. Иной зайчище покрупнее захудалого песчонка бывает».

Решил Указек себя в обиду не давать. Пошел он к песцу и говорит:

— Слушай, белолобый, давай уговоримся: ты меня не трогай, а я тебе за это самую крупную евражку откормлю. Откуплюсь жирным мясом. Согласен?

— Ладно,— говорит песец.— Сколько ждать?

— Да дней восемь хватит, наверно,— отвечает косой.

Семь дней гулял хитрец, не опасаясь за свою жизнь. К концу срока выследил, выждал, пока лисица с евражкой расправилась, подобрал недоеденный хвостик и отнес его к мышинной норе. Вставил хвост торчком в отверстие, деревянным колышком закрепил и побежал к песцу.

— Вот я пришел,— говорит Указек.— Ты наш уговор не забыл?

— Нет,— отвечает песец.— Где же твоя жирная евражка?

— Ой,— смеется заяц,— она так растолстела, что попасть домой не может. Лопатки протиснулись, а задняя часть застряла, только хвост из норки торчит. Идем скорее, пока лиса не пронюхала.

Поспешил песец за Указеком евражкиным мясом лакомиться. Прибежал, видит — из норы торчит хвост, ветер на нем шерсть шевелит.

Схватил песец добычу зубами, потянул из земли, а хвостик-то крепко колышком прибит. Дернул белолобый раз, дернул второй, а на третий раз хвостик «оторвался».

Расхохотался Указек, да так, что от натуги губа у него лопнула. Вытер лапой слезы и говорит:

— Ой, не могу... не белолобый ты, а дуrolобый! Такую жирную евражку упустил... А я-то старался.

Поплелся ни с чем песец домой. С той поры он притворяется, что зайчатины не любит. Простить не может, что над ним заяц так потешался, что и по сей день с раздвоенной губой бегаёт.

БУСЫ

Рассказывали, что один местный торговец голыми руками поймал зайца. Произошло это очень давно, и случилось так.

За зайцем гналась лисица. Тот летит из последних силенок, а она вот-вот настигнет. Куцый ополоумел от страха. Тут навстречу ему человек, присел на снег и ласковым голосом подзывает:

— Скорей-скорей, глупышка, иди я тебя спрячу!

Юркнул заяц под кухлянку — и как не было длинноухого на дороге. Громким голосом крикнул человек на лисицу:

— Брысь! Гуй!

Лисица опрометью бросилась от страшного места. Торговец взял зайца за уши, встал во весь рост и посадил добычу за пазуху.

Сверху шнурок, снизу ремень — не может зайчишка ни выпрыгнуть, ни выпасть.

Миновала опасность. Стал косой проситься:

— Отпусти меня, добрый человек!

— Правда твоя, что я добрый человек. Потому что я добр, я тебя и не отпускаю. Дома у меня ребятишки. Они очень любят зайчатины, а я люблю ребятишек. Да и кто же добровольно свою добычу упускает!

— Гэ-кэй! — заплакал заяц. — Выходит, что я от лисьих зубов избавился, чтоб на человечьи напасть!

— Ишь ты какой! А чем я хуже лисы? — глумится торговец. — Я тоже понимаю, что у зайца мясо вкусное, я не травоядный.

Видит заяц — гибнуть ему. Стал он задними ногами сучить, чтоб нижнюю куклянку порвать.

— Вот ты как, — говорит человек, — ну я сейчас потуже ремень на поясе затяну, чтоб ты не копошился.

Расстегнул он ремень, чтоб потуже натянуть, а заяц в этот момент высунул хвост наружу и давай сыпать черными катышками-бусинами. Увидел купец, испугался. Решил он, что заяц лапами порвал нитку, на которой дорогие бусины были нанизаны. Для продажи приготовлены.

— Ка-ай! Бусины мои рассыпались! — завопил торговец во весь голос. Быстро нагнулся он, чтобы свое сокровище подобрать. Ремень соскользнул... Выпрыгнул заяц на снег и был таков.

Поднял купец бусины, подержал на теплой ладони, подсчитывая, все ли собраны. А это заячий помет.

Рассердился, раскипятился человечиска, да что поделаешь? Заяца и след простыл. Хорошо, что хоть настоящие-то бусы в сохранности остались.

ВОТ ТАК ЧЕРВЯК!

Бегала по тундре мышка-малютка. Всего-то у нее богатства, что длинный хвостик да пушистые усы. Зато трусости на крупного зверя хватило бы. Всего она боится, каждого шороха пугается.

Захотелось ворону над безобидной зверюшкой потешиться, попугать, а если посчастливится, то и склевать ее. Высмотрел он полянку, на которой мышка бегала, и давай туда-сюда летать, низко над землей в воздухе круги делать. А мышка увидит тень от птицы — к кусту прижмется, услышит шум крыльев — в траву запрячется. Добегалась до того, что упала, встать на лапки не может. От страха сердце совсем остановилось. Только хвостик вздрагивает, то вправо, то влево шевелится, то прямо выравнивается, ни дать ни взять — червячок.

Устал и ворон летаючи. Сел на кочку, за полянкой следит.

«Куда это мышка девалась? — думает. — Видно, прозевал я, косо-глазый, не заметил, как она в норку юркнула».

Одолело его любопытство. Поковылял он по тропинке, под кусты заглядывает, по сторонам смотрит — нигде нет.

Вдруг в стороне увидел ворон: шевелится что-то волосатое, длинное, то вправо, то влево, а то и прямо ложится.

«Что бы это могло быть?» — думает. Подскочил поближе, только прицелился, чтобы клюнуть, а оно в сторону — виль! Прыгнул за ним ворон, только хотел схватить, а оно в другую сторону — виль!

«Ой, какой страшный червяк, — решил ворон. — И волосатый и глазастый: видит, куда я за ним прыгаю. Лучше с таким и не связываться». Взмахнул крыльями и улетел.

А испугался-то он мышино хвостика. Вот как.

НЕ ДРАЛСЯ, А ПОБЕДИЛ

Дело было летом. Лягушка Вамыngu и мышка Вувильту затеяли ссору из-за каких-то козявок. Сперва сквернословили, потом выбрались на кочку и начали драться. Чем больше дерутся, тем сильнее распаляются. Лягушка скользкая — ее не ухватишь. Мышка ловкая — за ней не угонишься. Разгорячились драчуны — больше нельзя.

Летел над тундрой ястреб, высматривая добычу. Увидел драку, заинтересовался. Потом начал над бойцами круги в воздухе делать. Облетел один раз, посмотрел вниз — дерутся. Сделал второй круг, от побоища глаз не отводит — дерутся! Так увлеклись противники, что ничего и никого не замечают.

Покружил, покружил ястреб да как кинется вниз. Схватил сперва ловкую, потом скользкую да обеих и съел.

Вот и вышло, что не дрался, а победил.

БЫВАЕТ, ЧТО И ХИТРЕЦ ВПРОСАК ПОПАДАЕТ

Случилось это давно, когда на нашем побережье сохатых еще много было. Убил однажды волк Ама молодого лося. Только собрался плотно пообедать, лиса Кавехак идет. Увидела волчью трапезу, хвостом завиляла, сладким голосом спрашивает:

— Хороша ли свежатинка? Что-то я этим летом сохатинки не пробовала... Не угостишь ли?

— Ешь на здоровье, — урчит волк с полным ртом.

Насытилась рыжая. Завистью переполнилась. Уговаривает волка:

— Ты опытный ловец, потому всегда с мясом. А мне, кроме мышей, ничего не достается... Взял бы ты меня с собой, поучил бы лосей добывать! Возьми?!

— Ладно,— говорит волк,— сейчас уже поздно. Да и поспать после сытного обеда неплохо. Завтра приходи пораньше, пойдем.

Назавтра отправились вдвоем. Идут, идут, наконец почуял волк добычу. Подобрался, видит — лосенок стоит, от матери отбился. Подозвал Ама рыжую и шепчет:

— Приляг рядом, смотри, как будет.

Прижалась лиса к траве, распласталась, ждет. Волк ее вполголоса спрашивает:

— Красные ли у меня глаза?

— Красные,— отвечает лиса,— кровью налились.

— Стоит ли шерсть на загривке дыбом?

— Да, загривок у тебя оцетинился.

Бросился Ама на лосенка и убил. Пообедали вместе. Волк лису спрашивает:

— Ну как, научилась охотиться?

— Да это совсем легко,— отвечает та.

На другой день вышла лиса на охоту. Повстречался ей песец. Похвалилась ему рыжая, что у волка сохатину ела. Похвасталась, что Ама ее охотиться научил.

— Теперь ты у меня учиться можешь.

— А что ж,— говорит песец,— и поучусь. Умение — не заноза, всегда пригодится.

Отправились. Шли долго. Наконец учуяла лиса добычу. Подобралась поближе. Видит, лосиха стоит.

«Ну,— думает,— у меня еды побольше, чем у волка будет». А вслух своему ученику говорит:

— Приляг рядом, смотри, как будет.

Прижался песец к траве, ждет. Лиса ему шепчет:

— Красные ли у меня глаза?

— Нет,— говорит песец,— глаза, как всегда.

— Ты должен отвечать: «Красные, кровью налились»,— учит рыжая.

— Ладно, пусть будет по-твоему,— соглашается песец.— Красные, кровью налились.

— Стоит ли на загровке шерсть дыбом?

— Нет, — крутит головой песец, — шерсть лежит, как всегда.

Рассердилась лиса:

— Ты должен говорить: «Да, загровок у тебя ошетинился!».

— Ладно, пусть. Да, загровок у тебя ошетинился.

— А теперь учись, как охотиться надо! — крикнула рыжая и бросилась на лосиху. Та лягнула лисицу, в голову попала, череп ей пробила. Лежит лиса, хвост откинула, лапами дергает. Подполз песец на брюхе, глянул на свою учительницу и говорит:

— Эге, вот теперь глаза у тебя красные, кровью налились.

Молчит рыжая, не шевельнется. Расхрабился круглоухий, встал, обошел со спины и снова:

— И загровок ошетинился, шерсть на спине поднялась дыбом.

Молчит лиса, лапами дергать перестала.

— Только по мне — мышковать спокойней, — говорит песец, — и сыт, и цел. За крупного зверя и плата велика. А мне моя жизнь еще не надоела.

Побежал песец прочь не оглядываясь. Только лиса уже ничего не слышала.

Поняла ли она, как надо охотиться, как думаешь?

КАК ЛИСА КИТОВОЕ МЯСО ДЕЛИЛА

Добыли сиреникские охотники большого кита. Во время разделки у берега много мелких кусков плавало, их дети-сироты подбирали. Все, что яйвали соберут, для них на зиму останется. Это и добыча.

Горками лежит мясо на берегу. Учужал запах горностаев, прибежал. В большой кусок зубами вцепился и тащит прочь. Сам маленький, легонький, а кусище выбрал огромный. Тащит Амиклюк — дерг, дерг! — тяжело. Отдохнет немножко, лапками в гальку упрется и снова — дерг, дерг! — тужится изо всех сил. Далеко от воды уволок свою добычу, устал. Лег отдохнуть, на солнышке пригрелся и уснул. Крепко спит, а мясо еще того крепче пахнет. Подманил его дух к себе песца. Прибежал тот, видит — большой кус лежит, возле него горностаев спит.

«Ишь ты, — думает песец, — сам маленький, а добычу втрое тяжелей себя ухватил! Куда ему столько! А я голоден».

Пристроился он к мясу и давай уписывать. Ест песец да причмокивает:

— Вкусно!

Проснулся горноста́й, видит — гость непрошенный сидит, его пищу ест.

— Это мое! Кто тебя звал? — кричит горноста́й. А песец ему:

— Тут на троих голодных хватит.

— Ну нет, — возмущается Амиклюк, — хоть сам я мал, да зато аппетит у меня велик.

— Я тоже есть хочу, — рычит песец. — Не аппетит у тебя, а жадность большая!

— Не тронь мою добычу! — дергает мясо горноста́й.

— Нет, не отдам! — тащит к себе лакомый кусок песец. Спорили, спорили, а потом драться принялись. Шерсть дыбом, глаза красные, кричат так, что далеко слышно. На шум прибежала лиса. Поглядела на бойцов, на китовое мясо и говорит:

— Надо бы совсем его отобрать от вас, потому что оно у сирот украдено. Но что ж теперь поделаешь? Постараюсь вас помирить — китятину справедливо поделить.

Откусила кусочек, проглотила и возмущается:

— А мясо-то волокнистое! Работы с ним много будет. Но так и быть, раз обещано — выполнять надо. Делить я буду так: ты, горноста́й, хоть ростом и мал, да далеко мясо тащил, устал — заслужил. А ты, песец, хоть и на готовое пришел, да живот у тебя вместительный.

Разгрызла лиса кусок на две части — одна побольше, другая поменьше.

— Это несправедливо! — кричит Амиклюк. — Мой кусок меньше получился!

— Ничего, сейчас мы подравняем, — успокаивает лиса, откусывая от большего изрядную часть.

— Это несправедливо! — завопил песец. — Теперь у горноста́я больше, чем у меня.

— Не беда, — отвечает рыжая. — Мы еще разик подравняем. — И набила полный рот долей горноста́я.

Подравнивала да подравнивала лиса, пока от мяса почти ничего не осталось. Когда от помощи в дележке у лисы живот, как пых-пых, круглым стал, она убежала прочь.

Первым смекнул Амиклюк, что рыжая их обоих обдурила. Рассердился он, на песка набросился:

— Ты виноват, что я без мяса остался! Ты первый меня обидел!

Подпрыгнул раз да еще раз. Песец и рывкнуть от боли не успел, как круглоухим стал. От обоих ушей горностаев кончики отгрыз.

С той поры лисице ни тот ни другой не верит. А у песцов и по сей день уши круглые; горностаев обгрыз.

Не воруй чужое, хоть и краденое.

ОТКУДА У ЛЮДЕЙ ТУРИ-ТУРЕК¹

Совсем давно это было. Бегал-бегал горностаев Амиклюк и попал нечаянно в ярангу Тугныгака. Удивился, как там хорошо: тепло, горит много жирников, светло. Вспомнил, как худо у людей в жилище: холодно, темно, плохо. Ребятишки плачут.

Стал Амиклюк просить Тугныгака:

— Дай мне один нанек!

— Зачем тебе? — удивился Тугныгак.

— Я его людям отнесу. У них темно и холодно. Дети плачут.

— Ладно им и так, — огрызается Тугныгак.

— Дай, — настаивает Амиклюк, — людям хорошо станет, они песни запоют, на бубне играть будут.

Согласился Тугныгак, дал горностаю самый маленький, кривой жирник. И тому Амиклюк рад. Поставил подарок себе на спину и побежал к людям. Несет огонь и думает:

«Как бы не обронить!»

Донес нанек до холмика, только хотел на землю поставить, жирник сполз со спины и перевернулся. Кончик хвоста придавил. Рванул-ся горностаев, вытащил хвост, а он на самом кончике обгорел, черным стал. Опалил его своим огнем нанек и погас. Только дымок над доньшком вьется.

Заплакал с досады горностаев. Увидел его Апайипайек, спрашивает:

— Чего плачешь? Чем огорчен?

— Хотел я людям помочь, — жалуется Амиклюк, — достал жирник; пусть бы освещал и согревал им жилище. Да ненароком сам светильник погасил! Еще и хвост себе опалил!

¹ Тури-турс — деревянное приспособление для добывания огня.

— Да,— проговорил паук Апайипайек,— неладно получилось.

— А помочь ты мне можешь? — просит горноста́й.

— Охотно помогу,— согласился Апайипайек.— Вот тебе тури-
турек, отнеси его людям, будут сами себе огонь добывать. А хвостик
до половины черным пусть так и останется, чтоб ты помнил, что
доброе дело с помощью черта не делается!

С той поры люди стали добывать огонь из дерева, а горноста́й и по
сей день на хвосте черную кисточку носит.

КАК ЭХО ЛИСЬЕГО ЩЕНКА ПРОУЧИЛО

В одной охотничьей семье рыжих был маленький лисенок. У него
было три братца и две сестрички. Все они были красненькие, с пуши-
стыми хвостиками.

Все звонко таякали. Жили в теплой, сухой норе у подножия боль-
шой горы. За этой горой стояли могучие сопки, покрытые вечным сне-
гом. Там всегда гудел ветер, и родители говорили своим детям:

— Когда подрастете, станете самостоятельными, мы вам позволим
всюду бегать. Но сейчас к тем горам нельзя ходить. Там бывают снеж-
ные обвалы. Упадет пласт снега, ушибет и засыплет так, что не выбо-
ретесь.

— Хорошо,— отвечают лисенята,— мы туда зимой бегать не ста-
нем, подождем лета. Когда снега не будет, побежим.

— Нет,— говорят старые лисы,— летом с высоты большие камни
падают. Висит такой ненадежный камень, подует ветер, раскачает
его, он и покатится вниз. По пути другие камни столкнет. Попадете
под такой каменный дождь — там навсегда останетесь.

— Как хорошо, что у нас опытные родители,— шепчутся между
собой лисенята,— научили нас добру. Не пойдем мы туда, где зимой
снежные обвалы бывают, а летом каменный дождь идет.

Не так думал маленький лисенок. Слушал он наставления родите-
лей, а про себя решил: «Хитрые у нас родители, не хотят, чтобы мы
без них на охоту ходили. В гористой местности, наверно, добычи боль-
ше, чем в долине, бывает. Они нас только пугают. Сопки совсем не
страшные».

Прошла зима, прилетели птицы. Бегут с гор ручейки. Смотрит на
них лисенок и размышляет: «Вон какие ручейки веселые, а бегут они

из сопки. Наверно, там весело, а не страшно. Чего же мне бояться? Я, наверно, храбрее родителей, ничего не боюсь».

Отправился лисий щенок в сопки. Остановился у подножия высокой скалы и тявкнул:

— Ввяк! Вот какой я храбрый!

Ближнее эхо сразу же откликнулось: «Ввяк!» — и тихонько покатилося по верхушкам: «Ввяк, ввяк, ввяк...». Чем дальше откатывалось, тем слабее слышалось.

— Эге,— говорит сам себе лисенок,— сопка только по величине большая, а голосок у нее такой же, как у меня, даже тише. Чего ж мне бояться?

И давай громко ввякать:

— Эгэ, я храбрый! Ввяк! Ничего не боюсь! Ввяк! У сопки голос не сильнее моего. Ввяк, ввяк!

Докатилось эхо до ветра. Рассердился большой ветер Анукатагах-пак: «Проучу-ка я зазнавшегося хвастунишку!»

Дунул на сопки, сорвал большой камень. Катится вниз камень, по пути все за собой сносит. Тут и эхо гневно зарокотало:

— Кто здесь похваляется? Кто тявкает?

Еще громче загрохотало эхо, повторяя гул падающих камней:

— Берегись, кто жизнью дорожит!

Лисенок подобрал к брюшку хвост, уши к затылку прижал. По сторонам оглянулся, а потом бочком, бочком на дорожку выбрался.

— Нет... нет... это я так... хотел пошутить... — протявкали он, запинаясь. Да как пустится наутек. Ветер и тот бы его не догнал. Скатился к себе в нору, отдышался. Поглядел на своих братишек и сестренку, хотел было похвастаться: «А я у подножия сопки был и ничуть не испугался!» — да только и получилось у него:

— Ввяк!

Зубы от страха стучали.

ПРО ЖАДНУЮ МЫШКУ

Охотник убил дикого барана. Тут бы ему и идти домой с хорошей добычей. Но он увидел сохатого. Глаза загорелись у человека от жадности.

«Вот убью его и тогда пойду с двойной поклажей домой», — решил охотник. Пустил он вторую стрелу. И снова удачно. Зверь был убит на месте. Однако, умирая, он успел сильно ударить подбежавшего человека, и оба они одновременно испустили дух.

Пробегала мимо мышка Афсынак. Увидела — лежит баран, неподалеку лось, а поблизости человек. Ни один не шевелится.

— Ого! — закричала от радости мышка. — Баран, лось, человек! Так много мяса надолго хватит. Переселюсь сюда, норку сделаю и буду жить без хлопот.

Проголодалась Афсынак, решила закусить.

— Запасы большие, нечего экономить.

Однако из-за скарденности принялась сперва за жилу от тетивы:

— Зачем добру пропадать!

Только успела она надгрызть тетиву, как лук с силой разогнулся и уложил на месте ненасытную мышь.

Так жадность себя не накормила, а кому-то другому запас мяса увеличила.

НЕ ДОГАДАЛИСЬ

Жил однажды мальчик по имени Ахта. Он умел быстро бегать и ставить капканы. Однажды он поймал горностаю. Тогда отец подарил ему двух щенков и сказал:

— Вот тебе упряжка — две собаки. Ты уже большой, сам корми, сам пой, сам запрягай.

Щенки жили дружно, быстро росли. Играя, они рычали. Один таскал в зубах щепку и кричал:

— Гырр!

Второй носился с обрывком ремешка и урчал:

— Гурр!

Мальчик так и прозвал их — Гырр и Гурр. Он запрягал их в нарточки и целый день играл в каюра. Вечером подвозил к яранге воду с речушки.

Однажды заигрался Ахта. День был жаркий, солнечный. Летом по тундре нелегко таскать нарточки, а мальчик часто и сам на них присаживался. Собачонки устали, прыгая по кочкам. К вечеру они сов-

сем высунули языки и только мечтали, как бы поскорее добраться домой. Они хотели пить и есть.

Когда до жилища было рукой подать, щенки собрались с последними силами и рысью домчали нарточки. Мальчик запыхался, за ними поспевая. Еле дождались они, пока их распрягут, бросились к кормушке, и от жадности Гырр вылакал всю воду, а Гурр съел все мясо, приготовленное на двоих. Однако ни тот, ни другой не испытывал радости: Гырр по-прежнему был голоден, а у Гурра пересохло горло от жажды.

Ни тот ни другой не догадался... (ну-ка, подскажи!). Конечно, не догадались поделиться.

ГДЕ ТВОЕ БОГАТСТВО

Очень давно жила в Наукане женщина по имени Чемколь. Было у нее две радости: умела она делать самую красивую одежду на всем побережье, а еще больше любила свое умение другим женщинам передавать.

Соберутся, бывало, науканки у нее в пологе, смотрят, как она кроит, как вышивает или тончайшие ремешки вплетает, и тут же под ее руководством сами так же стараются. Учила Чемколь, как стежки ровно класть, как бисер по цветам подбирать. Постепенно и другие наловчились, стали сообща свои рисунки придумывать. Пошло между ними настоящее соревнование — у кого дети и муж красивее одеты, на чьей матери, на чьем отце самая нарядная кухлянка.

Приедут, бывало, из других селений, поглядят на жителей Наукана и спрашивают:

— Что за праздник у вас? Почему все такие нарядные?

Женщины только усмеваются, друг на друга поглядывают хитро.

Прошло много времени, прежде чем все женщины поселка смогли свои семьи в красивые одежды нарядить: большое селение Наукан. Сама Чемколь не имела времени о себе заботиться, была она одета скромнее всех. Да и достатка в ее пологе не прибавлялось: некогда было заказы на сторону выполнять. За обучение мастерству ей никто платить не догадался.

Состарилась Чемколь, так и не обеспечив себе сбережений.

Случилось однажды, что обменная ярмарка была устроена совсем близко от поселка. Обменивать морские шкуры на оленьё мясо поехали все жители. Отправилась с ними и наша мастерица.

На ярмарке одежда науканцев оказалась такой нарядной, что многие спрашивали:

— Не праздник ли у вас в селении?

— Нет,— отвечали береговые,— мы всегда носим украшенную одежду: все наши женщины умеют красиво вышивать.

— Кто же научил вас такому искусству?

— Вон та старуха,— ответили науканцы, указывая на Чемколь.

— Наверно, она очень богата,— говорили между собой приезжие.— Столько женщин научила мастерству!

И торговцы подошли к старой женщине:

— Должно быть, ты много дорогих одежд имеешь? Пожалуй, самая богатая в своем селении? Продай нам кое-что, мы охотно дадим тебе оленьего мяса, постелей или пыжиков.

Чемколь покачала головой:

— Одежды в запасе у меня нет. Умение же у нас не продают и не обменивают. Его, как песни, передают другим.

— Так это и есть твое богатство? — рассмеялись чужаки.

— Мое богатство — праздничная одежда на всех моих односельчанах. А наследство, которое я после себя оставляю,— самое большое богатство: это умелые руки моих землячек.

ТАК БЫЛО В АНАДЫРЕ

Это было очень давно. В Анадыре жило тогда всего три-четыре семьи. Зверя было много, на охоту далеко отправляться не приходилось, капканы ставили близко. Да и до воды — рукой подать. Ловили рыбу, били нерпу, лахтака. Изредка приезжали кочующие, привозили оленьи шкуры, жиры, мясо. В обмен брали у береговых шкуры морского зверя, нерпичий жир, ремни.

Любили оленные останавливаться в самой крайней яранге. Хозяина ее звали Илягахта¹. Это прозвище ему дали за красивые песни. Он был женат, но детей не имел. Долгими вечерами и во время зим-

¹ Илягахта — певец-импровизатор (эским.).

них пург Илягахта сидел возле жирника, чинил капканы, плел ременные сети. Жена шила одежду, обувь, вышивала бисером, оленьим волосом. Когда не было работы для рук, Илягахта слагал красивые песни, подыгрывая себе на самодельном бубне. За эти-то песни любили охотника и земляки и приезжие. Голос у певца был сочный, как шикша после первых заморозков. Бубен, словно живой, то походил на гул прибоя, то затихал, напоминая шорох волн по гальке. Так и жили. Никто не видел печали на лицах этих людей, хотя радость в их жилище не приходила: муж и жена мечтали о ребенке.

Наконец в дом Илягахты заглянуло солнце: появился сын, первенец. В тот же день у одряхлевшей собаки, жившей на покое в яранге, родился единственный щенок. Это предвещало удачу. Маленькой собачке дали имя Кымынистак¹ и оставили ее жить в яранге. Рос ребенок, рос и щенок. Пока мальчик стал твердо на ножки, мохнатый четвероногий дурачок превратился в хорошую собаку.

Шли дни. Одна зима догоняла другую. Жизнь в яранге текла счастливо. Мать научилась радостно смеяться, отец чаще пел веселые песни.

Случилось это однажды вечером. Ребенок спал, мать шила, отец, как обычно, пел одну из своих песен. Вдруг ему показалось, словно кто-то на улице негромко подпевает. Илягахта отложил в сторону бубен, вышел из полога и поглядел в щелку. Стояла ясная лунная ночь. На освещенном снегу не было видно ни одной тени. Охотник вернулся на свое место и продолжал петь. Снова ему послышался тот же голос возле яранги. Правда, это был некрасивый голос, но каждый поет, как умеет. Держа в руке бубен, Илягахта бесшумно выбрался в наттык и начал вполголоса напевать. Стоит он, поет, сквозь щелку смотрит. На снегу чуть приметны очертания белого зверя, который запрокинул голову и выводит:

— Уйюу-у, уйю-у! Уу, уу, уу-у!

На следующий вечер, когда взошла луна, четвероногий гость пришел к яранге снова и, как накануне, затаил свое:

— Уйюу-у, уйю-у! Уу, уу, уу-у!

Чтобы понаблюдать за непрошеным помощником, Илягахта присел в наттыке. Здесь он мог петь и рассматривать незваного гостя: это был великолепный статный волк.

¹ По старинному обычаю, собачке, родившейся в яранге охотника в один день с первенцем, давалось имя Кымынистак.

Каждую ночь к жилищу человека стал приходить поющий волк. Человек ко всему привыкает. Илягахта привык к тому, что эхо уносило в спящую тундру два голоса.

Как-то раз охотник заметил, что его Кымынистак ведет себя спокойно. Он выпустил собаку и оставил ее на свободе. В тот вечер песню человека сопровождало два голоса. Неподалеку от волка сидела Кымынистак и легонько скулила: оо-о, оо-о, оо-о!

С той поры хозяин всегда выпускал на ночь собаку из наттыка.

А весной Кымынистак принесла восемь белых щенков. У них были острые уши и мощные лапы.

С появлением щенят волк исчез и до глубокой осени не показывался. В начале зимы он опять пришел к знакомой яранге. Снова в тундре были слышны три голоса. К весне Кымынистак еще раз принесла крупных белых щенков.

На третью осень волк не явился. Не пришел он и зимой. Кымынистак затосковала, перестала принимать пищу, а весной Илягахта отнес ее высохшее тело на кладбище.

Вот как появились в Анадыре красивые белые собаки — потомки поющего волка и его верной подруги. Эти псы на все побережье прославили силу, быстроту и выносливость преданных помощников человека.

Так я слышал, так и рассказал.

РАЗГАДАННАЯ ТАЙНА

Это было очень давно. На поселок Сиреник ожидалось нападение вражеских отрядов из нескольких селений. Предводителем сиреникских бойцов был бесстрашный и осмотрительный воин по имени Наньильнук. Он, его братья, так же, как дед и отец, происходили из славного рода Выхтаков. Юноши этого рода могли превращаться в шмелей, а потом снова принимать облик человека.

Позвал предводитель своего второго брата и сказал:

— Полетишь во вражеский стан. Разведай, сколько отрядов собралось против нас. Запомни имена их вождей.

— Выполню точно, — ответил юноша и полетел.

Стояла темная летняя ночь. Сиреникский гонец прибыл на место сбирища. Вражеские предводители сидели с непокрытыми головами,

образуя круг, и совещались. Выхтак подлетел к крайнему и ужалил его.

— Ой! — воскликнул тот.

— Что с тобой, Укик? — спросили его.

Не успел он ответить на вопрос, как Выхтак ужалил сидящего рядом.

— О-ой! — вскрикнул второй военачальник.

— Что с тобой, Апанук? — спросил его сосед.

Выхтак поторопился ужалить третьего.

— Ой-ой! — закричал тот.

— Что с тобой, Малигук? — спросил третьего сосед, но тут же сам громко застонал:

— О-ой-ой! — Он стал четвертым.

— Что с тобой, Рымтэй? — спросил сидевший рядом. А шмель уже расправился с пятым. Тот подскочил с криком:

— Ой-ой-ой!

— Что с тобой, Напакутак? — спросил того сосед. В этот миг Выхтак вонзил жало в ухо следующего. Тот завопил:

— О! Ой-ой-ой!

— Что с тобой, Мытыгын? — Но шестой не успел ответить, как шмель проколол шею седьмого вождя. Тот взвыл:

— О-о! Ой-ой-ой!

— Что с тобой, Кавеник? — спросил ужаленного восьмой и тут же сам заревел, потому что жало вонзилось ему в переносицу.

— Что же это такое? — хором закричали все пострадавшие. — Тебя тоже кто-то ужалил, Апай?

Услышав, как зовут последнего вождя, Выхтак полетел обратно. Тайна врагов была раскрыта.

Наньильнук взял лук, девять отравленных стрел и отправился на место, где совещались предводители вражеского войска. Возле одного из них сидела собака. Издали она была поражена стрелой сиреникского воина и тут же издохла.

— Эй вы! — громко закричал Наньильнук и назвал каждого из вождей по имени. — Мой младший брат маленькими стрелами ужалил вас с далекого расстояния, и вы кричали от боли. Мои стрелы смертельны. Если вы не уйдете теперь же сами, я вас уничтожу, как эту собаку.

В этот раз враги ушли без боя.

МОРЖОВАЯ НАУКА

Давно дело было. Жил в одном селении хороший охотник. Бил он нерп, лахтаков, добывал моржей. Не ленился и капканы ставить. В яранге его был полный достаток, на охоте ему сопутствовала удача. В свободное время любил он потанцевать, умел петь, не раз отвоевывал призы на праздничных состязаниях.

Пришло время, женился он. Досталась ему жена нерадивая, злая, сварливая. Днем и ночью ворчит, со всеми ругается, ничем ей не угодишь. Муж к ней с ласкою, с подарками — все не по ней. Он ее уговаривал, просил, стыдил — ничто не помогало. С каждым днем женщина все хуже становилась. С односельчанами перессорилась, собак избила-покалечила. Дошло до того, что однажды, рассвирепев, она скребком в мужа швырнула, в лицо попала, до крови рассекла. Охотнику и больно, и обидно, и перед земляками стыдно.

Вышел он из дому ранним утром, чтоб ни с кем не встретиться, не показать свежего шрама на лице. Сел в байдару и отправился на остров, куда частенько уплывал, когда хотел обрести душевное спокойствие. Лето стояло теплое. Пока до места добрался, солнце высоко поднялось, припекать стало. Вытащил охотник байдару подальше от воды, лег вздремнуть. Пригрелся на теплом песке и крепко уснул.

Снится ему, что уже осень наступила. Сидит он, спрятавшись за большим камнем, и наблюдает за моржами. А те лежат и, как люди, между собою разговаривают. Каждое слово ему понятно! Это моржи-хи — агнасяльгыт. Они, как женщины, между собою ссорятся, переругиваются, громко кричат, одна другую скверными словами обзывают. Вот-вот до драки дело дойдет.

Вдруг из воды выскочил огромный секач и устроил крикухам настоящую потасовку. Звонко лапами шлепает, с каждым ударом приговаривает:

— Вот я с вами разделаюсь! Я выбью из вас охоту ругаться и ссориться. Я вас научу по-хорошему между собою жить. Я ведь не такой глупец, как тот охотник, что с одной женой справиться не может. Вас у меня пятнадцать! Если каждая из агнасяльгыт будет безобразничать, у меня раньше срока клыки выпадут.

Привел морж своих жен в порядок и снова в воду нырнул...

Проснулся охотник: нет ни лежбища, ни моржей. Лежит он на горячем песке, с острова открытое море далеко видно. Солнце, тепло, радостно.

— Так это я спал! Однако умный совет и во сне хорош. Неужто я глупее того моржа, что мне приснился! Неплохо бы с него пример взять.

С таким решением отправился человек домой. Убил по дороге нерпу, чтоб без добычи не возвращаться. Доплыл не торопясь. Убрал байдару, охотничье снаряжение. Идет к яранге, за собой нерпу тащит, мыслям своим улыбается. Пришел. Жена его на улице с руганью встречает, в наттык с бранью провожает.

Молча снял охотник ремень, которым кухлянку подпоясывал, сложил его вдвое и задал жене трепку:

— Не ворчи, не злобись! Не ругайся, не швыряйся!

Оказывается, неплохая это штука — моржовая наука!

ПОЧЕМУ ЛОСЬ НА ПАУКА ФЫРКАЕТ

Это было очень давно. Сохатых по всей земле так много развелось, что их сброшенные рога, как кустарник, покрывали целые лужайки. Однако никто на лося ни в тайге, ни в тундре не жаловался: хороший зверь, никому худого ничего не делал. Одну только слабость имел — похвалиться своей силой любил:

— На всей земле, пожалуй, сильнее меня зверя нет, некому меня одолеть. Даже если кто и захотел бы напасть на меня, оборонюсь! Кого рогами не достану, копытами доконаю.

Так и жил, никого не страшась. Даже на паука Апайипайека внимания не обращал.

Жил в тундре большой овод. Противная муха. Кроме боли, никому ничего не приносит, злая, жестокая да к тому же завистливая. Услышал овод, как лось своей силой хвалится, увидел, как весело и радостно живет рогатый, от досады чуть не задохнулся. Полетел к пауку и давай ему наговаривать:

— Хоть ты и многознающий, а не слышишь, с каким пренебрежением к тебе лось относится! Ведь он совсем не уважает тебя!

— Что же он говорил обо мне? — спрашивает старик.

— Он ничего ни о ком не говорит,— гудит овод,— он только презрительно фыркает.

— Ну и пусть себе фыркает на здоровье,— спокойно говорит Апайипайек.— Что мне от этого?

— Как — что! — горячится овод.— Он тебя не уважает! Он и других против тебя настроит, худому научит...

Не хочется пауку с лосем связываться, пусть себе фыркает! Но овод не отстает, гудит и гудит:

— Нехорошо, если каждый зверь на Апайипайека фыркать станет, порядка в тундре никакого не будет!

— Ох, какой ты назойливый,— отмахнулся старик.— Ладно, на-кажи его легонько, чтоб сильно не обидеть.

Обрадовался овод, ему только того и надо было. Полетел к лосю, сел на губу и начал гудеть:

— Ну погоди, я отучу тебя фыркать... Мне сам Апайипайек разрешил тебя проучить. Я так сделаю, что ты не станешь больше зазнаваться и хвастаться.

Лось только глазом покосил, но внимания на злюку не обратил. Тот же потихоньку забрался в ноздрю, положил там яички и улетел.

Прошло несколько времени, вылупились личинки, начали лось изнутри есть. Тот, бедняга, ничего сделать не может. Всю голову об дерево ободрал, освободиться от своих мучителей не в силах.

Невытерпеж стало рогатому великану. Пошел он к пауку:

— За что ты мне такое наказание придумал? Я за собой никакой вины не знаю. Избавь меня! — молит лось.

Расстроился Апайипайек, испугался, рассказал сохатому про свою беседу с оводом. Стали оба искать обидчика, но того и близко не оказалось. Улетел.

Повесил Апайипайек сеть-паутину огромную, чтобы овода в нее поймать: надо же лось от негодника освободить. И по сей день воюет паук, старается поймать короткоусую злую муху. Но та хитра: летает над стадом, положит в ноздрю яиц и прочь умчится. У нее крылья, как ее настигнешь?

Лось же после этого, измученный личинками подлого создания, ушел от нас. Отправился в другие места. Редко сейчас здесь сохатого увидишь! Говорят, что хорканье его теперь еще громче стало. Однако Апайипайек на него не обижается: знает, за что на него лось фыркает.

ЖАДНОМУ ВСЕГДА МАЛО

Построил на земле человек ярангу, привел в нее жену. Появились ребятишки. Вскоре неподалеку другое жилище кто-то строить начал, тоже человек, тоже жену привел, родились дети. Стало людей больше, понастроили яранг. Семьи множились. Все охотились, каждому кормиться, одеться, отопиться надо. Существовали дружно, на крупного зверя группой ходили, поровну добычу делили. Когда сытно ели, подчас голодом сидели. Но между собою никогда не ссорились. В веселый час на бубне играли, песни пели.

Однако и среди сладких ягод одна горькая попадает. Задумался кто-то, сам с собою говорит:

— Людей много, а я один. Зачем мне о них заботиться? Хорошо бы так: где хожу — там охочусь, что люблю — то ем, что добыл — мое, ни с кем делиться не надо! Попрошу-ка я Апайипайека, пусть даст мне такое место, где я буду охотиться один.

Пошел, уговорил. Апайипайек согласился:

— Сколько тебе надобно? — спрашивает старик. — Помни, что, кроме тебя, у меня еще людей много, все охотой существуют. Никого обижать нельзя.

— Мне много не надо, дай мне земли столько, чтоб ее можно было обмерить шкурами десяти моржей.

— Ладно, — согласился паук Апайипайек, — возьми себе земли столько, чтоб ее обмерить шкурами десяти моржей можно было. Людям скажи, что я тебе позволил.

Довольный вернулся лукавец домой. Велел женщинам расколоть десять моржовых шкур пополам. Разрезал сам двадцать половин на ремешки — не шире переднего зуба горностая. Связал — получился длинный шнурок. Обтянул им человек большую площадь земли от берега внутрь тундры. Пока ходил обмерял — устал. Сел отдыхать, говорит:

— Перехитрил я Апайипайека, доверчив старик! Будет мне где капканы ставить и хватит воды морзверя бить.

На большом пространстве и добыча велика. Стал человек сыновей с собой брать: одному не управиться. Быстро разбогател. Чем больше получал, тем жадней становился. У соседей голодно, у этого запасов

полно. У них дети плачут, у него песни в яранге поют, в бубен играют. Однако ни с кем богатый не делится, никому помощи не оказывает. Невзлюбили его люди. Прозвище ругательное ему придумали: Нуналихтак — хозяин земли. Так и прижилось это слово. Хочет один другого скверным словом обозвать, крикнет в сердцах:

— Нуналихтак ты, скорей добро песцам скормишь, а товарищам не поможешь!

ВОТ КАК БЫВАЛО

Еще живы старики, отцы которых были участниками таких событий...¹

Таннит часто нападали на Чаплино. Разоряли, грабили, забирали в рабство. Однажды после такого опустошительного набега один из охотников успел собрать собак, посадил на нарты подростка-сына и подался в горы. Кто-то из врагов бросился в погоню. Чаплинцы надеялись спастись на собаках. Пришелец старался догнать их на оленях.

Беглецы достигли сопки, но здесь, на их несчастье, было слишком много снега. Спастись вдвоем на одних нартах не было возможности. Отец выбрал огромный снежный сугроб, посадил туда мальчика, закрыл кругом снегом, словно так и было. Оставил только маленькую щелочку, чтоб сын мог видеть, что делается вокруг его укрытия.

— Жди меня здесь, — сказал взрослый ребенку. — Будь мужчиной, не поддавайся страху.

С этими словами отец дал ему его маленький детский лук со стрелой, закрыл снежной плиткой последнее отверстие и ушел. Облегченные нарты умчались.

Добралась до глубокого снега и погоня. Воин остановил оленей. Было видно, что беглецов не поймать. К тому же враг не знал, сколько человек успело прорваться в горы. Он встал с нарты, чтоб по малой нужде воспользоваться сугробом. Маленький чаплинец увидел, что чужой охотник обнажил живот.

Мальчик выстрелил, и стрела пробила мочевой пузырь. Вскрикнул от боли и неожиданности враг-охотник, вырвал из тела стрелу, увидел, что детская, и говорит:

— Если ты, мой юный враг,— мальчик, не скрывайся, не бойся меня: я уж больше никому не опасен. Ты убил Большого Лося. Выходи! Возьми мои доспехи, мое оружие, садись на оленей, догоняй отца. Обязательно скажи ему, что ты Большого Лося убил.

Выслушал мальчик, не побоялся, вышел. Человек по имени Большой Лось ему говорит:

— Хоть ты и мал возрастом, но смел, как мужчина. Можно считать тебя воином. Поэтому выполни старый закон — убей меня. Я три раза затынусь, на третьей затыжке убей меня.

Закурил старый воин последнюю трубку. Затынулся раз, другой, выдохнул дым в третий раз и обнажил шею, чтоб облегчить мальчику его первый воинский долг. Юный чаплинец размахнулся и ударил прямо в артерию. Вытер нож, положил рядом с хозяином, сел на нарты и погнался за отцом.

Мчится отец на собаках, догоняет его сын на оленях. Не знает чаплинский охотник, что от родного сына убегает, думает, что на оленьей упряжке враг его настигает. Трудно собакам, бежали по глубокому снегу, устали, тяжело дышат: грузен хозяин-охотник. Легко несут олени маленького мальчика на гоночных нартах. Вот-вот настигнет сын отца. Остановился тот, наготовил лук. Вовремя замешкался: уж больно маленьким ему каюр показался. Пригляделся, а это сын.

Вот как бывало во времена страшных набегов...

ГОРНОСТАЙ ЛИСЕ ПОМОГ

Решила лисичка Кавехак выйти замуж за песка. Поймала накануне пару жирных куропаток, назначила день, пригласила в гости жениха. Собралась прара¹ сделать — хватить, а душистой травы для приправы нет. Побежала за ней в тундру. По дороге встретила горностая.

— Куда так торопишься, рыжая? — спрашивает Амиклюк.

— За листьями да травой для приправы к прара тороплюсь, — отвечает та.

— Вот как! Кого же ты угощать собираешься?

— Жениха сегодня в гости жду, замуж хочу выйти.

¹ Прара — кушанье в виде паштета из мяса, жира, приностей.

— А кто твой жених?

— Песец.

— Этот любит вкусно поесть. А что ты ему сготовишь?

— Куропаток изжарю. Хотелось еще прара сделать, да без душистой травы вкуса не будет... Боюсь, пожалуй, не успею.

— Ну, этому помочь нетрудно,— говорит Амиклюк.— Я могу все сделать, пока ты приправу собирать будешь.

Обрадовалась Кавехак, доверила горностаю стряпню, а сама в тундру помчалась.

Изжарил Амиклюк куропаток, сделал прара, прибрал, ждет хозяйку. Посидел, думает: «А вкусно ли я приготовил? Надо, пожалуй, проверить».

Откусил кусочек от прара — не распробовал. Отгрыз еще немного:

— Жаль, что без приправы! Однако и так неплохо. Разок еще кусну, и ладно.

Пробовал по кусочку да по глоточку, пока от прара ничего не осталось.

«Что же я лисице скажу? — соображает лакомка.— Надо какую-нибудь хитрость придумать...»

Только успел он мозгами пораскинуть — жених пришел:

— Здравствуй, Амиклюк, а где хозяйка? Она меня обедать пригласила!

— Какой там обед! — сокрушенно замотал головой горностаю.— Удирай-ка поскорей! Кавехак на тебя так рассердилась, что хочет тебе уши начисто отгрызть. Чем ты, глупый, ее так обидел? Беги отсюда скорей, беги, пока она не вернулась!

Испугался песец, хвост поджал, бросился наутек. Горностаю, не теряя времени даром, припрятал подальше куропаток. Только справился, пришла лиса, травы для приправы принесла.

— Не приходил мой жених? — спрашивает.

— Как не приходил,— обиженным голосом говорит Амиклюк,— пришел, съел прара, что я приготовил, слопал куропатку, вторую ухватил в зубы — и был таков!..

— Как же он посмел, негодник! — завопила рыжая.— Хоть бы немножко мне оставил!

Бросилась лисица вдогонку.

С пустым желудком за едой медленно не побежишь. Изю всех сил перебирает лапами невеста. Наконец увидела жениха, кричит:

— Остановись! Подожди! Дай я хоть немножко откушу...

А про себя думает: «Дал бы только зубами вцепиться, я всю куропатку отниму!».

— Да остановись же! — снова кричит лиса. — Дай только кусочек откусить!

«Нет, — думает песец, улепетывая без оглядки, — не дам я тебе уши свои обкусывать! Они мне самому нужны...»

Догнала ли Кавехак жениха — неизвестно. Только с той поры ни одна рыжая за песца замуж не выходила. Песец берет себе жену только белой масти.

Горностаю же так понравилась жареная куропатка, что он частенько в жилище человека наведывается и иногда даже по кастрюлькам лазит.

СЯВАЯ — БЕГУН

Очень давно сиреникские эскимосы часто воевали. Много разных врагов нападало на это большое храброе селение. Поэтому люди с детства начинали тренироваться и упражнялись всегда и везде, главным образом в беге.

Стремительность бега считалась большим достоинством. Бежать — нападать, бежать — преследовать, бежать — спастись мог тот, кто был вынослив, ловок, силен, быстр. Еще и теперь умение хорошо бегать ценится очень высоко.

Сейчас¹ еще жив в селении Сиреник Сявая. Ему около шестидесяти лет. В молодости он был первым бегуном. Он так быстро бегал, что нарочно не брал с собой лука, а потом, когда приобрел, — и ружья. Он руками ловил и душил песца.

Вначале ему никто не верил, смеялись в глаза над ним, думали, что похваляется, обманывает всех. Как ни уверял он своих односельчан, они не хотели верить.

Однажды, во время групповой охоты, кто-то увидел неподалеку зайца и, чтобы посрамить бедняка-охотника, один из его состоятельных земляков сказал:

¹ Запись сделана в 1940 году.

— А ну-ка, докажи на деле, при всех, как ты бегаешь! Поймай голыми руками живого зайца при нас!

И все присутствующие насмехались и глумились над ним. Все знали, что Сявая не так давно повредил ногу, ходил, преодолевая боль.

Рванулся Сявая, крепко сжал губы, чтобы не застонать, и помчался за зайцем. Гнал он его прямо к речонке.

В тот миг, когда зверек хотел перескочить на другой берег, Сявая в воздухе поймал его за ногу. Схватил, сильно встряхнул на весу и убил.

Крепко прихрамывая, вернулся он к удивленным и посрамленным очевидцам. Не то уронил, не то бросил с негодованием длинноухого зверька. С той поры перестали над ним смеяться.

ПОЧЕМУ У СОВЫ ГОЛОС НЕКРАСИВЫЙ

Самая красивая в тундре птица сова, правда? А ты хочешь знать, почему она так противно кричит? Так слушай.

Было это очень давно. Тогда северное сияние пело. Только ночь настанет, мороз покрепчает, оно поет. Красиво пело, да слушать его некому было: ночью все живое спит. А птицы в ту пору совсем голоса не имели. Сова тоже. Завистлива она была. Направилась к людям. Летит, сама с собой разговаривает:

— Люди огонь выдумали, луки сделали, из камня ножи смастерили. Умные они, все умеют. Песни громко поют. Вот у них-то я и поучусь.

Подлетела сова Анипа к самой богатой яранге. Села, слушает. Ночь, весь поселок спит, а в этом жилище человеческий голос раздается.

Жил в яранге большой шаман. Во время камлания он бил в бубен, приплясывал, размахивал руками и хрипло выкрикивал:

— Гук! Гук! Гук!

Обрадовалась Анипа, захлопала крыльями, запрыгала на месте и давай тоже «петь»:

— Гук! Гук! Гук!

Так с той поры ничего другого сова крикнуть не может.

Остальные пичужки отправились к Апайипайеку.

— Помоги нам, Великий Старик, — взмолились птицы, — дал ты нам яркое оперение, а мы хотим красиво петь!

— Жадные вы, — укоризненно проговорил Апайипайек, — плохо это! Вам и платье красивое и песни звонкие, а другим ничего!

Посоветовались между собой пернатые и просят:

— Позволь нам с северным сиянием поменяться. Мы ему свои краски с оперения подарим, а ты нам его голос отдай. Ему он не так нужен. Его никто не слушает: ночью, когда оно по небу ходит, на земле все спит — звери, птицы и люди. Никто этого порядка не нарушает.

Упросили Старика малышки. С тех пор северное сияние всеми цветами разукрашено, яркое, нарядное, но безгласое. Зато птицы в тундре, хоть и простенькие, неказистые с виду, да поют весело, живут радостно.

КАК ТЫ ДОГАДАЛСЯ?

Шел через тундру береговой паренек. Был он налегке, без груза, но по-зимнему одет. За пазухой берег несколько кусков вяленой лахтацины и пару лепешек: погода капризна, мало ли как она обернется в тундре.

Заметил юноша оленин следы, свернул с тропинки, к стаду направился. Увидел его пастух, навстречу пошел.

— Чьи это олени? — спрашивает береговой, а сам одежду бедняка разглядывает: не кухлянка на том — одни дырки да латки, на штанах шкура, как прожиренная, блестит, шерсть давно стерлась.

— Это стадо Элинкея, — отвечает.

— А кем ты ему доводишься? Сын? Брат? Внук?

— Нет, я его пураля¹.

— А сколько тебе хозяин платит? — спрашивает прохожий.

— Ничего он мне не платит. Хозяин только одевает меня и кормит.

Усмехнулся незнакомец, вынул из-под кухлянки кусок лахтацины с лепешкой и протянул пастуху. Тот схватил пищу и с жадностью принялся есть. Проглотив несколько кусков, он спохватился и спросил:

¹ Пураля — батрак, пастух, работающий только за еду и одежду.

— Как ты догадался, что я голоден? Об этом у нас речи не было.

— По тому, как тебя твой хозяин одевает, не трудно понять, что и кормит он тебя не лучше. Не зря говорят, что тело пастуха между оленьими боками согреть можно, а желудок человека ягелем не насытишь.

КАК ЗВЕРИ НА ЛЯГУШЕК ЖАЛОВАЛИСЬ

Было это очень давно. На земле развелось такое множество комаров, что всем четвероногим от них житья не стало. Человека тогда не было. Пошли звери к Киягныку и стали его просить:

— Замучили нас комары! Сделай так, чтоб хоть лягушек мор не брал. Пусть комаров уничтожают.

Подумал Киягнык и согласился. Стали лягушки бессмертными. Живут и живут. Стареют, но не умирают. А рождаться-то рождаются. И расплодилось в тундре лягушек видимо-невидимо. В каждом болоте, в каждой выбоине, все озера опоганили — воды напиться негде. Только и знают, что от зари дотемна кричат: одни поют — радуются, другие орут — между собою ругаются, а зверям покоя нет.

Снова пошли они просить Киягныка:

— Укроти ты лягушек. Посмотри, сколько их развелось!

Подумал Киягнык и говорит:

— Ладно, еще раз помогу. Тогда избавил я вас от комаров, теперь вас «избавители» одолели. Придется сейчас от лягушек спасать. Пошлю на землю длинноногого лягвояда. Но уж если и этот расплодится, защищайтесь от него сами.

Сказал так Киягнык и спустил с неба журавля — Сятыльгака. Обрадовались звери, побежали за яркой глиной, выкрасили птице клюв и ноги.

— Лягушка глупа, ей все равно, какого цвета клюв ее заглатывает, а нам по красным отметинам легче считать будет, не слишком ли много журавлей расплодилось.

Только Сятыльгак оказался хитрым: больше чем три-четыре яйца в гнезде не высидивает.

Так с той поры и пошло: лягушки комаров уничтожают, журавль количество лягушек подравнивает, и звери больше Киягныка не тревожат.

ЛИКЭ.

Высоко над морем расположен Наукан. Мало кому известно, кто первым построил там свою ярангу. Много зим стоит поселок. Издавна известен он своими танцорами и сказочниками. Но особенно хорошо складывают науканцы бойкие скороговорки на специальных праздниках острословия.

На одном таком соревновании отличился охотник Ликэ. Каждая его шутка вызывала громкий смех и веселые крики одобрения. В тот вечер слушатели дружно признали его победителем.

Когда наступила пора расходиться по домам, один из приезжих гостей задержал Ликэ:

— Хорошо ты говоришь! Твоя речь — как шкурка росوماхи среди вражек.

Ликэ внимательно оглядел одежду кочевника, богато обшитую мехом росوماхи, и сказал:

— Неверно сравниваешь. Красива шкурка росوماхи, да ей она счастья не приносит. Мое же умение и мне и людям жизнь украшает, веселье дарит.

— Пожалуй, ты прав,— согласился гость,— и твои односельчане и мы, приезжие, от всего сердца смеялись. А скажи мне, долго ли ты думаешь, прежде чем пропеть песенку или сказать скороговорку?

— Не очень,— улыбнулся Ликэ,— но все же дольше, чем ты перед тем как меня спросить.

СКАЛА ВЕРНОСТИ

В далекой древности жили в нашем селении муж и жена. Никто не помнит их имен, не знает, были они красивы или нет. Рассказывают только, что любовь их друг к другу была так велика, что они не могли в одиночку ни есть, ни пить. Поэтому, когда муж задерживался на охоте, они оба худели.

Однажды, когда охотник ушел далеко в море, по побережью пронесся страшный ураган. Он срывал крыши с яранг, уносил детей.

Сбрасывал со скал большие камни в бурлящее море. Непогода бушевала долго. Немало несчастий принесла она людям. Не вернулся домой охотник: он погиб во время шторма.

Днем и ночью жена была готова встретить любимого мужа. В ее яранге всегда был горячий отвар и свежее мясо. Прошло много дней. Бедная женщина поняла, что ее муж не вернется больше никогда. Но все-таки она продолжала выходить на высокий скалистый берег. Теперь она взбиралась с трудом, так как ее высохшие от голода руки плохо повиновались, а ноги дрожали и подгибались.

Наконец настал такой день, когда не хватило сил оторваться от камня, к которому она прислонилась. Тогда женщина еще плотнее прижалась к скале и превратилась в камень.

На нашем берегу и теперь стоит та скала, отвесным выступом вышащая над морем. Многие девушки тайно приходят к этой скале, чтоб попросить счастья у женщины, которая так верно любила своего мужа, что не смогла жить без него. Говорят, будто каждая проходящая приносит с собою маленькую иголочку, чтоб уколоть мизинец и оставить на камне одну каплю крови на память о своей просьбе.

КТО КАК ГОВОРIT

Когда сотворил Киягнык зверей и людей, решил он всему живому разные языки дать. Взял два хороших охотничьих мешка, один наполнил звериными голосами, в другой положил человеческую речь. Первый мешок он отправил с оленем:

— Раздай всем зверям, чтоб обиды не было.

Закинул олень рога на спину и помчался. Бегал рогатый, не передохнув, до той поры, пока всем зверям их речь не роздал. Вспомнил про себя, заглянул внутрь мешка, а там один мусор. Потянул носом рогатый, захоркал. С той поры все олени только и умеют хоркать, другого языка у них нет. Киягнык просчитался.

Второй мешок дал Киягнык песцу:

— Раздай всем народам, чтоб обиды не было.

Взял хитрец мешок, потрусил потихоньку к людям. Не очень спешил лентяй, но все-таки устал. Прилег он в укромном местечке и заснул крепким сном.

Выбежала мышка, увидела — лежит белый песец, возле него мешок охотничий. Одолело ее любопытство.

— Если в мешке что-нибудь вкусное, хорошо бы полакомиться, а потом над мышеедом посмеяться: пусть узнают в тундре, как сонный песец мышку накормил!

Прогрызла Афсынак отверстие, а в мешке ничего съестного не оказалось. Досадно стало мышке. Позвала она мужа, да вдвоем они и откусили кончики ушей у разоспавшегося ленивца. Проснулся тот от боли, а мышей и след простыл. Округлили ему оба уха и убежали.

Взял песец прогрызенный мешок и пошел к людям. Бредет не спеша, а того не замечает, что через дырочку содержимое из мешка высыпается. Узнали об этом жители береговых поселков, побежали подбирать раскатившиеся по земле слова. Похватали какие кому достались! Так люди до сих пор не разобрались: в одних ярангах по-эскимосски говорят, в других — по-чукотски.

ОСТОРОЖНЫЙ И ТРУСЛИВЫЙ

Заспорили однажды ворон Мытыхлюк и журавль Сятыльгак.

— Потому я так долго живу, — хвалился Мытыхлюк, — что осторожен. Не то что другие, легкомысленные.

— Нет, — утверждал Сятыльгак, — осторожность разумна, ты же просто труслив.

— Нет, не труслив я, а жизнью дорожу... Ну, что ты сделаешь, — сердится Мытыхлюк, — если в тебя стрелять будут? Или тебе жить не хочется?

— Если человек поднимет лук — я улечу. Успею: ему сперва прицелиться надо.

— Нет! — горячится Мытыхлюк. — Вот это именно и неразумно! Если человек лук поднимает, это уже почти смерть! Надо себя беречь.

— Если ты такой мудрый, — подзадоривает ворона Сятыльгак, — научи, как бы ты поступил, если б на тебя человек стрелу готовил?

— Я? — важно отвечает Мытыхлюк. — Когда я вижу, что какой-нибудь мальчонка руку поднимает, сразу улетаю.

Щелкнул журавль клювом и промолчал.

А ты что-нибудь скажешь?

ДРУГ ВОЖДЯ

Это было очень давно. Тогда сиреникцы враждовали с айванами. Все взрослые мужчины были постоянно начеку.

Юноши упражнялись и тренировались, готовясь идти в поход по первому зову.

Многолюден был Сиреник, большое число храбрых воинов было в нем. Предводительствовал ими Рыттэн. Время шло.

Не раз к начальнику сиреникских воинов враги подсылали лазутчиков. Но они быстро выдавали себя, и их убивали жители поселка.

И крепкая скала в море обрушивается, и опытный охотник иногда ошибается. Не распознал Рыттэн в прибывшем человеке нового лазутчика.

Тот долго гостил в поселке, сумел завоевать доверие жителей Сиреника, а потом начал добиваться дружбы самого Рыттэна.

Миновало много дней.

Односельчане так привыкли к чужаку, что стали называть его «другом вождя». Тогда лазутчик осмелел и сделал первую попытку выведать тайну, нужную тем, кто послал его.

Врагам необходимо было узнать имена союзников, бывших в сговоре с сиреникцами, количество воинов, как ведется подготовка и когда намечено выступление. Хитрый посланец по-всякому старался выведать требующиеся сведения. Осмотрительный Рыттэн всегда умел перевести разговор на что-нибудь другое. Так прошел еще ряд дней.

Однажды лазутчик не удержался и задал военачальнику прямой вопрос. Тот насторожился, но притворился, что задумался и колеблется:

— Ты просишь, чтоб я, как другу, сообщил тебе то, что неведомо никому, кроме меня? — шепотом переспросил Рыттэн. — А ты умеешь хранить тайну?

— Конечно, — поторопился ответить вероломный «друг». — Тайна — это то, что знают только двое, и я умею быть вторым.

— Нет, друг, — медленно проговорил Рыттэн, — не в той лунке ты нерпу ловишь! То, что известно только одному, и есть тайна.

95 Я умею ее беречь.

ТЫ СЧАСТЛИВЕЕ ВСЕХ НАС

Жила в тундре старая евражка Сикик. Характер у нее был завистливый, язык ядовитый, а зазнайства на троих таких, как она, хватило бы.

Решила Сикик мелкое зверье удивить, своим богатством похвастаться. Оповестила она евражек и мышей, что устраивает праздник песни. Приготовила угощение, позвала гостей.

Хоть и не очень-то любили ее соседи, да от сытной трапезы отказаться никому не хотелось. Пришли. Накормила Сикик всех досыта. Себя тоже не забыла. А потом говорит:

— Теперь я буду петь, вы подтягивайте да на лопатках¹ аккомпанируйте. Постарайтесь — красиво будет.

Запела хозяйка громко, сколько силы хватило. А присутствующие поеживаются да между собой перешептываются:

— Ой, как скверно! — качают головами одни.

— И фальшиво-то как! — кривят рот другие.

— Если без размера петь, лучше совсем не братья! — негодуют третьи.

Хозяйка же тем временем распелась — не унять.

Тут гости переглянулись и давай сильно бить в бубны-лопатки, во все горло пищать и свистеть, стараясь заглушить плохое пение.

— Что вы делаете?! — завопила возмущенная певица. — Вы подняли такой шум, что я сама себя не слышу!

— Ну так ты счастливее всех нас, — сказала ей самая старая из приглашенных, положила бубен и пошла домой.

ДОБРЫЙ СОВЕТ

Очень давно жил в тундре мудрый человек.

К нему издалека приезжали и приходили люди за советом и помощью.

¹ Высохшая лопаточная кость нерпы может служить вместо маленького бубна.

Случилось однажды, что приехало к нему из дальнего селения несколько охотников.

Одного под руки в ярангу ввели: хромой, сам идти не мог. Пожались приезжие, что в семьях у них неладно, плохо с женами живут.

Задумался хозяин. Помолчал немного, потом говорит:

— Постараюсь помочь вам, чем смогу. Одно условие ставлю: каждый должен честно, без утайки ответить на мой единственный вопрос, который я задам вам.

Все молча кивнули головой.

— Кто своей женой недоволен, пусть встанет и объяснит, чем его жена плоха. Тот, кто на жену не жалуется, пусть останется сидеть.

Только один продолжал сидеть, остальные все встали. Первый из поднявшихся сказал, что у него жена ленива, у второго — шить не умеет, у третьего — обувь скверно делает, четвертый сказал, что его хозяйка готовит невкусно, пятый — что плохая вышивальщица, у шестого — корней на зиму не хочет собирать, седьмой пожаловался, что зла и ворчлива его жена, всем недовольна, на всех сердится, постоянно ругается...

Каждому дал мудрец совет, научил, как исправить недостатки женщин. Все остались довольны. Потом подошел он к сидевшему и сказал:

— Вот как бывает. Столько толковых мужчин, а никто из вас не сумел переделать свою жену, чтобы хорошей была. Каждый чего-то недодумал, о чем-то не догадался. Вот он, единственный среди вас, достойный похвалы, сидит, не встал, чтобы помощи просить, сам сумел сделать свою жену доброй подругой. Не так ли? — обратился он к продолжавшему сидеть гостю.

— Эх, мудрец! — горько вздохнул охотник. — Я бы первым вскочил, да жена пешней ногу мне так разбила, что я без помощи сам встать не могу...

Долго молчал хозяин. Думал. Наконец сказал:

— Пожалуй, здесь ему самому не справиться... Чтоб у него лад был в пологе, — обратился хозяин к остальным, — придется всем вместе помогать. Согласны?

Охотник всегда рад быть полезным товарищу в беде. Все односельчане сразу согласились.

— Говори, что надо сделать, все точно выполним.

— Отвезите его домой, в полог на руках внесите, как тяжелобольного, уложите на мягкую постель. Пусть лежит не поднимаясь. Снабжайте его семью так, словно сам он ничего не в состоянии делать. Навещайте почаще. Никому в поселке о нашем уговоре не рассказывайте. Особенно своим женам: те проболтаются. А ты,— обратился хозяин к хромому приезжему,— скажи жене, что так сильно болен из-за ее побоев, что ни на что не способен, двигаться не можешь... Повдоставляет она десяток ночей, а там видно будет. Когда женщина поймет, что во всем сама виновата,— а это обязательно случится рано или поздно,— извести меня.

Благополучно вернулись мужчины домой. Выполнили точно, как велел мудрец. Прошло восемь ночей. К концу девятого дня прибыла к мудрецу весточка — хороший кусок свежей моржатины и великолепная шкурка песца.

ДОСТОЙНЫЙ ОТВЕТ

Один богатый кочевник любил ездить в гости. Запряжет оленей и отправляется то в одно стойбище, что поближе, то в другое, что подальше. Здесь попьет чаю, там пообедает, а где просто новости послушает. Надоел всем. В береговых поселках за назойливость ему прозвище дали — Нывъяналгэ¹. Однако сам он считал себя очень умным и всегда старался унижить или обидеть другого, особенно, если тот беден.

Однажды проезжал Нывъяналгэ по тундре и заметил берегового охотника. Тот ставил капкан на песца.

— Ох и подшучу же я над этим человечешкой,— решил оленивод. Подъехал поближе и внезапно крикнул:

— Гук!

От неожиданности охотник вскочил, а Нывъяналгэ строгим голосом его спрашивает:

— Который раз ты ставишь капкан?

Вопрос застал человека врасплох:

— Ся-а... — запинаясь, ответил он, — по правде сказать, не помню... не считал.

¹ Нывъяналгэ — навязчивый, прилипчивый (эским.).

— Вот и видно, что ты с пых-пыхом дело имеешь. У тебя и вместо головы надутый воздухом мешок,— насмешливо сказал богатей и погнался оленей.

Охотник, которому без причины нанесли обиду, рассердился и крикнул вдогонку:

— Агьюк!¹ Напрасно ты решил, что я глупее тебя. Остановись и попробуй ответить на мой вопрос.

Любопытство заставило кочевника вернуться.

— Ну-ка, если у тебя вместо головы не пых-пых, скажи, сколько шагов сделал за сегодняшний день каждый твой олень?

Как мог на этот вопрос ответить Нывъяналгэ? Глаза его забегали по сторонам, он смеялся и пробормотал:

— Ко-о... не знаю... не считал...

— Оказывается, что не у одного меня нерпичий пузырь вместо головы,— спокойным голосом сказал береговой.— На твоей шее тоже пых-пых.

Понял зазнавшийся богатей, что попал впросак, и пустился наутек, погоняя оленей.

ДВА ЖЕНИХА

К одной невесте сваталось два жениха.

Одного она любила, второй был ей неприятен. Но сказать отцу она не осмелилась.

Отец решил проверить, будут ли повиноваться ему будущие зятья. Купил он материи, скроил две одинаковые камлейки и сказал:

— Невеста одна, женихов двое. Надо решить задачу, кому из вас в жены мою дочь взять. Вот я принес вам материю. Спешите из нее для своей будущей жены по камлейке. Хоть это и не мужская работа, но кто из вас ее первым закончит, тот зятем в мою ярангу войдет. А ты, дочка,— обратился он к девушке,— будешь им обоим нитки в иголку вдевать и подавать.

Раздала невеста иголки: нелюбимому вдела длинную нитку, желанному — короткую.

¹ Агьюк — стой, остановись!

«Эге,— думает тот, у кого нитка до плеча доставала,— наверно, она меня в мужья хочет: тому коротенькую, а мне вон какую длиннющую не пожалела!»

А того не знает, что маленькая нитка реже узелком в шитье вяжется.

Любимому невеста пять раз нитку вденет, первый же все еще со своей не справится. Старались мужчины оба, а замуж вышла девушка за того, за кого сама хотела.

ПОЧЕМУ У ЗАЙЦА ГУБА РАЗДВОЕНА

Жил в Аванской тундре быстроногий заяц Указек. Был он так смешлив, что ни одна куропатка не могла его перехохотать. Но больше всего был он болтлив и любопытен, до всего ему было дело.

Увидел однажды он на болоте журавля, подбежал к нему и говорит:

— Что ты все один да один? Жениться пора. Посмотри, как мне хорошо: жена, дети, свой дом, весело. Глаза всегда от смеха щурятся.

— Я бы женился,— говорит журавль,— да где найти невесту, чтоб хорошей женой была?

— На южном болоте есть хорошая невеста,— говорит заяц.— Если хочешь, я тебе ее сосватаю.

— Сосватай, если хорошая,— отвечает журавль.

Помчался Указек на южное болото к молодой журавлихе и говорит ей:

— Что ты все одна да одна, замуж пора. Посмотри, как мне хорошо: семья, дети, свой дом, хозяйство, весело. Глаза всегда от смеха щурятся.

— Я бы пошла замуж,— говорит журавлиха,— да где найти жениха, чтоб хорошим мужем был?

— Знаю такого,— говорит заяц,— в Аванской тундре живет, по имени Сятыльгак. Хочешь за него замуж? Я вас сосватаю.

— Сосватай, если он хороший,— просит журавлиха.

— Знакомиться ты к нему пойдешь? Или пусть он к тебе первый явится? — спрашивает Указек.

— Пусть он придет ко мне,— отвечает невеста.

Помчался Указек к жениху, понес ему приглашение:

— Сегодня вечером приходи к невесте, она согласна.

Наступил вечер. Отправился Сятыльгак к невесте. Приняла его хозяйка хорошо, угостила, но ответа не дала:

— Дело нелегкое, подумаю. Через зайца решение сообщу.

Вернулся Сятыльгак домой, увидел зайца и просит его:

— Пойди к невесте, спроси ее, пойдет она за меня? Мне она ничего не сказала, обещала подумать.

Побежал Указек к журавлихе, спрашивает:

— Ну, как жених? Пойдешь за него?

— Нет, не пойду я за него замуж, — говорит невеста. — У него ноги слишком тонкие.

Вернулся заяц с ответом. Крепко обиделся Сятыльгак:

— Не на соревнование в беге я ее вызывал, а жениться думал. Не хочет — не надо, и так проживу.

Прошло несколько дней. Одумалась журавлиха, позвала зайца и говорит ему:

— Пойди к жениху, скажи ему, что я согласна: скучно мне одной.

Радостный прибежал к журавлю Указек, еще издали кричит:

— Невеста согласна, иди к ней.

— Нет, — отвечает Сятыльгак, — много о себе думает журавлиха, сперва обидела меня, а теперь зовет, не пойду.

Прошло еще несколько дней. Зовет жених зайца, просит:

— Пойди, скажи ей, что я уже не сержусь, пусть идет ко мне жить.

Со всех ног помчался Указек к невесте:

— Иди к нему жить, он уже не сердится, согласен на тебе жениться.

— Ну уж нет, — говорит журавлиха, — сперва отказался от меня, обидел, а теперь соглашается. Проживу и без него. Так и скажи.

Побежал заяц к жениху, принес ответ. Рассердился, обиделся Сятыльгак. Прошло еще несколько дней. Снова одумалась невеста: «Я все одна да одна, жениха обидела, самой грустно».

Позвала она зайца, посылает к жениху. А Сятыльгак совсем разобиделся, даже смотреть в южную сторону не хочет.

Посердился несколько дней и одумался: «Что это я все время один да один, от невесты отказался, обидел ее. Теперь самому грустно.

Пошлю-ка к ней зайца, пусть позовет».

Так пробегал Указек все лето. Наступила осень. Устал заяц. Выбрал он в тундре сухое местечко, сел и начал считать, сколько раз он туда-сюда гонял, невесту с женихом сватал. Оказалось, на правую переднюю лапу — шесть раз, на левую переднюю — шесть, на правую заднюю — шесть, а на левую заднюю — только пять раз.

«Много получилось, — думает Указек, — лапы мои сколько бегали, а дело на месте стоит».

Смешно стало кучому, сидит он, правым глазом в аванскую сторону смотрит, левым глазом на южное болото косит, смеется, от смеха слезы ручьем бегут. Дохохотался до того, что губа у него лопнула.

Не знаю, женился ли Сятлыгак на журавлихе или нет, но сват-заяц остался косоглазым и до сего дня с раздвоенной губой бегаёт.

Не веришь — посмотри сам.

ХИТРАЯ ЕВРАЖКА

Хорошо жилось в тундре евражке.

Летом тепло, полно ягод, вкусных корешков. Трудится евражка Сикик день-деньской. Что похуже — сейчас съест, что получше — в норку несет. За лето насобирает полную кладовую разных запасов, на всю зиму хватает.

Кончится трудовой день, сядет Сикик на задние лапки у своего дома и свистит песенку. Кругом другие евражки у своих норок тоже столбиками устраиваются, отдыхают, свои песенки свистят. А то начнут беседовать, каждая какую-нибудь новость расскажет, глядишь, и спать пора.

Однажды заболталась Сикик с приятелями так, что не заметила, как все евражки по норам спрятались, не увидела опасной тени над землей.

Поняла Сикик, какое огромное несчастье случилось, только тогда, когда сова ее за загривок клювом ухватила. Машет хищница крыльями, тащит зверька в гнездо. Летит евражка над землей, больно ей и страшно. А умирать не хочется.

Собралась она с духом и пищит:

— Ты меня, наверное, в свое гнездо тащишь? Птенцов будешь кормить?

— Угу,— отвечает птица, не раскрывая клюва.

— Ты хорошая мать,— опять пищит Сикик,— сама не съела, а деткам обед несешь.

— Угу,— так же с закрытым ртом отвечает сова.

Расхрабрилась тут евражка и громче говорит:

— Ты заботливая мать, хорошая жена, да только жалко мне тебя, вся тундра над тобой смеется: твой муж тебя обманывает, а ты и не догадываешься. Скоро высидит твоя соседка птенцов, все они на твоего мужа похожи будут, сама увидишь!

— Врёшь ты все, сплетница! — крикнула возмущенная сова и выронила евражку в траву.

А той только того и надо было.

С той поры сова свою добычу только когтями хватает.

«НЕ МОИ НОГИ!»

«Не мои ноги» — это не имя. Так прозвали одного ленивца. На охоту выбирался он редко. Жил в поселке тем, что из яранги в ярангу ходил. Придет, сядет, сидит, хозяйский табак курит, ждет, когда трапезничать начнут. Как только пищу принесут, ест со всеми мясо, лепешки — чем в пологе богаты.

Насытившись, отрыгнет, снова курит. И вот тут-то начинает какую-нибудь ерунду про женщину из соседней яранги плести.

В ту ярангу придет, подкормится, про первую хозяйку чего-нибудь наговорит.

Не раз ссорились между собою женщины. Потом оказывалось, что это Яхкыстак постарался: одной хозяйке на другую наговорил, а ту против первой настроил. Так по всему поселку.

Надоедо это женщинам. Сговорились они проучить сплетника. Натолкли сушеных мухоморов, смешали с оленьим мясом, приправили квашеной ягодой, чтоб вкуснее было. В первой же яранге, куда тот пришел, накормили его заготовленным угощением. Потчуют, дожидаются, что дальше будет.

Гость до отвала наелся, устал и заснул непробудным сном. Женщинам только этого и надо было. Не зря они мухоморов подбавили.

103 Стащили они с ног сонного торбаса. Нарядили его в старую женскую

камлейку. Когда поблизости никого не было, взяли склочника за руки, за ноги, вытащили из яранги и положили прямо на траве.

Возвращаются с промысла охотники. Видят — лежит босая женщина на траве.

— Кто бы это мог так бессовестно валяться? — гадают.

Подошли поближе, а это не женщина, а Яхкыстахак храпит. Смех разобрал охотников. Давай они его будить. Еле растолкали: от мухомора сон очень крепок. Сел Яхкыстахак, глаза протирает. В голове грохочет, словно кто-то на бубне играет. Озирается, кругом односельчане обступили его.

Глянул на свои голые ноги да как закричит:

— Это не мои ноги! Мои в торбасах были!

До слез насмешил он земляков. Так с той поры и приклеилось к нему прозвище: «Не мои ноги».

СЮНАМ-ЙО

Мудрый охотник решил взять сыну в жены хорошую хозяйку. Ничего не сказав дома, поехал на ярмарку, наменял голубых бусин и отправился на поиски.

Вот прибывает он в село, ходит от яранги к яранге, к чужим женщинам так обращается:

— Ну-ка, хозяйки, у кого из вас больше всего обрезков от пошива одежды найдется, той я голубую бусину дам.

Дивятся женщины:

— Зачем так говоришь? За бусину можно целую шкуру хорошую получить, а ты ищешь никчемные обрезки. Шутишь, наверное.

— Нет, — отвечает приезжий, — не шучу. Найдется у тебя обрезков больше, чем у любой из твоих землячек, — получиай бусину.

Заторопились женщины, стараются, тащат: одна в камлейке, другая — в охалке, а третья — целый ворох.

Дал охотник голубую бусину той, что больше всех обрезков принесла, сложил никудышный груз на нарты, сел сам и погнал собак. Только из селения подальше отъехал, все лоскутья вон выбросил.

Было так же во втором поселке, произошло то же и в третьем.

И побежала впереди нарт весть по тундре: едет «бусинный хозяин» — Сюнам-Йо, — за обрезки бусины дает.

Добрался Сюнам-Йо до Наукана. Большой поселок, по всему берегу славился своими умелицами-вышивальщицами. Пошли от яранги к яранге девочки-подростки, оповестили:

— Сюнам-Йо приехал. У кого крупных обрезков от кройки получилось больше, чем у всех других, он тому бусину дает.

Потянулись к нему женщины, одна перед другой похваляются, сколько обрезков от шитья накопилось. А приезжий еще их подзадоривает:

— Ну-ка, ну-ка, у кого еще больше да покрупнее? — А сам внимательно к незнакомкам приглядывается.

Вдруг видит: девушка стоит далеко в сторонке, в одной руке зажала тоненькие обрезочки, подойти поближе не смеет. Кухлянка на ней оленьим волосом расшита, хоть и не новая, да опрятная, торбаса с разноцветными вставками, — сразу видно, что из лучших мастериц лучшая. Улыбнулся Сюнам-Йо, спрашивает девушку:

— Почему же ты так мало лоскутов собрала? Или тебе не хочется иметь такую красивую бусину?

Вздыхнула девушка и отвечает:

— Что ты! Бусина очень хороша, я бы с радостью такую взяла, да не для меня твои бусины. Ведь даже к тем обрезкам, что в руке у меня, подружки, жалеючи меня, своих добавили. Не умею я больших лоскутков оставлять. Сколько ни крою, только ремешочки остаются. Должно быть, это оттого, что отец мой стар, трудно ему добывать зверя.

Улыбнулся охотник хитро и говорит:

— Бывает иногда, что очень маленькое дорожке большого стоит. Послушай моего совета: работай так, как работаешь, не переучивайся. На твои обрезки у меня бусина найдется.

Дал он самую яркую бусину, заторопился и уехал. А девушка с обрезками в одной руке и бусиной в другой так и осталась стоять, пока ее односельчане не растормошили.

Не с пустыми руками вернулся отец к сыну. Распрягли они вдвоем нарту, привязали собак. Когда за трапезу принялись, Сюнам-Йо говорит:

— Нашел я тебе в Наукане невесту. Бережливая, мастерица и сердцем добра: старика отца бережет по-настоящему.

КАК ГОРНОСТАЙ ВОРОНА ОДОЛЕЛ

Жили в тундре горностаи и вороны. Жили они недружно, постоянно спорили: кто умней, кто хитрей, кто кого одолеет.

— Как бы ты силен ни был, — говорит ворон, — я могу тебе глаза выклевать! Налечу первый раз, клюну — нет правого глаза; налечу второй раз, клюну — нет и левого глаза!

— А я в крупного зверя обернусь, — говорит горностаи, — ты меня не одолеешь.

— Нет, одолею! — кричит ворон. — Я с большой высоты налечу, клюну — нет правого глаза, второй раз с большой высоты налечу, клюну — нет и левого глаза. Ага! Вот я какой!

Задумался горностаи, обидно ему, что он слабей ворона, говорит сам себе:

— Как же мне ворона перехитрить, себя уберечь? Что сделать, чтоб он мне и вправду глаза не выклевал?

Увидел ворон, что горностаи присмирел, и еще больше хвалиться начал:

— Ну что, испугался? Признаешь, что я могу тебя одолеть?

— Нет, — отвечает горностаи, — мы еще поборемся, проверим, кто из нас на самом деле сильней и умней. — Сказал так и оборотился сладким корешком. Лежит горностаи-корешок, про себя думает:

«Попробуй у корешка выклевать глаза, — где они у него? Да растений ворон и не ест».

Как только горностаи сделался корешком, ворон превратился в мышь и пищит:

— Вот я сейчас сладкий корешок сгрызу, и от горностаи только мой помет останется.

Только хотела мышь вонзить в корешок зубы, горностаи мигом превратился в песка, схватил мышь и говорит:

— Ага, ворон, теперь видишь, что я тебя сумел перехитрить. Еще не бывало такого, чтобы мышь песка съела. Теперь от тебя мой помет останется!

Разорвал песок мышку и съел. Потом снова горностаем оборотился. С тех пор ворон с горностаем хоть и не дружит, но и не дразнит его. Каждый живет сам по себе.

КТО ЛУЧШЕ?

Очень давно было это. Собрались самые мудрые и хитрые кочующие с такими же береговыми и затеяли спор: кто лучше — олень или собака?

Оленные про своего рогатого сказали:

— Нет лучше нашего работника!

Хотел ветер за оленем угнаться — не смог поспеть, пустилась буря за оленем — не догнала, погнался за оленем ураган — не настиг.

Нет лучше нашего работника!

Долго молчали обе стороны. Курили. Ждали.

— Об олене все поведано? — спросили береговые.

— И этого достаточно, — с достоинством ответили кочующие.

В свою очередь береговые проговорили:

— Правда сказана про оленя: быстр он, ветер за ним не поспел; буря не догнала; ураган не настиг. Это слова. Надо доказать делом. Пусть теперь ваш рогатый с нашей собакой силами померяется.

Пустили бегуна-оленя и передовика-собаку.

Легче вихря рванулся олень. Пес помчался за ним, настиг, догнал, вперед забежал. В шею оленя зубы вонзил. Шерсть на груди красавца рогатого из белой в красную перекрасил. Пал бегун там же на месте. Пес вернулся, лег у ног хозяина.

Сокрушенно покачали головами оленные.

А что скажешь?

МОЖЕШЬ УМИРАТЬ СПОКОЙНО

Жила в одной тундре жадная-прежадная евражка. Всего у нее было вдоволь, запасов всегда полная норка. От сытной еды шубка ее лоснилась, шерсть на солнышке разными цветами переливалась. На животе саларосло столько, что ходить трудно ей стало. Родни у евражки было много, да не было случая, чтоб эта Сикик кому-нибудь хоть трухлявый корешок дала. Оттолкнула от себя всех старуха своей скарденостью. Осталась совсем одна.

Пришло время ей умирать. Лежит она в норке одна-одинешенька. Редко-редко кто-нибудь забредет на нее поглядеть да по доброте своей напоить или прибрать.

Пришла навестить умирающую захудалая тощая родственница, которую Сикик и близко к норке не подпускала. Убрала, воды принесла, присела отдохнуть.

Лежит умирающая, а сама злостью чуть не брызжет. Не знает, чем досадить отдыхающей. Придумала и говорит, тяжело дыша:

— Я слышала, что грозилась ты после моей смерти прийти на кладбище, чтобы пометом осквернить мою могилу?

— Можешь умирать спокойно,— пропищала тощая родственница,— я передумала. Придется долго ждать очереди, а я от болезней и недоедания ослабела. Да и не стоит мне тревожиться: желающих проделать это достаточно и без меня.

НЕ ЖАЛЕЙ О ТОМ, ЧТО ПОТЕРЯЛ

Однажды поставил старик сеть на нерпу, да вместо зверя поймал маленькую, с ладонь величиной, камбалу. Рассердился охотник и хотел ее убить. Взмолилась камбала:

— Не убивай меня, я тебе такой мудрый совет дам, что он тебе на всю жизнь пригодится.

— Ладно,— говорит старик,— живи.— И отпустил камбалишку в воду.

Отплыла та немножко и говорит:

— Ну слушай: не жалея о том, что потерял. Запомнил?

— Ладно,— говорит старик,— спасибо, запомню.

Охотник снова поставил сеть, а камбала вместо того чтоб улепетывать от страшного места, стала под берегом плавать. Шмыгнет туда, шмыгнет сюда, хвостиком виляет, старика поддразнивает:

— Вот ты меня выбросил — целое богатство упустил: во мне ведь икра, а из нее множество палтусов выйдет! Вот какую удачу ты прозевал!

Заплакал с досады старик, зовет обратно кособокую, просит:

— Вернись! Я тебе водоем с морской водой сделаю, беречь буду, хорошо кормить буду, только вернись!

— Эх, старик,— говорит ему камбала,— не успел ты меня выпустить, как сразу забыл мой совет: не жалея о том, что потерял. Однако я добрей тебя, я тебе еще одну мудрую мысль скажу.

— Скажи,— говорит старик,— пожалуйста, скажи, теперь не забуду.

— Ну, слушай,— говорит камбала, высунув голову из воды.— Только глупец верит тому, что из икры камбалы могут появиться палтусы.

Сказала и уплыла, а старик еще долго в воду смотрел, запоминал.

КАК ПАУК АПАЙИПАЙЕК ЗВЕРЕЙ СОЗДАВАЛ

Это было очень давно, так давно, что на земле еще ни людей, ни зверей, ни птиц не было. Сидел паук Апайипайек на седьмом небе и скучал. Отодвинет заслонку из моржовой лопатки, посмотрит вниз — а там день, на сопках блестит снег, солнце его в разные цвета раскрашивает, не похоже, что он белый. Откроет в другой раз заслонку, посмотрит снова вниз — а там ночь, блестит снег, месяц его в голубой цвет перекрасил, опять не видно, что он белый. Днем и ночью летают над землей ветры с юга на север, с севера на юг, с востока на запад, с запада на восток. Морской прибой то к берегу торопится — гальку пугает, то обратно улепetyвает — сам испугался. И всегда так, только так.

Надоело это пауку. Захотелось ему, чтоб что-нибудь живое на земле поселилось. Спустился вниз и начал хозяйничать. Сделал птицу кайру. Поглядел — неплохо получилось: клюв есть, язык есть — голодная не будет, лапы на месте — стоять, ходить может, крылья большие — летать может, хорошая птица. А кайра покачалась на неустойчивых ногах и говорит:

— Плохие ноги ты мне сделал, неудобно на них по земле ходить.— Взмахнула крыльями и села над самым морем на отвесную скалу, к камню прижалась, ее и не видно. Прищурился Апайипайек, один глаз даже совсем прикрыл, смотрит — не видит, где птица, одни камни кругом да море. Рассердился:

— Вот ты как! Ну и сиди всегда на скале, плавай по воде, а по земле пусть другие ходят.

Сделал Старик куличка. Побежал куличок на тонких ножках по берегу, накатилась волна, посадила его к себе на гребень, не может Апайипайек разглядеть ту пичужку, что только что создал. Опять рассердился Старик:

— Вот ты как! Ну и сиди всегда на волне, бегай по берегу, а дальше пусть другие ходят.

Создал Апайипайек большого гуся, а тот замахал тяжелыми крыльями, полетел в тундру, возле озера среди кочек сел. Не разглядеть его Старику: кочки пестрые и гусь пестрый. Щурился, щурился паук, опять рассердился:

— Вот ты как! Ну и пусть тебя тундра кормит и прячет, а я еще что-нибудь придумаю.

И сделал Апайипайек сову, большеголовую, красивую. Заважничала сова, щеки надула, глаза вытаращила, повернулась к Старику хвостом, к месяцу лицом, взметнулась в воздух и улетела, только на прощанье «уук! уук!» крикнула. Старику и искать некого.

— Вот ты как! Ну и пусть тебя месяц кормит, а я хорошую птицу сделаю.

Создал Апайипайек ворона: красивый получился ворон, большеглазый, большеклювый, как снег белый. Сел он возле Старика, сидит, никуда не отходит, испачкаться боится.

А Старику надоело птиц создавать, он сам себе и говорит:

— На сегодня хватит, в другой раз еще добавлю. — И решил зверей на четырех ногах сделать. Создал он красивого оленя: ноги высокие, копыта крепкие, грудь длинной шерстью украшена, а на голове — рога ветвистые. Смотрит Старик, любитесь — хорошо получилось. А олень стукнул копытом раз, переступил ногами, стукнул еще раз, из-под снега ягель выглянул. Схватил его олень, начал жевать, потом сделал несколько шагов вперед и опять стукнул копытом, снова мох показался. Совсем забыл олень про Старика, белым пятнышком к нему повернулся, хвостиком покачал и пошел копытами стучать, ягель добывать.

— Вот ты как! — рассердился Апайипайек. — Ну и пусть тебя всегда в тундре мох кормит. Я что-нибудь лучше придумаю. — И сделал сразу двух зверей — лисицу и песца. Песец белый весь, только три точки на голове чернеют. Вот он глаза сощурил, нос опустил, присел на снег, не видно его, — каждая кочка на песца похожа. А лиса рыжая, на снегу заметна, как шикша на ладони.

«Плохо получилось у меня с лисицей,— подумал Апайипайек,— вот песца так смастерил, что и сам различить его не могу, а эту, красношкурую, далеко видно.

Обиделась на Старика лисица:

— Ты зачем меня всю красную сделал? Мне никогда и поспать не удастся, только кончик хвоста белый, нигде не спрячешься.

Старик покачал сокрушенно головой, говорит:

— Правда твоя, ошибся я немного. Что поделаешь? Но, чтоб тебе не было обидно, сделаю я тебя самой хитрой среди зверей, никто в тундре тебя не перехитрит.

Ушла лисица.

А паук белого медведя, Нанук, сделал. Могучий зверь получился, мохнатый, весь белый, только нос, глаза да когти черные. Много мяса, много костей, много жиру, а умишка — не слишком. Потоптался Нанук на месте, покачал круглоухой головой, поглядел по сторонам, увидел сопочку. Фыркнул раз, фыркнул второй и стал на самый верх взбираться. Хорошо — когти длинные, сильные, за наст цепляются. Начал Нанук вниз спускаться — плохо получилось, поскользнулся, всей тяжестью шлепнулся на то место, что хвостиком прикрыто, и закончил спуск вверх ногами. Встал Нанук, покачал головой, не знает, рассердиться ему или не стоит. А Старик, как увидел, что Нанук себе против шерсти спину гладит, начал так смеяться, что не сразу остановиться смог: глаза выпучились, живот раздулся, то вверх, то вниз от смеха на длинных ногах колыхается. Отдышался Старик и говорит:

— Вот ты как! Хорошо, что я тебе маленький хвостик сделал, ты его под себя подмял. А будь у тебя хвост, как у песца, до кости бы ты его протер, с горки катаючись.

Усмехнулся добродушно Нанук и пошел не спеша прочь.

Много тогда в тот день зверей разных создал Апайипайек и для земли и для моря. Моржу в спешке такие громадные бивни приделал, что сам удивился. К вечеру сильно устал, задремал. Сидит, качается, а работу не бросает. Так сквозь дрему и слепил зверя с семью ногами, да с такими, что на них и смотреть противно. Проснулся паук, глянул поскорей по сторонам, не видит ли кто-нибудь, как он оплошал. Но поблизости никого не было, только белый ворон, спрятав голову под крыло, дремал. Успокоился Старик, но про себя думает: «Плохо все же получилось у меня: как этот восьминог жить будет, что делать сможет?».

А осьминог лежит на берегу возле воды, ногами-щупальцами перебирает, прибором его вот-вот накроет. Увидел это Старик и кричит ему:

— Встань на ноги, иначе тебя прибой о берег разобьет!

Послушался осьминог, стал на свои щупальца, тело поднял дыбом, а сам таким страшным сделался, что прибой от него далеко в море отступил.

— Вот ты какой! — радостно сказал Апайипайек. — Ну и пусть всегда так будет. Поборешь ты прибой — уйдет он, и море успокоится. Если же не ты его одолеешь, а прибой над тобой верх возьмет, он тебя, лежащего, на берег выкинет, и шторм на море не скоро успокоится.

Заселил Апайипайек землю, воздух и воду всякой живностью и решил большой праздник устроить. Оповестил всех.

«А кто же для гостей готовить будет? — задумался Старик. — Пировать все хотят, а поваром быть никто не согласится».

Тут подошел к нему ворон и говорит:

— Сделай мне жену, такую же красивую, как я, пусть она и готовит на всех.

Согласился Старик, обрадовался. Сделал ворону жену Нулеху¹, белую как снег, красивую, да только второпях внутрь забыл посмотреть. Завистливая да жадная получилась.

Стала Нулеха готовить.

Жарит, варит — жирно, вкусно. Сделает одно блюдо — попробует, сготовит другое — откусит кусочек.

Напробовалась так, что шнурок на поясе тугой стал, а слюнки текут. Так все бы сама съела, да живот-то один Старик ей дал.

А гости прибывают и прибывают. Глазом не охватишь — столько гостей собралось на праздничную трапезу.

Потчует их Нулеха, сама на каждый кусок с завистью смотрит. Гости едят, хвалят. Нулеха за каждым глотком следит, в чужой рот смотрит, от жадности чернеет. К концу трапезы глаза совсем к носу скосила, сама как сажа черная сделалась. Так в черную превратилась и черных воронят выращивала.

Наверно, из-за этой Нулехи стали все вороны косоглазыми и черными. Белого ворона мало кто на своем веку увидел. Так-то.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ОЛЕНЬ

Вот послушайте, какую я сегодня сказку вспомнил: про богатого старика, который никому не доверял стеречь своего ездового оленя. А сказать правду, олень у богача был замечательный: большой, сильный, рога, как деревья на южной сопке, на груди волосы длинные, хоть косу заплетай. Выменял его богач у эвенов, дорого заплатил, да так полюбился ему новый олень, что старик только на него и любовался, а потом даже на ночь перестал отпускать рогатого далеко от своей яранги.

Весь день трудится олень — в богатом хозяйстве дело всегда найдется, — а хозяин целый день чай пьет да на своего любимца поглядывает, когда тот мимо яранги пробегает.

Прошло много времени, и богач придумал такое, что и рассказывать смешно: на ночь стал привязывать оленя к яранге на длинном-предлинном ремне. Ходит всю ночь рогатый, только снег под копытами «хрр-хрр»! Ягель из-под снега добывать — тоже ведь работа.

Спит богач, а сам прислушивается: хрустит снег, бегают его олень.

— Вот какой я хозяйственный, — говорит он сам себе, — олень у меня и ночью занят, работает, снег возле яранги утаптывает.

Проходили мимо три эскимосских паренька — веселые выдумщики. Увидели они, как по вытоптанному снегу на привязи хороший олень ходит, только голодный-голодный: насколько длина ремня позволяет, кругом весь ягель съеден. Видно, не первую ночь голодает рогатый. Жалко стало прохожим оленя, захотелось его хорошему, настоящему хозяину отдать и над богатеем заодно подшутить.

— Пусть кто-нибудь из нас один вокруг яранги одну ночь побегает, — решили они между собой. — Хозяин будет думать, что это его олень ходит, а тем временем двое других этого рогатого уведут да на ярмарке на хорошие товары обменяют.

Вот спит богач и прислушивается: по снегу «хрр-хрр!». Думает, что это его олень вокруг яранги снег утаптывает.

А паренек бегал-бегал вокруг яранги, устал, сел, чтобы немного передохнуть, да и задремал.

Под утро проснулся богач. Не слышно шагов оленя. Вышел из яранги, посмотрел кругом — нет оленя, только ремень длинный на

снегу лежит. А там, чуть подальше, видит — чужой парень, береговой, незнакомый сидит. Рассвирепел, выхватил нож, бросился с криком. Хочет парня зарезать. А чужак немного пришел в себя, страх преодолел и говорит:

— Не убивай меня! Я твой олень. Я тебе хорошо служил. Злой тугныгак превратил меня в оленя да пять зим в оленьей шкуре держал, а сегодня ночью как раз кончился срок, шкура и рога отпали, и я снова стал настоящим человеком.

Удивился и испугался богач. Стал уговаривать чужака принести хорошие жертвы тугныгаку, чтобы тот снова не превратил его в оленя. Пообещал даже сам свою жертвенную собачку зарезать. Так и отпустил «оленя».

Через несколько дней отправился богатый старик на ярмарку, чтобы выменять себе нового здорового оленя. Ходил-ходил по ярмарке, никак хорошего подобрать не мог. Вдруг видит — прекрасный рогатый стоит. Подошел поближе, а это тот самый, которого чужие парни увели. Старик сразу свою метку узнал. Испугался, бросился в сторону, боком-боком да поскорее к упряжке. Пока бежал, совсем запыхался. Не сел — кинулся на нарту, сам себе говорит:

— Ну нет! Теперь меня не обманешь! Теперь я уже ученый. Пусть этого рогатого покупает кто-нибудь другой, кто не знает, что он заколдованный.

Так и уехал старый богатей, удрал от своего собственного оленя, ехал да все оглядывался: а вдруг догонит его олень-человек!

Наверно, на гонках первый приз взял бы тогда старик на своей упряжке — так он оленей гнал!

ДОБРЫЙ ВОЛК

Мышка Вувьeltu сидела возле своей норки и громко плакала:

— Ай-яй-яй-яй-яй! Горностай съел моего мужа! Набросился на него и живьем его съел!

Услышал это волк Ама, возмутился и громко закричал:

— Горностая надо крепко наказать за то, что он такой жестокий! Подумать только — съел мышью живьем!

Неподалеку сидел старый паук и плел сеть. Он спросил волка:

— Чем ты лучше горноста́я? Ведь ты вчера съел маленького олененка?

— Однако я его сперва зарезал, а потом уж съел, — сказал Ама, — а горноста́й сожрал живую мышь!

— Ага, — насмешливо сказал паук, — ты, наверно, спросил его: «как для тебя лучше?» — и он тебе сказал, что для него приятней, чтоб ты сперва его зарезал, а потом съел?

Волк промолчал.

А ты что скажешь?

ОБМАНУТЫЙ ХИТРЕЦ

Жил в тундре большой чукотский шаман. Был он не так умен как лукав. Никто по хитрости сравниться с ним не мог.

Услышал он однажды, что на побережье имеется человек, умом его превосходящий. И может тот охотник у любого кочующего самую ценную пушнину без обмена, без всякой платы взять. Получит желаемое да потом еще и ославит одураченного. Задело это шамана за живое:

«Еще никто за всю мою жизнь не сумел меня провести, — думает он. — Неужели есть на нашей земле человек, который хитрей меня?»

Прошел еще день, другой. Не терпится шаману, сам с собой разговаривать начал:

— Вздор болтают люди! Хитрей меня среди них еще не было никого... А вдруг и вправду найдется такой?..

Подкочевал он как можно ближе к берегу. Позвал самого бедного из своих пастухов и сказал:

— Есть, говорят, на побережье охотник, по уму и хитрости меня превосходящий. Слышал ты об этом?

— Слышал, — отвечает почтительно бедняк.

— Веришь, что может он меня обмануть? — спрашивает хозяин.

— Верю, — отвечает пастух.

— Пойди найди, уговори, приведи! — приказывает хозяин. — Если сумеет он меня перехитрить, я тебе пять оленей дам, твои будут. Если же не придет он или явится, но провести меня не сумеет, то ты на третий день жить не будешь, уж я постараюсь! А слово мое крепко, ты знаешь. Иди!

Испугался бедняк, пошел. Нашел нужного человека. Со слезами ему обо всем рассказал:

— От тебя теперь вся моя жизнь зависит! — закончил пастух свою речь. — Сумеешь перехитрить моего хозяина, буду владельцем пяти оленей. Не сумеешь или не захочешь идти к нему со мною, придется мне раньше срока умирать.

Согласился береговой. Отправились оба в тундру. Пришли.

— Правда ли, — спрашивает хозяин гостя, — что ты решился со мною в хитрости соревноваться?

— Правда, — отвечает береговой, — только придется тебе повременить. Сейчас пришел я, чтобы твоего пастуха успокоить. Ты его сильно напугал. А соревноваться будем, когда я свой амулет из залога обратно получу.

— Что за амулет? И почему он в залоге?

— Есть у меня особый амулет, при помощи которого я всех могу перехитрить. Да беда случилась: сам я ничего не добыл. Пришлось у знакомого несколько шкурок взять для продажи.

Вот поймаю, отдам долг, выкуплю своего помощника, тогда и буду с тобой силами меряться. До зимы подожди.

Не терпится шаману, не хочется ему до зимы ждать.

— А что ты за свой амулет взял, каков залог? — спрашивает он берегового.

— Вещь дорогая, и залог немалый, — отвечает тот. — Дал он мне песка, сиводушку и пару красных лисиц.

— Как далеко твой знакомый живет? — интересуется хозяин.

— Если упряжка хорошая, день туда, ночью обратно, — отвечает береговой.

Велел хозяин поймать самых лучших оленей, достал требуемые шкурки из своих запасов, дал легкие нарты и послал берегового к приятелю за амулетом. Тот взял, поблагодарил и уехал.

Прошел день, за ним ночь. Потом еще день и еще ночь. Позвал хозяин пастуха, спрашивает, что это все значит?

Рассмеялся бедняк и говорит:

— Это значит, что ждать его можешь не только ты, но твои дети, внуки и правнуки. Перехитрил он тебя: пушнину ты ему сам дал добровольно, без всякой платы, без обмена. Амулет этого человека — его речь. А если слово твое крепко, то твои пять оленей теперь моими будут.

ХОРОШИЙ УРОК

Приехал богатый оленевод в эскимосский поселок и стал каждому встречному жаловаться, что он совсем бедный, что он завидует счастливой жизни морских береговых охотников: все-то у них есть, все-то им море дает, а в тундре — одни олешки. Потом пошел от яранги к яранге и стал выпрашивать: у одного — ремни, у другого — моржатины, у третьего — лахтачных подошв.

Так добрался он до крайней яранги, а хозяин этой яранги калека был: изуродовал его когда-то белый медведь, выбил когтем глаз да на правой руке пальцы откусил.

Стал приезжий и здесь на свое горькое житье жаловаться, а кривой хозяин ему в ответ говорит:

— Почему же ты жалуешься? Ведь у тебя и так есть очень большие богатства, даже если не считать твоих оленей.

— Где же мои богатства? — удивился оленевод. — Какие такие у меня богатства, не считая оленей?

Подошел к нему хозяин яранги, спрашивает:

— Вот я хотел бы взять у тебя один твой глаз — мой у Нанука, белого медведя, остался. Что хочешь ты взамен за один глаз?

Испугался богач, зажмурился и говорит:

— Нет, глаза свои я ни на какие товары не обменяю, ни за какие богатства не отдам.

— Пусть так, — сказал кривой. — Тогда дай мне только пальцы с одной твоей руки. Я тебе за них отдам все, что есть у меня и в яранге и в наттыке: какой я охотник без пальцев?

Еще больше испугался непрошенный гость-попрошайка. Спрятал руки за спину и говорит:

— Нет, я ни пальцев своих, ни рук ни на какие товары не обменяю, ни за какие богатства не отдам.

— Эх, болтун ты завистливый! — сказал хозяин. — Не олени — твое богатство. Теперь ты и сам видишь, что богатство — это сила человека и здоровье. Их ни на какой ярмарке, ни в какой фактории не купишь, ни на что не обменяешь.

Так и ушел богач из этой яранги, ничего не выпросив.

А урок-то он получил хороший, а?

КАК ОХОТНИК НА ЗАГАДКУ ОЛЕНЯ ВЫМЕНЯЛ

Жил очень давно в тундре богатый кочевник. Имел он столько оленей, что своему стаду счета не знал. Жил он, как и все богачи, — ночью спал, днем пил, ел, курил, жирел. Так и старость пришла.

Стал богач плохо спать, начала его скука одолевать. Когда от бессонницы и тоски сделалось ему совсем неважно, надумал он себя позабавить. Велел женщинам мяса наготовить, как на большой праздник, а сам по стойбищам и селениям приглашения разослал:

— Приходите все, кто хитрые загадки знает. Три дня сытно кормить буду. Тому же, чью загадку я не смогу разгадать, любого оленя из стада отдам.

Прибыло гостей множество: каждый обильному угощению рад. Задают гости загадки разные, да старик умен, а загадки простоваты.

Пируют гости день, угощаются второй.

Скучно стало хозяину. «Едят-то со вкусом, — думает он, — аппетит у всех есть и зубами работают старательно, да никто не хочет головой мозговать. Придется второй раз приглашения рассылать».

Снова отправил он посланцев во все концы по стойбищам и селениям.

— Приходите все, кто хитрые загадки знает. Три дня сытно кормить буду. Тому же, чью загадку я не смогу разгадать, любого оленя из стада отдам.

Возвращался на байдарочке с охоты зверобой по имени Сяюн. Хотелось и ему пойти на праздник, да не имел он хитрой загадки в запасе. Вдруг видит — летит ястреб, тащит зайца. Схватил охотник лук, пустил стрелу — разжал ястреб когти, уронил зайца в море. Стал заяц тонуть. Налег Сяюн на весла, подоспел, схватил длинноухого и вытащил. Вот гребет он к берегу, а сам думает: «Похоже на то, что я хитрую загадку везу. Пожалуй, куцого косоногого на бесхвостого рога того обменяю».

Отправился он в тундру, явился на праздник, спрашивает хозяина:

— Правда ли, что если ты загадку не отгадаешь, то любого оленя из своего стада отдашь?

— Правда, — отвечает оленивод, — только за два дня пиршества я трудной загадки ни от кого не слышал.

— Ну тогда слушай мою, — говорит зверобой, — вот она:

Летело летающее, тащило бегающее.

Я бросил колющее,

Колющее попало в летающее.

Летающее выронило бегающее.

Бегающее сделалось тонущим.

Вот и отгадай, что это такое?

Долго думал старик, много трубок выкурил. Ночь настала, все спать легли, отдыхают. Один хозяин не спит, думает — загадку решает. Вот и новый день наступил. Когда все гости к трапезе собрались, старик обратился к Сяюну:

— Я всю жизнь на двух ногах ходил, да, видно, и тебя мать не однорогим родила. Хитра твоя загадка, моими зубами ее не разгрызть. Бери себе любого оленя: хитрое рогатого стоит!

ЗА ЧТО ВЛАДЫКА ХОЛОДА БЛОХУ ЗАМОРОЗИЛ

Было это очень давно, когда волки между собой враждовали и вели войны. В жестоком сражении бились два храбрых противника: Амахляк был старый и мудрый, Амапик славился среди молодых силой и ловкостью. Бой длился долго, и оба пали на месте сражения рядом. Старый волк, Амахляк, спокойно расстался с жизнью, а молодой, Амапик, долго боролся со смертью.

В густом мехе старика жила блоха Кумак. Пока кормилец ее был теплым, Кумак не знала, что такое холод. Была суровая зима. Когда мертвое тело хозяина перестало ее греть, блоха начала мерзнуть. Она выбралась наружу и перескочила на лежащего рядом молодого волка. В том еще теплилась жизнь. Но пожила блоха здесь недолго. Когда застыл и второй боец, Кумак тоже замерзла.

Так явились все трое — два воина и блоха — к Владыке холода. Волки тотчас же отправились на охоту: павший в бою всегда попадает в места прекрасной охоты. А Кумак осталась в яранге Владыки холода.

— Зачем ты заморозил обоих? — стала жаловаться блоха.

— А которого из двоих ты хотела бы оставить в живых, ведь они — враги? — спросил Сикум-Йо, Владыка холода.

— Ну, мне все равно,— ответила Кумак,— я одинаково кусаю и врагов и друзей.

— Плохо, что ты на земле не научилась отличать врагов от друзей,— сказал Сикум-Йо, выбрасывая блоху из своего жилища.— Если б ты помогала одному из бойцов там, я бы тебя с ним пустил на охоту здесь. А такая ты никому не нужна.

С той поры, когда идет колючий снег, люди говорят: это снежные блохи — анигум кумаги!

ЧААТ И ОЛЕНЬ

Однажды какой-то кочующий пошел в стадо, облюбовал большого оленя, набросил чаат и заарканил рогатого. Стал медленно подтягивать его. Напрягается хозяин, изо всех сил укорачивает чаат с одной стороны. На противоположной упирается олень, ноги врозь расставил. Хозяин рванет ремень — рогатый сделает шаг. Снова голову опустит, ноги еще прочнее расставит, всеми четырьмя за снег держится. Хозяин снова натягивает — ремень к нему еще короче становится. Обычное дело как будто. Ан нет! Подводит чаат оленя к хозяину, сам от спеси чуть не лопається, перед рогатым бахвалится:

— Видишь, какой я крепкий! Любого оленя осилю! Вот ты, хоть с четырьмя ногами, с большими рогами, а жизнь твоя полностью от меня зависит. Вот я какой!

Донял оленя своими насмешками глупый чаат. Рассвирепел рогатый, рванулся изо всех сил...

— Кыкка! Тяжело! — взвыл чаат и лопнул.

Умчался быстроногий олень с обрывком ремня, повисшего дохлой петлей на его могучих рогах.

Перевернулся в воздухе человек, всей тяжестью рухнул в снежный сугроб. Покряхтел, еле-еле выбрался, выругал вероломный чаат и швырнул лопнувший ремень на снег. В сердцах еще ногами при-топтал.

Пришла ночь. В пологе ворочался хозяин, почесывал ушибленное место, сердился на свою неудачу.

А в тундре подобрались голодные песцы и съели то, что осталось от хвастливого чаата.

ЧТО ЛУЧШЕ?

Очень давно в поселке Тыфлык жил замечательный песенник по имени Энны. Он знал старинные напевы, умел и сам составить хорошую песню к какому-нибудь празднику или интересному событию. Но ему пришлось переселиться в другое место.

Когда Энны уехал, к хозяину земли, Тыфлылихтаку, пришел племянник песенника и сказал:

— Послушай, какую я песню сочинил, чтоб все односельчане вспоминали моего дядю, покинувшего свою родную землю.

И племянник начал петь о том, что его знаменитый родственник покинул навсегда Тыфлык.

Тыфлылихтак терпеливо слушал молодого человека, а потом сказал:

— Это неплохо, но было бы лучше, если б уехал от нас ты, а твой дядя сочинил бы об этом песню.

СКАЗКА С ПЕСНЕЙ

Наверно, это не сказка, а на самом деле было, и произошло еще тогда, когда кочующие считали себя полными хозяевами всего побережья. Так вот что однажды случилось.

Шли как-то по тундре три береговых охотника. Они далеко, возле сопки, капканы на пушного зверя расставили, сейчас проверять направились. Было совершенно безветренно, мороз сильный стоял, только снег под ногами пищал.

Вдруг услышали они: воет какой-то зверь, да так необыкновенно, как им еще ни разу слышать не приходилось. Поспешили они на звук. Чем ближе подходят, тем страшнее крик. Еще издали увидели: какой-то крупный зверь в капкане бьется. Первым подоспел хозяин к своей добыче, за ним — товарищи. Подошли к ловушке и окаменели от ужаса: мощные зубы капкана ухватили за кухлянку живого человека, защелкнулись на спине и держат его лицом к небу. Рвется тот, бьется, весь снег вокруг капкана изрыл, но ни встать, ни из кухлянки

вырваться не может. Нос и щеки совершенно побелели. Еще немного — человек замерзнет.

Не спросил охотник, как попал кочующий в чужой капкан, куда шел, откуда явился. Освободил его, на ноги поставил, отряхнул снег с богатой одежды, волчьим мехом отороченной, оленьим волосом вышитой.

Не поверил своему счастью спасенный: ногами топает, руками размахивает — согреться старается. По щекам да по носу себя бьет — все проверяет, живой ли!

Немного погодя отправились трое береговых к стойбищу незнакомаго человека: они — его проводить, а хозяин — домой, да чем-то за спасение своей жизни отдарить.

Пришли. Хозяин в полог влез, провожатые в наттыке остались. Видят: вся холодная часть яранги увешана запасными частями оленьей упряжи, пузырями с жиром, постелями, вышитой обувью. По всему видно, небедный хозяин живет.

Вскоре вернулся владелец яранги. Стал за пологом перебирать меховые вещи, что-то искать, не оборачиваясь к своим спасителям. А те стоят, переглядываются: пожалуй, не донести им домой того, что надарит на радостях богач.

Наконец хозяин нашел то, что искал, повернулся лицом к трем паренькам и поднес своему освободителю разложенную на обеих руках шкурку красной лисицы, старой-престарой, у которой еще при жизни зубы выпали и хвост облез.

Рассвирепел владелец капкана, от негодования дрожит и товарищам, задыхаясь от гнева, говорит:

— Сейчас я этого незваного зверя, мною добытого, неизвестно как в мою ловушку попавшего, назад в тот же капкан затолкаю! Пусть его песцы живьем съедят!

Но другие двое на плечи ему руки положили, чтоб успокоить, стали уговаривать:

— Ну его! Пусть живет так, как сам надумал. Он не мальчик — понимает, что за свою жизнь уплатил как раз столько, сколько она стоит. Мы пойдем сейчас по его стойбищу и громко, чтоб все слышали, по-чукотски песню про него споем, а потом по нашему селению пойдем и еще громче по-эскимосски запоем. Пусть все знают, что богач, который в чужом капкане добычу искал, сам себя оценил в стоимость шкурки от старости издохшей лисы. Вот и будут смеяться

старики и старухи, дети и охотники. Он умрет, шкурка сгниет, а наша песня-сказка останется.

И тут же они сложили песню:

В чужом капкане сам себя взял,
Цену большую за свою шкуру дал:
От лисы при жизни выпавшие зубы,
Шерсть с ее облезшей шубы.
Пусть знают и старухи и дети,
Пусть слышат все охотники на свете,
Пусть слова нашей песни льются,
Пусть все люди над пакостником смеются.
Потому что он когда-нибудь да умрет,
Шкура и его и облезшей лисицы сгниет,
Его имя от стыда в памяти затуманится,
А наша песня надолго останется!
Айя-ай, айя-аяна, айя-ая!

Вот такая моя сказка с песней!

ДВА ХИТРЕЦА

Все знают, что песец и лисица звери хитрые. Однако лукавят они по-разному: лиса пронырлива и быстра, песец нахален и ленив.

Как-то сошлись они на тропинке, ведущей из Урелика в Аслек. Лиса есть хочет, с утра зубами не работала, и у песца по кишкам голод бегаёт.

«Неплохо бы подзадорить лису еды раздобыть», — думает песец.

«Хорошо бы этого лодыря расшевелить, чтоб он чем-нибудь съестным разжился», — соображает лиса.

- Как живешь, круглоухий? — спрашивает рыжая.
- Да вот голодный хожу, — отвечает песец.
- А почему ничего не добываешь? — допытывается лиса.
- Леня меня одолела, — жалуется ленивец.
- А ты от нее убеги, — советует рыжая.
- Не хочется с ленью вперегонки бегать, — говорит песец.
- А со мной вперегонки побежишь? — спрашивает лиса.
- Побежим! Если ты меня обгонишь, я тебя утиным мясом кормлю. — А сама думает: «Где ему за мной угнаться! Пусть только

согласится, я его перегоню. Сегодня, видно, он меня утятинной кормить будет».

Пошевелил хвостом песец, думает: «Пожалуй, если до Аслека бежать, так лиса мне обед будет добывать. Туда она знает только две дороги, а мне известна третья тропинка — хоть и трудна, да вдвое короче. Пока лисица будет бежать, я быстрым шагом раньше ее поспею».

— Что ж, — говорит песец, — если до Аслека тебе не трудно, давай побежим. Только ты не обмани. Коль позже меня прибежишь, на двоих добывай еду.

— Ладно, — говорит лиса, — могу и до Аслека. Согласна.

Побежали. Лисица со всех ног по длинной дороге, а песец легкой рысцей по короткой. Прибыл песец первым, сел в укромном месте, отдыхает. Скоро и лиса прибежала. Видит — песец уже ждет. Смекнула рыжая, что песец ее обманул.

«Ладно, — думает, — если ты хитер, то и я не простовата».

Притворилась лисица, что очень огорчена, и говорит:

— Видно, ты быстрее меня. Придется мне обед на двоих добывать.

Доволен песец, веселым голосом поддакивает:

— Да, ты не так быстра, как хитра. Иди добывай еду, а я посижу, подожду.

Побежала лиса из Аслека, да не за уткой, а к себе домой. По дороге в распадок завернула, мышей наловила. Насытилась рыжая и говорит сама себе, усмехаясь:

— Ну, хитрец, я сыта, пойду посплю, а ты теперь хоть два дня сиди, обеда дожидайся!

ЮКНЫК¹

Был на культбазе истопник по имени Юкнык. Когда в больницу приезжали чукчи, он служил переводчиком. Однажды в больницу к доктору пришел старик. Увидел Юкнык приехавшего чесоточного и с пренебрежением сказал ему:

¹ Ю к н ы к — хвастун-мужчина (эским.).

— Стариков велят уважать, а как тебя уважать, если ты весь чесоточный... На руки и смотреть противно!

— Эх,— ответил старик,— не то важно, что на коже, а то, что под ней! Из твоих слов вижу, что моей голове у твоей позаимствовать нечего: там пусто. А вот что копий у нас нет, это печально. Были бы здесь копыя, я бы тебе на них показал, чего чесоточные руки при умении стоят!

«Ну,— думает парнишка,— хвастливый старикашка, я тебя научу, как о копьях жалеть!»

Побежал Юкнык, раздобыл физкультурные палки, принес, говорит:

— Если твои чесоточные руки такие ловкие, как ты хвалишься, у тебя и палка будет не хуже, чем копьё! — А сам смеется.

— Что ж,— согласился старик,— если в голове не у каждого из нас достаточно толковости, пусть палки послужат мерилom ловкости.

Начали они фехтовать палками. Как ни нападал молодой, старик умудрялся увернуться и в тот же миг ударял грубияна сзади чуть пониже брючного пояска. Сколько раз наскакивал парень, столько увесистых ударов палкой прилипало к его спине, что пониже поясного ремешка.

Борьба длилась недолго. Парень был сшиблен с ног.

Рассказывают, что он несколько дней после этого стоя на коленях, чай пил и на животе спал.

А чесоточного старика доктор в больнице вылечил. Так-то.

ПЕЧАЛЬНАЯ СКАЗОЧКА

Одно лето выдалось дождливое, неудачное. Тундра покрылась множеством глубоких болотец. Сухопутным птицам совсем житья не стало. Особенно беспокоились птицы-матери: их птенчики того и гляди могли упасть и утонуть.

Беду никто в гости не зовет — она сама приходит. Несчастье случилось с малышом пуночки. Он свалился в воду и забарахтался там изо всех сил. Мать подскочила к краю озерца и принялась ругать птенчика:

— Ты меня не слушался, вертелся, скакал, вот и допрыгался! А тот уж стал «пузыри пускать».

— Вот видишь, какой ты глупый: меня не слушался, упал, плавать не умеешь, вот теперь только и знаешь, что рот разеваешь.

Но птенец уже глаза закрыл и с головой погрузился.

Тут большая бывалая утка нырнула, взяла чужого малыша в клюв и вытащила. Вышла она на берег, на ножки спасенного поставила, сзади подтолкнула — подальше от опасного места.

— Зря ты хвостиком трясешь, напрасно языком болтаешь, — сказала она пуночке, которая продолжала стрекотать. — В беде сначала выручи, помоги. А потом уж, когда опасность минует, поучай и трещи хоть до завтрашнего утра. А еще матерью называешься!

РАЗОЧАРОВАННЫЙ ШАМАН

Жил в тундре шаман. Он не был великим исцелителем, но его камланию многие верили. Приношений, делали столько, что тот жил, не заботясь о завтрашнем дне.

Шел он как-то по дороге между сопками, устал и начал молиться Хозяину гор:

— Пошли мне попутные нарты, чтоб я мог добраться до места. Я очень устал.

Высказав просьбу, он сел и стал ждать. Вскоре показалась тяжело-груженная нарта, за ней пеший каюр с большим мешком писем на плечах.

Обрадовался шаман: Хозяин гор послал ему попутную нарту. Он направился к ней с намерением сесть. Каюр рассердился:

— Разве ты не видишь, бездельник, что собаки совсем выбились из сил! Я давно иду пешком да еще почту несу. — С этими словами он быстро снял с себя увесистый нерпичий мешок, надел его на плечи неожиданному попутчику и сказал, улыбаясь:

— До культбазы недалеко, я больше нес, теперь тащи ты, да смотри не урони.

От изумления шаман растерялся и не возразил ни слова. Пошли. По дороге шаман поднял голову и начал что-то говорить.

— С кем это ты? О чем? — спросил каюр.

— Это я с Хозяином гор разговариваю, — ответил высокомерно обиженный помощник духов. — Я просил у него упряжку, чтоб до-

ехать до поселка, а он послал мне твоих дохлых собак да еще эту сумку в придачу, чтоб я нес...

Каюр рассмеялся:

— Ты глуп, а Хозяин гор мудр и справедлив. Это он мне велел проучить тебя: ведь ты за всю свою жизнь не додумался сам сделать что-нибудь полезное хоть собакам.

ПОЧЕМУ ЛЮДИ ИЗ ОЛЕНЬИХ ШКУР ОДЕЖДУ НОСЯТ

Было это очень давно. Жил на побережье человек, звали его Улимаста¹. Прекрасные вещи из моржового клыка умел он вырезать. Делал он наконечники стрел, гарпунов, мастерил пряжки к собачьей упряжи. Все вещи замечательным орнаментом украшал.

Однажды заболел Улимаста, долго лежал без движения, никто вылечить его не мог. А умирать ему очень не хотелось. Стал просить он самого паука — Апайипайека:

— Помоги мне, Великий Старик, не хочу умирать, хочу сильным и здоровым быть. Хочу еще пользу людям приносить.

Подумал Апайипайек, пообещал:

— Ладно. Можно сделать так, чтоб ты снова сильным стал. Надо для этого на волчьей шкуре спать, волчьим одеялом укрываться. Можно сделать так, чтоб ты здоровым стал, из песцовых шкурок одежду носи. На ногах крепко держаться сможешь, хорошо ходить будешь, если из лисьего меха чижи и торбаса носить начнешь.

Обрадовался Улимаста. Позвал лучших охотников, поручил им убить волков, песцов, лисиц, чтоб от болезни и смерти избавиться.

Услышали об этом волк, песец и лиса. Запечалились. Не хотят свои шкуры отдавать. Тоже жить хотят. Потолковали, посоветовались. Наконец так порешили:

— Пойдем Апайипайека просить, чтоб отменил он свое решение. Он мудрый, пусть что-нибудь иное придумает.

— А кому беседу со Стариком вести?— Идут звери к пауку, между собою уговариваются:

— Иди ты, песец,— говорит волк,— ты белый, красивый. Постарайся упросить Старика.

¹ Улимаста — большой умелец, искусник в каком-нибудь деле.

— Нет,— не соглашается песец,— ты сильнее и крупнее меня, твоя шкура больше моей. Иди, волк, лучше ты.

— У меня глаза прямо не смотрят,— отказывается волк,— днем они красные, ночью зеленые. Не захочет Апайипайек слушать меня. Придется идти тебе.

— Нет,— снова отговаривается песец,— простоват я, уши у меня круглые, смеяться надо мною будет Апайипайек. Пусть уж лучше лиса идет. Она хитрая, находчивая, голос у нее сладкий. Упросит она лучше нас с тобой Старика.

Так и порешили. Согласилась рыжая, только с условием:

— С такой просьбой без подарка идти нельзя. С пустыми руками за свою жизнь нечего и думать успешно бороться.

Какой же подарок Апайипайеку сделать, чтоб он доволен был?

Снова стали думать. Соображали долго, пока нашли решение. Смастерили они из тонко расщепленного китового уса замечательный обруч-ободок для паучьей сети — паутины. Понесли подарок втроем. Принял Апайипайек подношение, проверил: хорошо натягивается паутина, любой рисунок сплести можно. Подобрел Старик, слушает.

Рассказала пауку лисица, что не хочется диким зверям раньше времени со шкурой — жизнью — расставаться. Расплакалась лукавая:

— Отмени, Могучий Старик, свое приказание! Оставь нас жить на земле.

Разжалобила паука рыжая. Подумал он немного и произнес:

— Если я хоть один раз решение свое не выполню, ни один человек меня больше слушаться не будет. Настанет на земле неповиновение старшим — непорядок, плохо всем будет! Не знаю, как вам и помочь. Жаль мне вас, да что поделаешь...

Подошла лисица поближе, тихонько на ухо пауку говорит:

— Мне ли тебя учить, Великий Старик? Не говори человеку прямо, придумай, как окольным путем сказанное тобою изменить. А уж мы перед тобою в долгу не останемся.

Обещал подумать Апайипайек:

— Ладно, идите по домам. О нашем разговоре помалкивайте. Постараюсь и порядок не нарушить и шкуры ваши на вас оставить.

Долго думал на этот раз Старик. Красивую сетку из паутины успел сплести, пока решение нашел. Явился он к больному и сказал:

— Жалко мне твоих охотников: за песцом и лисицей идти далеко, заблудятся, а там их волки съедят.

Испугался Улимаста, что не избавиться ему от болезни. Стал просить пука:

— Не дай мне плохой смертью умереть! Помоги мне. Если жив и здоров буду, смогу еще много полезного на земле сделать. Придумай что-нибудь, чтобы мне помочь.

— Ладно,— усмехнулся Апайипайек,— жалко мне тебя, жалко и охотников... Скажи им, пусть за лисью да песцовую шкурку за каждую по три оленьих выпоротка добудут. За волчью — три больших оленьих шкуры пусть принесут. Этот мех тоже здоровье и силы сохраняет. Носи на теле, поправишься. А обещание свое не забывай.

Сшили женщины больному кухлянку и штаны мехом внутрь, чулки — чижы из оленьих камусов смастерили. Тепло человеку, хорошо, поправляться стал. Когда совсем выздоровел, посоветовал всем односельчанам такую одежду шить, в ней ходить. Научил на теплых и мягких постелях спать. С тех-то пор и привыкли эскимосы оленьими шкурами пользоваться.

Только не спасает олений мех, люди болеют, умирают. Давно и мастера того в живых нет. Должно быть, он людям, а звери Апайипайеку своего долга не отдали, вот Старик и обиделся.

Как думаешь, а?

ПОЧЕМУ ОЛЕНЬ МЕДВЕЖЬЕГО СЛЕДА ИЗБЕГАЕТ

Давным-давно медведь имел красивые рога, а олень был безрогим. Очень гордился Кайна своими рогами, частенько хвастался:

— Ни у кого нет таких великолепных рогов, как у меня.

Пришел однажды к нему олень и говорит:

— Дай мне твои рога на три дня: хочу я жениться, а с таким украшением самая лучшая невеста за меня замуж пойдет.

Дал ему медведь свои рога, а сам думает:

«Ох, и легкою моя голова сделалась. Пожалуй, безрогим лучше жить».

Прошло три дня. Собрался олень идти к медведю долг отдавать. Вдруг увидели его волки и помчались за ним. Бросился олень бежать, рога на спину закинул, глаза сощурил, от смерти спасается, быстрее ветра мчится. Волки давно отстали, а он оглянуться не смеет, все уле-

петывает. Наконец обессилел, остановился, весь дрожит. Перевел немного дух, озирается: в незнакомые места забрался.

«Как быть,— думает олень,— назад по своим следам пойти — волчьей добычей стать, оставить рога у себя — перед медведем стыдно, подумает, что специально обманул его».

А медведь подождал еще пару дней да и привык с легкой головой жить.

Однако и сейчас еще останавливается он иногда, головой вправо-влево покачивает, вспоминает, каким был когда-то.

На оленя он не сердится, но рогатый этого не знает и старается от медвежьих следов подальше уйти.

НЕ УМЕЕШЬ САМ, НЕ УЧИ ДРУГОГО

Зашло однажды в речку множество кеты нереститься. Среди нее в общий поток попал краб. Ходит он везде, клешнями шевелит, всем мешает.

Рассердились на него рыбы, а одна и говорит ему:

— Ты-то чего с нами увязался? Сперва бы плавать научился, боколаз бесхвостый!

Выбрался по рыбьим спинам краб на прибрежный камень, устроился на нем поудобней и давай ругаться:

— Ах ты, такая-сякая! Ты меня будешь учить плавать! Сперва сама научись, а то плывешь против течения!

ПОЧЕМУ У КУРОПАТОК ВЕКИ КРАСНЫЕ

Сидела на гнезде куропатка — Акыргек. Долго сидела, есть захотела. Дождалась, когда солнце сильно греть начало, говорит:

— Пойду немножко подкормлюсь. На солнышке тепло, яички не остынут.

Не успела насытиться, как ножкой попала в жилную петлю, настороженную мальчиками. Рвется Акыргек, старается спастись из ловушки, долбит клювиком жилу.

Высунулась из норки мышка Вувильту, наблюдает, как птичка-мать в силке бьется, из беды вырваться хочет.

Бежал мимо горноста́й Амиклюк. Видит — гнездо с насиженными яичками солнце греет, а неподалеку Акыргек в ловушке запуталась. Оглянулся и заметил мышку. Запершило у него в горле от гнева:

— Чиккр! Чиккир! — бросился на Вувильту и схватил ее за загривок. Запищала мышка у него в зубах:

— За что ты меня схватил? Ведь я ничего не делала.

— Вот за то, что ты ничего не делала, я тебя и схватил, — говорит Амиклюк, а челюстей не разжимает:

— Зубы у тебя есть?

— Есть.

— Острые?

— Острые.

— Глаза у тебя есть?

— Есть.

— Зоркие?

— Зоркие.

— Ты видела, что в ловушку мать попала, а яички в гнезде осиротели?

— Видела, ну так что ж?

— Почему же ты петлю не перегрызла?

— Но ведь куропатка — не мышь!

Опять у горноста́я запершило в горле от гнева:

— Чиккр! Чиккир! — закричал он, поднял на спинке шерсть дыбом, покачал сердито черной кисточкой на хвосте и мышку съел. Потом петлю из оленьей жилы перегрыз, освободил Акыргек и говорит ей:

— Беги скорей в гнездо, высиживай своих птенцов. Только, когда они вырастут, береги их от меня, чтоб я их нечаянно не сцапал: летом все куропатки рябенькие, все по тундре бегают, как их отличишь? Отметь своих чем-нибудь!

Сказал, и был таков.

Вырастила Акыргек малышей, думает:

«Правду сказал Амиклюк. Много по тундре птенчиков бегают, все рябенькие, все одинаковые, один на другого похожие, как их отличишь?»

Пошла куропатка к откосу, набрала красной глины, покрасила своим птенчикам вокруг глаз, чтоб ее детей горностаи нечаянно не сцапал.

Подсмотрели другие мамы-куропатки, тоже за глиной побежали.

С той поры все куропатки своим птенцам веки красным разрисовывают. Так-то!

МЕДВЕЖЬЯ НОВОСТЬ

В очень давние времена бурый медведь — Кайна¹ в дружбе жил с человеком: друг к другу в гости ходили, беседовали.

Встретил как-то однажды медведя человек и спрашивает:

— Ну, как живешь?

— Богато живу, все имею, ни у кого не одалживаю. А ты как?

— Неважно, — говорит человек, — бедности больше, чем достатка. Ртов много, кормилец я один. А нового что у тебя?

— У меня не бывает новостей, — пропыхтел Кайна. — Всегда сыт, наевшись — сплю, отдохнув — снова насыщаюсь. Всегда одно и то же. Я бы рад был раздобыть хоть немного бедности.

— Экой ты какой, — усмехнулся человек. — Я бы рад был раздобыть немного сытости! Это нелегко. А твоему горю помочь нетрудно.

— Если и вправду не очень трудно, помоги, — просит медведь.

Пошел человек к берегу, подобрал выброшенное морем бревно, притащил его, привязал к шее медведя и говорит:

— Пройдет несколько дней, и ты узнаешь, что такое бедность. Станет невтерпёж, приходи — помогу, отвяжу. — Сказал и ушел человек.

— Вот и у меня теперь есть новость, — обрадовался Кайна.

Однако эта «новость» мешала ему. Восемь дней и восемь ночей боролся зверь с бревном, но оно не давало охотиться. Съел медведь запасы, а к человеку идти со своей ошибкою не хочется. Пришел голод. Скоро настала пора совсем умирать. Созвал Кайна родственников и говорит:

— Теперь я беден, могу только совет вам дать: не завидуйте голодному, не гоняйтесь за новостью, если не знаете, какая она. Если

¹ К а й н а — бурый медведь (эским.).

же кто из вас в ловушку попадет, пусть вместе с ней уходит. Лучше в другой мир свою беду с собою забрать, чем еще кого-нибудь в нее втянуть.

Так и умер Кайна со своей бедой на шее.

Иногда и теперь, если медведь попадется в капкан, он свою беду с собою уносит, никому в наследство не оставляет.

ШМЕЛЬ У КОМАРА ДОБЫЧУ УКРАЛ

Случилось это еще тогда, когда по всему побережью американские купцы торговали, а магазины факториями назывались. Давно это произошло.

Поймал бедный ййвали — сирота в капкан сиводушку и понес ее в факторию, чтоб взять продуктов, табаку и еще чего надобно. Видит, на снегу, в стороне от нартового следа, лежит мешок добрый. Такие мешки и сейчас в ходу у охотников: в них удобно пушнину носить, не мнется, да и сырости не боится. Это цельная нерпичья шкура, хорошо выделанная, со шнуровкой или завязками посередине вдоль живота.

Подобрал он чью-то потерю, развязал, заглянул — и зажмурился даже: большая связка белых песцов лежит. Завязал снова, закинул за спину, на груди ремень поправил, чтоб не перегнуть чужое добро, и пошел дальше. Идет по следам, а те ведут его прямо к дверям фактории. Вот, думает, ладно: и ему туда же.

Вошел он в магазин, а там уже торгует какой-то незнакомый оленевод — шапка росмахой оторочена, нагрудник бисером вышит.

Подошел ййвали к стойке, положил на прилавок свою находку, говорит американцу:

— Наверно, этот человек пушнину потерял? Я нашел, принес.

— Да, это мой мешок! — закричал кочевник, увидев на прилавке свою пушнину, и хотел было взять мешок. Но американец сказал:

— А чем ты отблагодаришь человека, который принес тебе твою потерю? Шкурок много, идти было далеко, нести нелегко.

Не хотелось богатому скряге ничего давать незнакомому бедняку. Решил он перехитрить ййвали. Взял мешок, вынул шкурки, пересчитал и говорит:

— Како-мей! Здесь только двадцать, а у меня было двадцать да еще две! Ты, наверное, спрятал, а теперь хочешь еще от меня получить!

Крепко обиделся юноша, сбросил с себя потертую кухлянку, скинул меховые штаны, в одном набедреннике остался, весь дрожит — не понять, то ли от холода, то ли от гнева.

Тут американец вышел из-за прилавка, взял связку шкурок, встряхнул их, подул против шерсти, на свет вдоль спинки поглядел, пересчитал, аккуратно положил в мешок, не спеша завязал и обратился к кочующему:

— Так ты говоришь, что в твоём мешке было двадцать штук и еще две. Значит, это не твоя пушнина, а, видно, та, что я сегодня утром потерял.

Охнул жадный богатеи, да так и остался стоять, открыв рот от удивления. А ййвали покачал головой и сказал сам себе:

— Шмель у комара добычу украл.

ПЕСЕЦ-НАЧАЛЬНИК

Когда-то, очень давно, звери, как и люди, выбирали себе начальника. Вот однажды выбрали главным по тундре песца. Сразу же стали звери начальнику на дом подарки носить: кто мяса, кто яиц, кто кореньев, а кто и ягод сладких для приправы. Несут и несут — только успевай есть. Обленился песец, разжирел. Крестец, как у оленя, салом налился. Забыл, как по распадкам бегал, мышей ловил!

«Хорошая жизнь настала, — думает начальник. — Ешь и спи! Ни забот, ни тревог, ни дум о завтрашнем дне!»

Прошло две зимы. Бывало, мыши по тундре с оглядкой бегали, боялись песца, как бы на зубы к нему не попасть. Теперь же, когда песец начальником стал, осмелели длиннохвостые. За две зимы расплодились во множестве. Когда же вполне уверились, что новый начальник совсем перестал мышковать, обнаглели так, что в тундре зверям никакого житья не стало. Соберут евражки корешков на зиму — мыши утащат! Натаскает себе горностаи яиц — разворуют длиннохвостые. Раздобудет малышам волчица олененка, так и тут мыши! Не столько мяса съедят, сколько напачкают и добра опоганят...

Застонала вся тундра от пискух. Долго думали, что делать. Пошли за советом к мудрому оленю:

— Помоги!

Удивился рогатый:

— Как же так! Живет в тундре песец — главный охотник за мышами, а вы ко мне пришли... Пойдем-ка к нему, хоть он и начальник, а мышей ловить должен!

Пришли к песцу. Тот спал. Взял его олень за загривок, в тундру отнес, в самое мышиное место бросил:

— Мышкой! Твоя это неременная обязанность! Смотри, какое множество твоего корма развелось, пока ты прохлаждался. Из-за твоей лени в тундре житья не стало, все звери жалуются.

Увидел песец, что земля в тундре от мышей серая, как живая шевелится, как завизжит:

— Ай-яй-яй! Мыши!!!

Бросился со всех ног, хвост поджавши, удирает во все лопатки:

— Мыши! Ай-яйяй-яйяй!!!

Вот это начальник.

СКАЗКА БЕЗ КОНЦА

Жил возле большого залива старый-престарый медведь. Звали его Нанук. В залив приплывало множество нерп. И повелось так, что каждый день Нанук добывал себе одну нерпу на обед. Однако он не хотел, чтоб звери говорили, что он жесток и прожорлив. Поэтому всякий раз, прежде чем съесть свою жертву, медведь предлагал ей:

— Если ты мне расскажешь длинную сказку, я тебя не трону: покуда будешь говорить, я буду питаться рыбой. Только тогда, когда сказка кончится, я тебя съем.

Как ни старались нерпы, ни одна не могла продлить свою жизнь: повествование быстро приходило к концу, и хитрый старик каждый день питался нерпятиной.

Однажды попалась Нануку маленькая нерпа-крылатка. Звали ее Кукупак. Она спросила:

— Правда ли, что пока будет длиться сказка, ты рассказчицу есть не станешь?

— Да,— ответил Нанук.— Во-первых, у меня доброе сердце, во-вторых, я дал обещание. Какой бы длины сказка ни была, я непременно дождусь ее конца.

Если б этот разговор слышали четвероногие, они бы сказали:

— Ого! Он выполнит свое обещание, когда у зайца хвост вырастет.

Но здесь некому было пугать нерпochку, и она поверила Нануку. Успокоившись, Кукупак потеряла страх и говорит старику:

— Ну, раз ты рассказчицу не тронешь, приготовься слушать.— Расположилась она поудобнее и начала:

— Я приплыла сюда издалека, где родилась и жила со своими братьями и сестрами. Там была хорошая охота и привольная жизнь. День-деньской мы со сверстниками плавали, играли, резвились. Но однажды нашей радости пришел конец. На берегу появился человек. Он поставил поблизости свое жилище и начал ловить сетью нерп. Охотник был старый, опытный, терпенья у него было достаточно. Куврак — сетка из ремней — сплетена прочно, крепко. Стал он каждый раз вынимать из сети живую нерпу. Сегодня поймает одну, завтра вторую, послезавтра третью. Так и пошло: сегодня поймает одну, завтра вынет из куврака вторую, послезавтра третью...

Лежит белый медведь на большой льдине, слушает. Лежит Кукупак на маленькой льдинке, рассказывает. Проголодался Нанук, спрашивает:

— Сказка твоя длинная?

— Длинная.

— Очень длинная?

— Очень длинная,— отвечает нерпа.

— Тогда давай пообедаем. Я есть хочу,— говорит старик.

— Давай,— отвечает крылатка,— я уже тоже есть хочу.

Наловил медведь рыбы, поел сам, угостил рассказчицу и снова лег, слушает. Подкрепились обедом Кукупак, устроилась получше, продолжает свою сказку:

— Живет на берегу охотник месяц, два и больше. Каждый день выходит к морю, каждый день вытаскивает куврак с нерпой. Сегодня поймает одну, завтра вторую, послезавтра еще одну...

Устал медведь, спать ему захотелось, он и спрашивает:

— Скоро твоя сказка кончится?

— Нет,— говорит Кукупак,— наше море богато животными, их

137 так скоро не переловишь. До конца моей сказки еще далеко.

— Тогда давай спать,— говорит медведь,— я устал.

— Ладно,— отвечает нерпа,— давай поспим, я тоже устала.

Легли они спать. Проснулись утром. Кукупак спрашивает:

— Как думаешь, сказку начинать или сперва позавтракаем?

— Нет,— говорит медведь,— сперва поедим.

Наловил он снова рыбы, поел сам, накормил Кукупак, лег поудобней и просит:

— А ты не можешь свою сказку поторопить?

— Нет,— отвечает Кукупак.— Если б охотник был помоложе, возможно, он ловил бы по две нерпы в день, тогда и сказка была бы вдвое короче. А у старика получалось только так: сегодня он ловил одну, завтра вытаскивал другую, послезавтра еще одну...

Не спеша говорила нерпа. Так прошел второй день, третий...

Кукупак живет и сейчас. Зато, когда теперь медведь на нерпу охотится, он пристально в воду смотрит, чтобы еще раз крылатку не вытащить.

ПОЧЕМУ СОБАКА НА ОЛЕНЯ БРОСАЕТСЯ

Очень давно олень с собакой дружно жили, вместе беседовали, вместе отдыхали. Делить было нечего, спорить не о чем.

Случилось однажды, что везли они поклажу на ярмарку. На собачьей нарте было груза не так много, а олень был очень стар, и даже легкую поклажу тащить ему было трудно.

— Возьми хоть часть моего груза,— попросил он собаку.

Но собака даже не посмотрела в его сторону, только быстрее вперед побежала. А старик олень еще несколько шагов сделал и упал замертво.

Тогда человек переложил на собачью нарту поклажу оленя да еще его шкуру в придачу: не бросать же ее песцам!

«Эх, лучше бы я помогла оленю, когда он меня просил!» — подумала собака, однако эта хорошая мысль поздно пришла.

С той поры собака, как завидит оленя, бежит за ним, но олень ей не верит и удирает от нее подальше.

А может быть, собака оленю помочь хочет?

Как думаешь?

ТРАВКИН ХВОСТ

Вышел однажды маленький горноста́й на свою первую охоту. В тундре — никого, только трава, да камни, да мох. Вдруг видит — из норки торчит маленький хвостик. Подбежал к нему горноста́йчик и схватил. Это был мышиный хвостик. Горноста́йчик спросил его, не разжимая зубов:

— Ты чей?

— Я — травкин хвост.

— Я тебя съем.

— Ну нет, — говорит хвостик, — я растение, а горноста́й траву не едят.

— А я тебя все равно съем, хоть ты и трава, — говорит Амиклюхак.

— Над тобой вся тундра смеяться будет, — уговаривает мышка.

— Пусть смеется, а я тебя все равно съем.

Видит мышка — погибать ей приходится, да еще от такого не-смышлениша. Решила она перехитрить глупыша.

— Ладно, — отвечает, — так и быть, ешь меня, только сперва свой хвост от земли оторви: он приклеился.

— Как — приклеился? Врешь ты!

— А ты погляди, сам увидишь.

Оглянувшись на свой хвост горноста́йчик, а мышиный хвостик с мышкой в норку юркнул.

Долго заглядывал в норку маленький охотник — не мог понять, куда девался травкин хвост.

А ты догадался?

ХИТРЫЙ ЛУКАВОГО ОБМАНУЛ

Пожаловался однажды охотник шаману своего селения:

— Устала у меня шея носить амулет — шкурку горноста́я, что ты мне велел.

— Отдай ее мне, я тебя облегчу, — говорит шаман.

— Хорошо,— соглашается хитрец,— только ты мне за это дай хоть ремешок для штанов.

— Ладно,— заторопился шаман,— сейчас достану.— И протянул ему свой ремешок.— Ну, дай мне твоего горностая.

— Нет,— качает головой охотник,— я передумал.— А сам не отдает ни горностая, ни ремешка.— Дай мне лучше твою трубку, а я тебе взамен отдам амулет и ремешок в придачу.

МЫШЬ-ХВАСТУНИШКА

Мышка Вувильту мала, а хвастлива. Увидала она утку и давай хвалиться:

— Вот я какая — ходить умею, бегать могу, норки рою, запасы на зиму заготовляю! А ты только и знаешь — либо плаваешь, либо летаешь!

— Все это верно,— сказала ей сидевшая поблизости старая евражка,— да только ходишь ты медленно, бегаешь недалеко, норки роешь неглубокие, а запасов и самой еле-еле хватает на зиму. Выходит, что делать ты умеешь четыре дела, да ни одного по-настоящему хорошо.

Молчит хвастунишка. Нечего ответить.

КЕМ БЫТЬ?

Заупрямился однажды медвежонок Кайнехак, перестал слушаться родителей.

— Не буду я больше медведем! Хочу другим зверем стать.

Сказал так и убежал. Шел-шел, в тундре очутился. Хорошо там, цветов много, солнце греет. Возле норки евражка сидит, передние лапки свесила, на хвостик опирается, свистит, как песню поет.

— И я хочу стоять столбиком,— говорит медвежонок,— и буду свистеть, как евражка.

Сел Кайнехак на холмик, передние лапки свесил, на хвост оперся: совсем как евражка. И давай свистеть... но получился громкий рев. Испугался евражка и убежал.

Досадно стало медвежонку. Побрел он дальше. Видит, олени пасутся. Подошел к одному из них, спрашивает:

— Ты кто? Я еще таких рогатых зверей не видывал.

— Я олень.

— Я тоже буду оленем.

— Ладно, мне будет веселей. Давай побежим! Кто быстрее?

Пока медвежонок ковылял на своих кривых лапах, оленя и след простыл.

— Не так уж интересно быть оленем,— пробормотал Кайнехак и пошел дальше. Недалеко от озера он увидел утку.

— Лучше я стану уткой: она и ходит не так быстро и летать умеет.

Стал медвежонок на задние лапы, замахал передними, как крыльями, прыгнул изо всех сил и... шмякнулся на землю.

— Давай я научу тебя, как надо летать,— предложила утка,— идем к берегу, там с обрыва легче начинать.

Стала утка на самом краю, расправила крылья и полетела над водой.

Прыгнул за ней Кайнехак — да как бултыхнется в воду! С головой окунулся. Вынырнул, лапами по воде бьет, отфыркивается, еле на сушу выбрался. Стоит мокрый медвежонок, отряхивается. Вода холодная, удовольствия мало, когда зуб на зуб не попадает!

Поплелся он прочь, а тут как раз встретил отца с матерью и братишку. Идут они, мирно беседуют, на ягодное поле направляются.

— Нет,— решил Кайнехак,— лучше быть хорошим медведем, чем перед другими срамиться.

ВОТ ЭТО ТОВАРИЩ!

Жили в одной тундре лисенок и щенок песца. Все называли их друзьями: они вместе бегали, вместе играли, вдвоем всю тундру обрыскали, везде побывали. Добежали они однажды до большого камня. Лисенок разогнался и ловко вскочил на самый верх.

— Прыгай сюда! — кричит он своему дружку. — Здесь хорошо, далеко кругом все видно.

Прыгал-прыгал песчонок, никак ему на камень не взобраться.

— Не могу я,— кричит он снизу лисенку.— Самому мне недопрыгнуть.

— Ничего,— кричит сверху лисенок,— я придумал! Хватайся зубами за мой хвост, я тебя наверх втяну. Только крепко держись, не то упадешь, ушибешься.

— А как я обратно слезу? — чуть не плачет песчонок.— Наверх ты меня поднимешь, а как же я вниз спущусь?

— А ты не бойся, я тебе и вниз попасть помогу — спихну!
Вот это товарищ!

ПОЧЕМУ ЛЯГУШКА КВАКАЕТ

В одной тундре на топком месте жила лягушка по имени Вамыngu. Среди своих скользких собратьев Вамыngu считался сильным, ловким. Имел он двух жен. Их яранги находились на противоположных окраинах низинки. Его жилище стояло как раз посредине пути от одной жены к другой. Жили все трое дружно. Обеих жен любил Вамыngu одинаково. В гости ходил к ним по очереди.

Однажды обе жены приготовили вкусное угощение и послали за мужем. Гонцы явились к нему одновременно. Сидит Вамыngu, то на одного, то на другого посланца смотрит, не знает, что ему делать.

— Как мне быть? Как мне быть? — квакает Вамыngu.— Если пойду обедать к старшей, обижу молодую. Если пойду к молодой, оскорблю первую... Как быть! Ка-ак быть?

Квакал, квакал, пока не пришла пора ужинать...

Вот и говорят люди, когда Вамыngu кричит:

— Лягушка квакает, решает, у кого ей обедать.

СПРАВЕДЛИВО

Сотворил Апайипайек людей, стал приглядываться, как они на земле живут. Видит, одни бьют, другие побиты, одни смеются, другие плачут, одни много едят, другие совсем без пищи. Позвал он оленя, лисицу и горноста.

— Идите на землю, узнайте, чему люди радуются, на что жалуются.

Отправились звери на землю выполнять волю творца. Первым вернулся олень.

— Жалуются все. У одних все есть, они жалуются от жадности. У других ничего нет, они жалуются по необходимости. Вот все, что я узнал.

Второй пришла лисица. За ней, запыхавшись, прибежал горноста́й.

— Нет, не все жалуются, неверно сказал олень,— говорит рыжая.— Я ни разу не слышала, чтоб кто-нибудь жаловался, что ему не хватает ума.

— Правду говорит лисица,— последним сказал горноста́й,— единственно, что справедливее всего распределил ты, Апайипайек, между людьми — это ум: никто не жалуется, что ему ума не хватает.

ОДНОГЛАЗАЯ УТКА И ОДНОКРЫЛЫЙ ШМЕЛЬ

Однажды посватался однокрылый шмель Выхтак к одноглазой утке:

— Выходи за меня замуж! Ты калека и я калека, будем друг другу помогать, я — хороший друг, буду верен тебе до конца твоей жизни.

Согласилась утка. Поженились они.

Выдалось лето дождливое, ручейки разлились, речки разбушевались, лужи превратились в озера. Если б не утка, совсем размок бы Выхтак, потому что с одним крылом летать он не мог. Утка все время прикрывала его своими перьями. А когда озеро вышло из берегов, шмель совсем в ужас пришел: плавать он не умел.

Взяла утка верного друга на спину и поплыла через озеро к высокому берегу. Там было сухо и безопасно. Плышет утка, лапами воду разрезает. Пугают шмеля волны, большими и страшными кажутся. Взорбался он со страху к утке на голову. Так и поплыли.

Посреди пути Выхтак вытащил жало. Увидела это утка, спрашивает:

— Для чего ты обнажил свое жало? Врагов ведь нигде поблизости нет.

— Мне сейчас необходимо выпустить каплю яду,— отвечает тот. Запричитала, заплакала утка:

— Глупая я, поверила тебе! Где же твоя дружба? Обманщик ты!

— Ничуть,— отвечает Выхтак.— Я обещал тебе дружбу до конца твоей жизни. Если я ужалю тебя в единственный глаз, ты погибнешь, а моей дружбы как раз хватит до конца твоей жизни.

Поняла утка, что здесь медлить нельзя, иначе действительно ее жизнь будет такая же короткая, как шмелиная дружба. Она глубоко нырнула, проплыла, сколько могла, под водой и благополучно вышла на другой берег. А Выхтак, верный до конца жизни, утонул.

Понятно, почему наши старики говорят, что вероломный друг опаснее врага?

ХИТРЫЙ ЛУКАВОГО ПРОУЧИЛ

Лисица была очень сердита на песка. Решила его проучить да над ним же потом хорошенько посмеяться.

Подстерегла она однажды его в месте, где отвесная скала стоит над глубоким обрывом. Спряталась Капевик на тропинке за большим камнем. Только издали показался песец, начала отчаянно кричать:

— Скорей! На помощь!

Заторопился песец, подбежал, спрашивает:

— Чего ты кричишь?

— На помощь зову,— отвечает лисица.— Если сейчас не поддержать скалу, она оборвется и мы оба погибнем!

Испугался круглоухий, спрашивает, заикаясь от страха:

— Что же нам делать?!

— Подопри скалу! — кричит рыжая.— Подопри скорей, поддержи ее плечом, а я побегу натаскаю камней, чтоб ее укрепить.

Прислонился песец плечом к камню, держит скалу. Убежала лисица, остановилась, обернулась, видит: натужился песец, скалу подпирал. Рассмеялась рыжая и потрусила полегоньку домой.

Долго стоял круглоухий, дрожал: стоять боязно, а отпустить скалу еще страшней. На плече плешину протер, так старался.

Если увидишь песка с изъязмом на плече, знай — это тот, что лису от скалы спасал.

С ХИТРЕЦОЙ

Сидела на высоком камне мышка. Она в страхе забралась туда, убегая от песка. Притаилась, отдышалась и задремала. Проснувшись, глянула вниз: сидит песец, ее поджидает.

— Три дня голодная буду здесь, не спущусь, — решила Вувиль-ту, — не то песец меня съест!

В полдень, когда солнце стало совсем над головой, согрелась мышка, повеселела, начала прыгать и пищать:

— Пи-пи-пи!

— Чего это ты, приятельница, так обрадовалась? — спрашивает песец.

— Да вот увидела охотников, — говорит мышка, — они сюда идут.

— А тебе-то что, если они сюда идут? — насторожился круглоухий.

— Они здесь обедать будут, и мне тоже что-нибудь перепадет.

Смекнул песец, что ему от охотников добра не ждать. Словно нехотя поднялся и сказал:

— А ведь, пожалуй, и мне пора обедать, уже полдень. Пойду потихоньку...

Сперва шажком, потом бегом, а там и во всю прыть помчался прочь от опасного места.

А мышка-то оказалась с хитрецей. Про охотников она все выдумала, чтоб песка напугать. Вот и выходит, что,

хоть и мал умишко у серенькой мышки,
зато хитреца спасла ее от песка.

ИКЫВАК¹

Не так давно в одном селении, на Севере, жил шаман, по имени Икывак. Был он немолод, но сил имел столько, что готов был еженощно замечать любого мужа в каждом пологе.

Приглянулась шаману молодая женщина из дальней яранги. Звали ее Рыни. Он так надоел ей своими домогательствами, что она

¹ Икывак — юго-западный ветер (эским.).

рассказала обо всем мужу. Рынь любила своего Юкыхтака¹, жили они очень дружно и сейчас решили вдвоем проучить назойливого шамана.

Юкыхтак был хорошим зверобоем, часто отлучался из дому. Икывак на охоту редко ходил, зато хорошо знал, когда в яранге пустует место хозяина, и всегда был начеку.

Долго советовались муж с женой и надумали так: Юкыхтак притворится больным, Рынь пригласит шамана его полечить, а там видно будет. На другой день пошла женщина к шаману.

— Приди, пожалуйста,— печальным голосом просит она.— Муж заболел, лежит, ослабел, есть не может... Помоги! Что потребуешь за лечение, все отдадим, лишь бы выздоровел.

Пришел Икывак. Видит — лежит Юкыхтак лицом к стене, дышит тяжело, на вопросы не отвечает, глаз не открывает. Приступил шаман к камланию. В бубен стучит, песни поет, а сам то и дело на Рынь поглядывает. Той и смешно и любопытно. Она тоже нет-нет да и взглянет на него. Обрадовался Икывак, думает:

«Ну, видно, здесь есть надежда! Не возьму сейчас за лечение ничего, пусть сама ко мне придет, принесет...»

Так и сделал. Кончил камлание, платы за лечение не принял.

— Завтра сама ко мне приходи, принеси все, что полагается.

Ушел лекарь. Встал мнимобольной, накормила его жена досыта, насмеялись оба до слез. Стали решать, как им свой план до конца довести. Вот и придумали.

Достала женщина новую одежду мужа, неношенные торбаса. Юкыхтак внес в полог специальный шест, приладил к нему особый ремень с петлей, при помощи которого вопросы умершему задают. Приготовили в пологе так, словно в жилище кто-то умер.

На следующее утро позавтракали основательно, посмеялись вдовсталь. Пока жена убирала посуду после еды, Юкыхтак обрядился в «последние одежды» и лег к стене лицом.

Побежала Рынь к шаману:

— Иди к нам скорее! Муж ночью умер. Я все приготовила. Приходи, соверши все, что положено для отправки его в дальний путь... Я за все разом с тобой расплачусь. В щедрости моей не сомневайся, отдам тебе заслуженное полной мерой!

¹ Юкыхтак — красавец.

Сказала и поспешила домой. Обрадовался Икывак, думает:

«Ну, теперь-то мое от меня не уйдет. Достанется то, чего давно хочется!»

Отправился шаман к умершему. Приблизился к яранге. Обошел жилище кругом, постукивает в бубен, прислушивается к тому, что внутри происходит. А там жена над мужем приговаривает:

— Бедная я... Покинул меня муж... Кто теперь меня пожалеет, кто приласкает?..

«Эге,— думает Икывак,— не без умысла женщина такие слова говорит! Это она мой бубен услышала, мне знак подает!»

Поторопился, влез в полог, шепчет:

— Не причитай, не огорчайся: я тебя теперь пожалею, я тебя приласкаю!

Рыни словно не слышит, продолжает оплакивать своего мужа:

— Любимый мой муж, вернись! Встань, проучи этого сластолюбца!

Тут «умерший» вскочил, схватил шест и отколотил шамана так, что тот еле ноги унес.

Говорят, что с той поры Икывак полюбил охоту, частенько в море уходил и за чужими женами не волочился.

ООЙ АВАВУ ДОСАДИЛ

Очень долго оба шамана жили в том селении. Каждый считал самым умелым, умным и могущественным себя. Люди обращались и к тому и к другому, поэтому оба жили, не тревожась о том, чем кормить семью завтра.

Однако никогда Авав и Оой не могли между собой поладить. Вот односельчане и старались платить обоим шаманам поровну, чтобы не навлечь на себя гнев которого-нибудь из них.

Однажды тяжело заболел опытный уважаемый охотник. К нему были приглашены оба шамана. Первым начал камлание Оой. Авав же заартачился:

— Не стану лечить за равную мзду. Мне следует платить больше, чем Оою. Я выше по умению и силе. Заплатите мне больше, чем первому лекарю,— пусть хоть на одну заячью шкурку, но больше!

Родственникам ничего не оставалось, как согласиться. Оой при-
творился, что ничего не слышал, закончил лечение и ушел. Его сме-
нил Авав.

Когда камлание Авава пришло к концу, родственники больного
вынесли ему одну заячью шкурку.

Затрясся от возмущения знахарь и завопил:

— Это еще что за шутки!

Однако гнев шамана никого не смутил. Ему ответили:

— Ты велел, чтобы тебе уплатили за камлание «на одну заячью
шкурку больше», чем первому. Мы так и сделали. Оой никакой платы
не принял за свое лечение, он с нас не взял ничего.

КТО КОГО ПЕРЕГОВОРИЛ

Хоть и велик поселок Сиреник, да все жители друг друга знают.
Каждый день видятся.

Вот как-то встретились девушка и парень. Он красив, она еще
лучше. Усмехнувшись, девушка парню говорит:

— У тебя шея не болит?

— А с чего бы ей болеть?

— А с того, что слишком часто ты на меня оглядывался.

— А у тебя позвоночник не болит? — в ответ парень девушку
спрашивает.

— Почему бы он болел?

— Да потому, что ты, считая, сколько раз я на тебя оглядывался,
слишком часто оборачивалась.

КТО САМЫЙ БОЛЬШОЙ?

Круглолицый месяц катался на нарточках по небу и хвалился:

— Пожалуй, я не только веселее, но и больше самого солнца.

Маленькое озерцо, лежавшее среди тундры, услышало хвастливые
слова месяца и сказало:

— Хвастунишка ты! А ну-ка погляди на меня — и ты увидишь,
кто самый большой в тундре.

Заглянул месяц в озерцо и увидел там всего себя. А озерцо ему и говорит:

— Вот видишь, я больше тебя, потому что ты весь умещаешься в моем водоеме.

Заспорили зазнайки да раскричались так громко, что разбудили евражку. Выбрался евражка Сикик из норы, потягивается, зевает, разинул рот так, что левый глаз сам закрылся. Поглядел он одним глазом на озерцо, потом на месяц и говорит:

— Эге, выходит, что больше всех здесь мой правый глаз: в нем помещается и все озерцо и весь месяц сразу!

Пролетела мимо сова, рассмешила ее речь жирного хвастунишки. Схватила она евражку, съела и говорит:

— Хорошо, что у меня на шее умная голова, а то бы и я сказала, что я самая большая в тундре. А как же: месяцу хватило места в озерце, озерцу вместе с месяцем — в глазу евражки, а весь евражка целиком поместился у меня в животе!

Вот и решай, кто из нас самый большой.

КАК КРАБ С ПЕСКОМ ВПЕРЕГОНКИ БЕГАЛ

На берег часто прибегал песец. Он ел выброшенное морским прибоем все, что попадет. Увидел он однажды маленького краба и давай над ним смеяться:

— Боколаз, ты почему, когда вдоль берега бегаешь, к морю кормой поворачиваешься?

Краб ему в ответ:

— У каждого свое. Я боком перебираюсь, ты, вдоль берега бегая, одним глазом на море, другим на сушу смотришь. Однако тебе за мной ни за что не угнаться. Я тебя всегда опережу.

— Уж не собираешься ли ты вперегонки со мною бегать?

— А что ж? Если вдоль по берегу, да чтоб вода была близко, я согласен. Могу до дальнего камня с тобой вперегонки бежать, — говорит краб. — Я тебе даже фору дам — у твоих задних ног стану и все равно опережу.

— Ну, я тебе покажу, как со мной в беге соревноваться, — рассердился песец. — Хвастаешь ты много! Становись, где тебе лучше.

Краб стал поближе к воде у задних ног песка. Тот обернулся и крикнул:

— Ты готов? Считаю. Раз, два, три! — И бросился во всю прыть по берегу до намеченного места.

А краб, как услышал «раз, два», вцепился песцу в хвост обеими большими клешнями и повис.

Добежал песец до места, остановился с разбегу и махнул хвостом. Краб оторвался и шлепнулся на гальку далеко впереди бежавшего. Оглянулся песец, спрашивает:

— Где ты, хвастунишка?

— Я здесь, у твоих передних ног, уже жду тебя.

Покачал круглоухой головой песец, усомнился:

— Трудно поверить, чтоб ты скорей меня бегал. Побежим-ка еще раз обратно к прежнему месту.

— Ладно, — смеется краб, — тебе с глупой головой — это работа, а для меня — одно удовольствие. Я даже опять тебе фору дам — снова у твоих задних ног стану. Ну, если готов — считай!

Оглянулся песец на краба, прокричал: «раз, два, три!» — и помчался что было сил. А краб снова ухватился за его хвост и поехал.

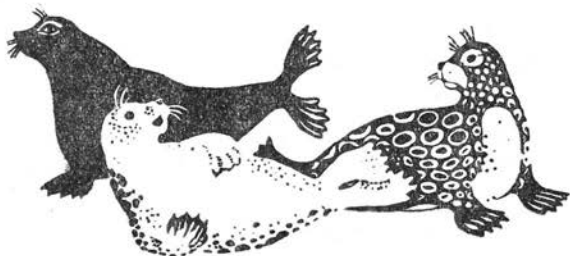
Прибыли на прежнее место. Остановился песец, обернулся назад, хвостом махнул и опять закинул краба вперед. Тот лежит на берегу, клешнями пошевеливает.

— Ну, где ты теперь, боколаз, небось далеко от меня отстал?

— Что ты все назад оглядываешься? — кричит ему краб. — Ты вперед смотри: я и сейчас тебя опередил.

Оторопел песец. Хоть и сам проверял, а не верится!

С той поры песец ни с кем вперегонки не бегают, а когда на берегу живого боколаза увидит, фыркает и головой крутит.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эскимосы — самые северные обитатели нашей планеты — являются потомками древнеазиатских эскимосов, чья культура оказала большое влияние на образование и развитие культур других народностей Северо-Востока Азии.

Кивагмэ — представитель эскимосского народа, первый в СССР самобытный сказитель, обладавший богатейшей памятью и незаурядным талантом интерпретатора.

Родился он в конце прошлого столетия — в 1891 году в чукотском поселке, где грамотных людей не было, о врачах не слышали, о календарном летоисчислении не имели представления. Как и все его односельчане, Кивагмэ был неграмотен, а когда пришла возможность учиться читать по школьному букварю на эскимосском языке, ему шел четвертый десяток. Естественно, что ему не могла прийти в голову мысль записывать сказки и легенды, которых он знал великое множество. Он не умел писать.

Его отец, как деды и прадеды, добывал морского зверя, доставлявшего береговым жителям все необходимое: пищу, одежду, покрытие для байдар и жилищ, а также жир для освещения и отопления полога.

Кивагмэ рано осиротел, прошел через голод и нищету. Сила воли и недюжинные способности помогли ему стать первым в поселке по стрельбе. Мужество в единоборстве с белым медведем завоевало ему уважение и славу, но ни то, ни другое не принесло счастья. Его любимую девушку тайно от него отдали кочующим, и те навсегда увезли ее в глубь тундры, где разыскать несчастную не представлялось никакой возможности. Юношу заставили жениться на нелюбимой женщине, старше его по возрасту. Тоска и неудовлетворенность толкнули будущего сказителя на необычный для того времени шаг: он нанялся матросом и немало проплавал на иностранных китобойных шхунах.

Зимой 1925 года бригаду, где стрелком был Кивагмэ, отрезало льдами и унесло далеко от берега. Около двадцати суток боролись охотники со стихией. Кивагмэ был привезен в родной поселок в таком состоянии, что шаман отказался помогать: все равно умрет. Но Кивагмэ остался в живых. Без медикаментов, без врачебной помощи боролся он со смертью и победил: огромным напряжением воли, по способу зверя, попавшего в капкан, он сам ампутировал себе суставы на обмороженных ногах. Выздоровление шло очень медленно.

К охотнику, вынужденному в мучительной праздности лежать без движения сотни дней и ночей, пришла на помощь спасительная память. Сперва в полубреду, потом явственно начало возникать в сознании все слышанное в далеком детстве, в годы скитаний, путешествий и плаваний. Незаметно для самого себя, постепенно, Кивагмэ, выбывший из числа зверобоев-охотников, переключился на новую, необычную специальность — стал рассказчиком. Спустя некоторое время он убедился, что интерпретировать сказки для взрослых — не менее благодарных слушателей, чем дети, — это такой же нужный и полезный труд, как плетение сетей, обработка морзверя или ремонт охотничьего инвентаря. Кивагмэ отдавал новому делу — рассказыванию всю живость характера и силу темперамента, скованную неподвижностью. Он щедро дарил свое творчество односельчанам, которым безгранично благодарен за поддержку в самую безотрадную пору своей жизни.

Большая заслуга Кивагмэ заключается в том, что в свое время, часто встречаясь с чукчами, язык которых знал великолепно, он сохранил в памяти многое из слышанного, а полюбившиеся ему сказки переводил на родной язык. Передавая их землякам, он умел найти в эскимосском языке слова и образы, делавшие его сказки живыми, яркими, запоминающимися. Обаяние их, душевная заинтересованность в людях, желание научить своих односельчан делать свою жизнь умнее и красивее помогли Кивагмэ остаться тем сказителем, чье имя было знакомо многим жителям побережья. Чем глубже он раскрывал в своих притчах и сказках внутренний мир охотников-тружеников, чем поэтичнее повествовал о мужестве и бесстрашии людей Севера, тем ближе становился он людям, тем сильнее было их желание слушать его еще и еще. Как и все эскимосы, безгранично любя детей, Кивагмэ бережно, в теплых, ласковых ладонях нес им отеческие советы, поучения, предостережения: не болтай попусту, не хвастай, не жадничай, не завидуй, будь смелым, гордым, наблюдательным, уважай труд, оберегай старость, помогай слабому, береги дружбу, храни тайну... И все это ненавязчиво, в форме веселой маленькой сказочки.

Немалую роль в воздействии сказок на слушателей играл несомненный талант Кивагмэ: он умел придать каждому действующему лицу только ему одному присущий оттенок голоса — будь то пичужка, зверь или человек. Переживания персонажей, выступающих в сказках, передавались им тщательно подобранными словами, звучавшими в интерпретации рассказчика непринужденно, просто и естественно.

Сказки Кивагмэ полны не только теплого жизнерадостного юмора. Его большое сердце сумело вместить предельную ненависть ко всему уродливому, подлому, жестокому. С большой охотой передавал он сказки сатирического характера, в которых высмеивались отрицательные черты, присущие человеку или животному, действующему как человек. Особенно остро высмеивал он гнусную сущность шаманов, торговцев и кулаков — всех тех, кто делал трудную жизнь людей Севера еще более тягостной. Естественно, что таким поведением Кивагмэ навлекал на себя гнев и ненависть шаманов, да и со стороны представителей зажиточной группы, беспощадно разоблачаемой им, он друзей не приобрел. К чести Кивагмэ, надо сказать, что он был достаточно смел и не боялся говорить правду прямо в лицо.

Кивагмэ был остроумен, находчив и при любых обстоятельствах не терял чувства собственного достоинства. Председатель нацсовета селения Урелик (бухта Провидения) камчадал Степанко Попов в 1934 году рассказывал, что с Кивагмэ происходило немало веселых происшествий, и вспомнил случай, свидетелем которого ему самому довелось быть.

...Поселок, где жил Кивагмэ, был бедный, собак имел мало: обычные поездки — упряжкой в шесть собак, а если с грузом — восемь. В Кивак часто приезжал курупканец Арай. Он очень кичился богатой меховой одеждой, а еще больше своей упряжкой, состоящей из двенадцати собак. И всегда, когда приезжал, не скупился на насмешки над слишком скромной одеждой кивакских охотников.

Однажды ему на глаза попался только что приехавший откуда-то Кивагмэ. На нем были сильно потертые штаны и выдавшая виды кухлянка, прикрытая старенькой камлейкой. Приезжий привычно зло съязвил по поводу неказистой одежонки Кивагмэ. Тот, не смутившись, громко ответил:

— Для того чтобы сказать человеку плохое слово, большого ума не надо.

— Стало быть, я неумный?! — с обидой воскликнул приезжий.

— Ся-а, не знаю, — протянул с усмешкой Кивагмэ.

— А что, по-твоему, тяжелее — ум или глупость? — спросил Арай, думая поставить в тупик строптивого собеседника. Но тот уверенно сказал:

— Конечно, глупость тяжелее.

— Как ты до этого додумался? — попытался сострить Арай.

— Тут и ребенку понятно,— посасывая трубочку, протянул Кивагмэ.— Видишь, меня шесть собак везут, а тебе необходимо двенадцать.— Приезжий вскипел от злости. Не зная, чем и как досадить шутнику, он грубо прокричал ему:

— А ты чего сюда явился? Я на твоём месте даже не подошел бы к нарте с обменным товаром: ты беднее хвоста моего самого последнего оленя. Что есть у тебя, чтобы дать мне взамен?

Кивагмэ ответил с еще большим презрением:

— Богатая одежда не увеличивает твоих достоинств. Жадность же твоя не позволит тебе оставить не в обмен что-нибудь для меня. А я вот при всех оставлю тебе без отдачи то, чего ты не поднимешь и даже не нагнешься, чтоб в руки взять.

— Ничего ты не смыслишь,— надменно возразил Арай.— Хороший хозяин из всего может извлечь пользу.— Спорщики окружили. Словесный поединок обещал быть забавным. Кивагмэ оглядел собравшихся односельчан, как бы призывая их быть внимательными, слегка пригнулся и... плюнул под ноги. Затем поднял голову и сказал Араю с усмешкой:

— Видел? Подними и используй, если ты «хороший хозяин».

Кивагмэ умер в 1948 году. В 1968 году исполняется двадцать лет со дня его смерти. Магаданское книжное издательство отмечает эту дату выпуском второго издания книги «Сказочник Кивагмэ», посвященной жизни и творчеству талантливого самородка.

Кто знает, если бы Кивагмэ был окружен людьми, имевшими хоть какое-то представление о существовании устных памятников старины, его сказки давно заняли бы почетное место среди мировой литературы рядом с творениями Андерсена, Киплинга, Чуковского, с любимыми сказками индийского, негритянского и других народов.

К. Сергеева.

СОДЕРЖАНИЕ

5 ЖИЗНЬ

51 СКАЗКИ

- 52 ВОРОН-КАРАУЛЬЩИК
- 53 ПОЧЕМУ КУРОПАТКИ СМЕЮТСЯ
- 54 ВОЛОСАТЫЙ И ПЕРНАТЫЙ
- 55 НАДОГОНЯЛСЯ
- 56 ВОЛК И ЛОСЕНОК
- 58 ПОЧЕМУ ВОЛК С ГОРНОСТАЕМ ДОВЫЧЕЙ ДЕЛИТСЯ
- 59 ХРАВРАЯ МЫШЬ
- 59 НЕ ЖАДНИЧАЙ — УТОНЕШЬ
- 60 ПОЧЕМУ ЛОСЬ НА МЫШКУ НЕ СМОТРИТ
- 61 КАК В ТУНДРЕ БЕСХВОСТАЯ МЫШЬ ПОЯВИЛАСЬ
- 61 КТО — КАК
- 62 КАМБАЛА НВИСЯ
- 63 ЗАЯЦ ЕВРАЖКУ ОТКОРМИЛ
- 64 БУСЫ
- 65 ВОТ ТАК ЧЕРВЯК!
- 66 НЕ ДРАЛСЯ, А ПОБЕДИЛ
- 66 БЫВАЕТ, ЧТО И ХИТРЕЦ ВПРОСАК ПОПАДАЕТ
- 68 КАК ЛИСА КИТОВОЕ МЯСО ДЕЛИЛА
- 70 ОТКУДА У ЛЮДЕЙ ТУРИ-ТУРЕК
- 71 КАК ЭХО ЛИСЬЕГО ЩЕНКА ПРОУЧИЛО
- 72 ПРО ЖАДНУЮ МЫШКУ
- 73 НЕ ДОГАДАЛИСЬ
- 74 ГДЕ ТВОЕ БОГАТСТВО
- 76 ТАК БЫЛО В АНАДЫРЕ
- 78 РАЗГАДАННАЯ ТАЙНА
- 81 МОРЖОВАЯ НАУКА
- 82 ПОЧЕМУ ЛОСЬ НА ПАУКА ФЫРКАЕТ
- 84 ЖАДНОМУ ВСЕГДА МАЛО
- 85 ВОТ КАК БЫВАЛО
- 86 ГОРНОСТАЙ ЛИСЕ ПОМОГ
- 88 СЯВАЯ — БЕГУН
- 89 ПОЧЕМУ У СОВЫ ГОЛОС НЕКРАСИВЫЙ
- 90 КАК ТЫ ДОГАДАЛСЯ?
- 91 КАК ЗВЕРИ НА ЛЯГУШЕК ЖАЛОВАЛИСЬ

- 92 ЛИКЭ
92 СКАЛА ВЕРНОСТИ
93 КТО КАК ГОВОРИТ
94 ОСТОРОЖНЫЙ И ТРУСЛИВЫЙ
95 ДРУГ ВОЖДЯ
96 ТЫ СЧАСТЛИВЕЕ ВСЕХ НАС
96 ДОБРЫЙ СОВЕТ
98 ДОСТОЙНЫЙ ОТВЕТ
99 ДВА ЖЕНИХА
100 ПОЧЕМУ У ЗАЙЦА ГУБА РАЗДВОЕНА
102 ХИТРАЯ ЕВРАЖКА
103 «НЕ МОИ ПОГН!»
104 СЮНАМ-ЙО
107 КАК ГОРНОСТАЙ ВОРОНА ОДОЛЕЛ
108 КТО ЛУЧШЕ?
108 МОЖЕШЬ УМИРАТЬ СПОКОЙНО
109 НЕ ЖАЛЕЙ О ТОМ, ЧТО ПОТЕРЯЛ
110 КАК ПАУК АПАИИПАЙЕК ЗВЕРЕЙ СОЗДАВАЛ
114 ЗАКОЛДОВАННЫЙ ОЛЕНЬ
115 ДОБРЫЙ ВОЛК
116 ОБМАНУТЫЙ ХИТРЕЦ
118 ХОРОШИЙ УРОК
119 КАК ОХОТНИК НА ЗАГАДКУ ОЛЕНЯ ВЫМЕНЯЛ
120 ЗА ЧТО ВЛАДЫКА ХОЛОДА БЛОХУ ЗАМОРОЗИЛ
121 ЧААТ И ОЛЕНЬ
122 ЧТО ЛУЧШЕ?
122 СКАЗКА С ПЕСНЕЙ
124 ДВА ХИТРЕЦА
125 ЮКНЫК
126 ПЕЧАЛЬНАЯ СКАЗОЧКА
127 РАЗОЧАРОВАННЫЙ ШАМАН
128 ПОЧЕМУ ЛЮДИ ИЗ ОЛЕНЬИХ ШКУР ОДЕЖДУ НОСЯТ
130 ПОЧЕМУ ОЛЕНЬ МЕДВЕЖЬЕГО СЛЕДА ИЗБЕГАЕТ
131 НЕ УМЕЕШЬ САМ, НЕ УЧИ ДРУГОГО
131 ПОЧЕМУ У КУРОПАТОК ВЕРИ КРАСНЫЕ
133 МЕДВЕЖЬЯ НОВОСТЬ
134 ШМЕЛЬ У КОМАРА ДОБЫЧУ УКРАЛ
135 ПЕСЕЦ-НАЧАЛЬНИК
136 СКАЗКА БЕЗ КОНЦА
138 ПОЧЕМУ СОБАКА НА ОЛЕНЯ БРОСАЕТСЯ
139 ТРАВКИН ХВОСТ
139 ХИТРЫЙ ЛУКАВОГО ОБМАНУЛ
140 МЫШЬ-ХВАСТУНИШКА
140 КЕМ БЫТЬ?
141 ВОТ ЭТО ТОВАРИЩ!
142 ПОЧЕМУ ЛЯГУШКА КВАКАЕТ

- 142 СПРАВЕДЛИВО
143 ОДНОГЛАЗАЯ УТКА И ОДНОКРЫТЫЙ ШМЕЛЬ
144 ХИТРЫЙ ЛУКАВОГО ПРОУЧИЛ
145 С ХИТРЕЦОЙ
145 ИКЫВАК
147 ООЙ АВАВУ ДОСАДИЛ
148 КТО КОГО ПЕРЕГОВОРЯЛ
148 КТО САМЫЙ БОЛЬШОЙ?
149 КАК КРАБ С ПЕСЦОМ ВПЕРЕГОНКИ БЕГАЛ
151 ПОСЛЕСЛОВИЕ

СЕРГЕЕВА Катерина Семеновна

СКАЗОЧНИК КИВАГМЭ. Второе дополненное издание.

Магадан, кн. изд-во. 1967. 160 стр. с илл.

Редактор **Л. И. Юрченко.** Художественный редактор **Д. Д. Власенко.**
Технический редактор **В. В. Плоская.** Корректор **М. Л. Лисичкина**

Сдано в набор 4/XI 1967 г. Подписано к печати 6/II-1968 г.
AX-00512. Формат 70×90/16. Объем 10 физ. л., 11,7 усл. л.,
10,25 уч.-изд. л. Заказ 6680. Тираж 15 000. Цена 54 коп. Бум. тип.
№ 2. Магаданское книжное издательство, г. Магадан, ул. Пролетар-
ская, 15. Магаданская областная типография Управления по печати.

Сергеева К. С.

Кр Р2
С 322

Сказочник Кивагмэ. Изд. 2-е, доп. Илл.: Д. А. Брюханов. Магадан, кн. изд., 1968.

160 с. с илл. 15 000 экз. 54 к.

Сказки эскимоса-зверобоя Кивагмэ, записанные под его диктовку эскимологом К. С. Сергеевой, повествуют о трудной жизни, обычаях и поверьях охотников-эскимосов. Эти сказки — плод мудрости народа, его наблюдательности. Сборник включает повесть «Жизнь Кивагмэ», 89 сказок и послесловие К. С. Сергеевой.

7-3-2
29-68М